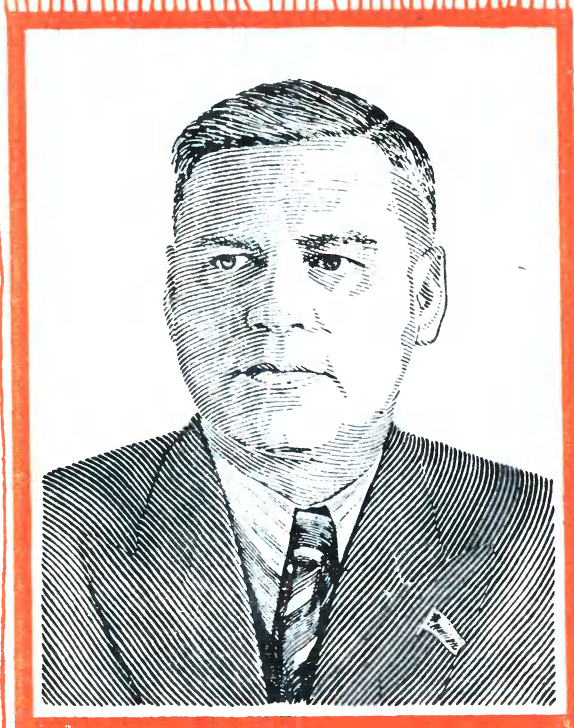

Р. 3 46-45

Роман-газета

26(78)

ВИЛИС ЛАЦИС

К НОВОМУ БЕРЕГУ

Окончание

ГОСЛИТИЗДАТ

1952

Роман-газета

6(78)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1952

Постановлением Совета Министров Союза ССР Лацис Вилису Тенисовичу за роман „К новому берегу“ присуждена Сталинская премия Первой степени за 1951 год.

Вилис Лацис

К НОВОМУ БЕРЕГУ

РОМАН

(Окончание)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В начале июля 1945 года Анна Пацелис демобилизовалась из армии. Боевые подруги — санитарки и снайперы дивизии — уговаривали ее не возвращаться к родным.

— Останься, Анниня, в Риге... — советовали они. — Мы поможем тебе найти квартиру и подходящую работу. Здесь ты сможешь учиться.

Но Анна не поддавалась на уговоры.

— Здесь, в Риге, обойдутся и без меня, а там я нужна, — ответила она подругам.

Пробыв несколько дней в Риге, она уехала в Пурвайскую волость. Округ был освобожден еще прошлой осенью,

и Анна могла не раз навестить своих родных, но она не сделала этого.

С поезда Анна сошла около полудня. До Сурумов было километров двенадцать. Прошлой ночью здесь прошел сильный дождь; неремонтированная за время войны дорога утопала в грязи — и девушке оченьгодились ее высокие сапоги. В темнозеленой юбке, в гимнастерке с орденами и несколькими медалями, со значком гвардейца на груди, в пилотке, с вещевым мешком за спиной, не спеша шагала она по грязной дороге и внимательно осматривала знакомые места, которые не видела четыре года. Округ этот находился в стороне от главных дорог войны, и здесь было сравнительно мало разрушений. Анна увидела два взорванных моста, сгоревший молочный завод рядом со зданием волисполкома и несколько старых развалин,

успевших зарости крапивой и репейником. Остальное было на своих местах, но за эти годы обветшало, стало серее. На пологих холмах виднелись старые крестьянские усадьбы; постройки с замшелыми крышами, покосившиеся и низкие, будто вросшие в землю. У новых, возведенных перед войной построек краска выгорела и местами облупилась, они выглядели обшарпанными и грязными.

Крестьяне косили. Пастушки, в старых фуражках немецких солдат, присматривали за сильно поредевшими стадами и провожали любопытными взглядами одетую по-военному девушку, шагавшую по большаку в сторону Змеиног болота. Иногда Анна останавливалась, чтобы посмотреть на усадьбу, фруктовый сад или рошу, и, вероятно, в памяти ее воскресали какие-то старые картины, лицо становилось мечтательно-задумчивым, временами она даже улыбалась и что-то говорила про себя.

Проходя мимо усадьбы Стабульников, Анна ускорила шаг, но предосторожность была излишней: в окнах не показалось ни одного лица, не выбежала собака полаять на прохожего, — усадьба пустовала.

«Так-то... — подумала Анна. — Побоялись остаться, когда подходила Красная Армия... удрали с фашистами — и горячка Майга и оба брата... хулиганы».

Она вспомнила давнишний случай, когда мальчишки Стабульника дразнили ее на дороге, обзывали скверными словами и хлестали крапивой, а Бруно стоял тут же и смеялся. Тогда она впервые увидела Артура. Он проучил обоих негодяев и заставил ударить гордого Бруно. При воспоминании об этом Анне стало тепло и радостно, будто Артур стоял рядом и подбадривал ее: «Выше голову!»

Размечтавшись, Анна не заметила, что с соседнего луга за ней наблюдает какой-то румяный круглолицый человек с влажным полуоткрытым ртом. Когда она подошла ближе, Марцис Кикрейзис воткнул вилы в землю и вышел на дорогу навстречу Анне.

— Послушай-ка... — неловко заговорил он, идяотски улыбаясь. — Ты не Анна из Сурумов?

— Да, а что? — Анна посмотрела на парня. — Марцис Кикрейзис?

— Ну да. Ты теперь опять будешь жить дома?

— Как вы сказали? — Анна пристально посмотрела на Марциса.

— Я сказал, будешь ты теперь жить дома? — повторил парень.

— С каких это пор, Марцис Кикрейзис, вы со мной на «ты»? — спросила Анна. — Если не ошибаюсь, мы вообще разговариваем впервые. Вы что — со всеми на «ты»?

— Я не знал, что... вам не понравится. Мне разве трудно сказать «вы»? Хоть десять раз подряд. Знаете, Анна, вы стали еще красивее, чем до войны. — Как все глуховатые люди, он говорил очень громко, почти кричал.

— Да неужели? — рассмеялась Анна.

— Вы мне очень понравились, — продолжал Марцис. — Я как-нибудь приду к вам в гости.

— А вот вы мне очень не нравитесь за то, что разговариваете так со мной, — сказала Анна. — Прощайте.

— Прощайте... — пробормотал Марцис. Он алчно и самоуверенно смотрел вслед Анне. У него не было ни ма-

лейшего сомнения в том, что Анна в самом скором времени станет принадлежать ему. Тогда она уже не посмеет сказать, что ей в Марцисе что-то не нравится, и обижаться ей не позволят. «Неизвестно, за что у нее ордена и медали? — опасливо подумал Марцис. — Наверно, очень храбрая... побойтесь ли она меня?»

А Анна, продолжая свой путь, уже забыла о недалеком парне.

Наконец показались родные места. На холме горделивые постройки усадьбы Урги... кусты, загон для лошадей, старая аллея... а вот у самой дороги серая приплюснутая и покосившаяся от времени изба Сурумов. Лаяла собака. Где-то за кустами сирени хрюкали поросята. У хлева, несмотря на многочисленные подпорки, в конце концов обвалилась стена, и строение напоминало разбитое бурей и выброшенное на берег судно. Посреди двора копошились куры.

Живя в Сурумах, Анна ничего хорошего там не видела, и все же ее охватило теплое чувство, когда она подходила к отчому дому. Хоть и был он холодной и неудобной клеткой, где она протомилась детство и раннюю юность, но на минуту Анна почувствовала, что действительно вернулась домой.

2

Заметив, что какая-то военная свернула с дороги к их двору, Лавиза крикнула собаке:

— Чуй! Чуй, Бобик!

Собака с лаем бросилась в сторону дороги, но тут же умолкла и, радостно прыгая вокруг Анны, проводила ее до избы.

— Перестань, Бобик, не разорви платок, — шутливо бранила Анна старую собаку, но та не знала, как проявить свою радость, вставала на задние лапы, пыталась лизнуть в лицо, а когда это не удалось, заскулила так нежно, что девушке пришлось погладить ее.

В двери кухни показалось бледносерое расплывшееся лицо мачехи. Под навесом старой клетки сидел на ступеньке Антон Пацепис и чинил хомут. Анна подошла к нему и тихо поздоровалась:

— Добрый вечер, отец...

У хозяина Сурумов выпало из рук шило, а лежавший на коленях хомут сполз на землю. Он долго смотрел на Анну, оглядел ее с ног до головы, не зная, что делать: радоваться или сердиться? Он не забыл, как четыре года тому назад Анна ушла из дому, не считаясь с его запретом. Но тогда обстоятельства были одни, сейчас — другие. Антон с Лавизой думали, что им больше не придется видеть Анну, поэтому они редко вспоминали о ней; только в последнее время, в связи с посещениями Марциса Кикрейзиса и его планами женитьбы, имя Анны снова стало упоминаться в Сурумах. Но никто не пытался представить себе, что будет, если Анна в самом деле появится здесь.

— Здравствуй... — пробормотал смущенно отец. — Домой, значит?

Он встал, вышел из-под навеса и протянул Анне руку:

— Такой солдат, что только держись... Разве ты тоже воевала?

— А как же, — улыбнулась Анна, но тут же лицо ее стало серьезным: здесь никто не собирался ответить на ее улыбку. Мачеха вышла во двор и издали приглядывалась к Анне. Узнав ее, она медленно подошла к клетке.

— Что за человек? — заговорила Лавиза. — Не Анька ли? Ну и чудеса — Анька вернулась!

— Вы, кажется, ошибаетесь... — сказала Анна, смело и вызывающе взглянув в глаза мачехи. — Меня так не зовут. Аньку ищите в другом месте, а если хотите говорить со мной, я попрошу вспомнить мое настоящее имя.

— Ой, какая гордая стала! — удивилась Лавиза. — Я, старая простая женщина, теперь и называть ее не сумею.

Подойдя совсем близко, она стала осматривать Анну с назойливым любопытством и все время усмехалась, но руки не протянула.

— Жан дома? — спросила Анна у отца.

— Где ж ему будет... — ответил Пацеплис. — Он на лугу... убирает сено.

— Как Бруно?

Пацеплис переглянулся с Лавизой и ответил, опустив глаза:

— С Бруно стряслась беда... еще в сорок первом году. Он спутался с немцами. Об этом узнали партизаны и... повесили.

Тщетно пытался Пацеплис заметить на лице дочери удивление, сострадание или радость. Анна даже бровью не повела, только проронила:

— Ах, так? — и снова спросила: — А Таурини еще в Ургах?

— В Ургах теперь машинно-тракторная станция, — ответил Пацеплис. — Жена умерла еще при немцах, а сам, когда фронт стал ближе к Латвии, уехал в город. Наверно, удрал с немцами. Здесь бы ему не поздоровилось. Сына тоже потерял в самом начале войны.

— Айвара? — спросила Анна.

— У Тауриня ведь другого и не было. Как в воду канул. Позже прошел слух, что его застрелили где-то на большаке.

— В последний раз я видела Айвара недели две тому назад, — сказала Анна. — Он сейчас капитан Советской Армии и командует батальоном Латышской гвардейской дивизии.

— Приемный сын Тауриней заодно с красными? — Лавиза от удивления всплеснула руками. — Тогда Тауринь зря удрал. Кто бы его сейчас посмел тронуть? Сын — офицер Красной Армии!

— Нет у него сына, — отрезала Анна. — Айвар больше не Тауринь, он носит фамилию своего настоящего отца... Лидума.

— Ну и чудеса... — пожал плечами Антон Пацеплис. — Разве родной его отец жив?

— Он подполковник и служит в одном с Айваром полку, — ответила Анна. — Что, отец, моя комнатка свободна?

— Как ее оставила, так и стоит... — вместо Антона ответила Лавиза.

— Могу я положить там свои вещи? — снова обратилась Анна к отцу. Тот посмотрел на жену, развел руками и проворчал:

— Мне-то что. Комнатенка все равно не нужна.

— Там не мыто и не метено с начала войны, — добавила Лавиза. — Если хочешь там жить, берись сначала за воду и веник. С меня хватит того, что я в своей комнате убираю. Теперь ведь не то что раньше: если наймешь человека помочь доить коров и полоть огород, сразу запишут в кулаки и заставят платить большие налоги.

И мачеха, как будто ждавшая этого удобного случая высказаться, не в силах была удержаться и еще долго ругала советскую власть. Ей не нравились и заготовки сельскохозяйственных продуктов, и лесозаготовительные работы, и новый председатель волисполкома.

— Неужели не могли поставить в председатели человека получше? — возмущалась Лавиза. — Выбрали Регута — последнего бедняка: ни земли у него, ни скотины, ни машин. Весь век только и знал, что батрачил.

Анна молчала, слушала и напоминала все. Ее молчание придало смелости мачехе, и та негодовала все больше, временами спрашивая Пацеплиса:

— Разве не так, Антон?

— Так, так... — спешил подтвердить муж. — Нет никакого порядка. Слишком уж большую власть дали этой голытьбе.

Наконец Анне надоело слушать эти причитания. Она принесла воды, разыскала тряпку, веник и вымыла свою комнату.

Пришел Жан с покоса, и Анна наконец-то увидела в Сурумах первого человека, искренно обрадовавшегося ее возвращению.

Брат сразу забросал ее вопросами:

— Расскажи все по порядку, как ты жила эти четыре года? За что у тебя ордена и медали? Ты участвовала в великой битве под Москвой? Сколько фашистов уничтожила своими руками?

— Все за один вечер рассказать не успею, — ответила Анна. — Но ты тоже должен рассказать, как прожил это время при немцах. Как тебе кажется, Жан, отец... не запятнал себя во время оккупации?

— Отца спасли лень и неподвижность, — усмехнулся Жан. — Жил как барсук в своей норе.

— А ты? — Анна пристально посмотрела в глаза брату.

— Я? — Жан задумался. — Не бойся, сестренка, за меня тебе краснеть не придется. Если у меня и нет больших заслуг перед нашими, то плохого я тоже не делал. А за то, что я сделал, правительство наградило меня вот чем... — Он зашел в свою комнату и минуту спустя вернулся с медалью «Партизану Великой Отечественной войны». — Почти два года проработал связным в партизанском полку Артура Лидума. Последние полгода перед изгнанием гитлеровцев прожил в лесу и участвовал в операциях.

— Вот это хорошо, Жан... — сказала Анна. — Я рада, что ты такой. Иначе в Сурумах было бы как в кулацкой усадьбе.

— Отец подпевает крупным хозяевам, — добавил Жан, — а Лавиза-то ведь дура и сама не знает, чего ей хочется. Теперь она попытается держать тебя под башмаком... как раньше. Только ты не допускай этого. Пошли ее ко всем чертям, если будет приставать.

— Мне думается, что мачеху удастся переубедить без излишней резкости, — ответила Анна.

После ужина, когда Антон Пацелис ушел спать, Лавиза без приглашения шмыгнула в комнату Анны. Так же как давеча, она все усмехалась, а глаза ее, как ужи, ползали по фигуре и лицу Анны. Наконец она не удержалась и насмешливо выпалила:

— Со многими офицерами поспала на войне?

Анна покраснела и отпрянула от Лавизы.

— Как вам не стыдно... — с укором ответила она мачехе. — Уйдите отсюда, бессовестная вы женщина.

— Ну, уж не может быть, чтоб ни с кем не погуляла... — бросила, уходя, Лавиза. — Ну посмотрим, посмотрим, что будет дальше. Только нос-то не очень задирай. Если думаешь испугать меня своими медалями, то ошибешься. Я не боюсь таких походных новостей.

После этого разговора Анне стало ясно, что переубедить мачеху без излишней резкости ей все же не удастся.

«Ну ладно, если хочешь, поборемся... — подумала Анна. — Только ты будешь иметь дело не с запуганной девчонкой, которая жила здесь раньше».

3

Рано утром Лавиза постучала в дверь Анны:

— Вставай, мамзель, пора коров доить...

Анна поднялась и быстро оделась по фронтовой привычке.

«Началось... — подумала она, причесываясь перед карманным зеркальцем. — Лавиза берет вожжи в руки. Интересно, как далеко она зайдет, если дать ей волю. Как ты думаешь, Анна... — улынулась она своему отражению в зеркале, — не попробовать ли? Пусть человек покажет себя до конца; как только станет невмоготу, дам ей отпор».

При отъезде из Риги в Пурвайскую волость у Анны не было никаких определенных планов на будущее. Хотелось недельку, другую отдохнуть, присмотреться к жизни родной округи, а затем договориться в уюте партии о работе. Девушка хотела узнать, кто остался в волости из коммунистов и советского актива и что случилось с комсомольской организацией. Последний год Анна вела работу ротного комсорга, поэтому можно было ожидать, что после демобилизации ее пошлют на комсомольскую работу.

Анна вошла в кухню. Мачеха, стоя на коленях перед плитой, пыталась раздуть пламя в отсыревших ольховых сучьях.

— Вот так оно и получается, когда не подсушат, — сердилась она. — Фу... фу... проклятая труха! Шипит, трещит, а гореть не горит. Иди, раздуй...

Анна встала на ее место, разворошила и поправила слишком плотно набитый в топку хворост, зажгла кусочек бересты и подложила под сучья. Вскоре языки пламени уже лизали сырой хворост, и он разгорелся сильно и жарко.

— Не забыла еще, шатаюсь по фронтам... — заключила Лавиза. — Теперь будешь каждое утро растапливать плиту, только сама позаботься с вечера о хворосте. А теперь иди подои коров. Работа пустяковая: две ведь только и остались.

Когда Анна вернулась из хлева и процедила молоко, Лавиза велела ей отвести коров в загон. После этого все сели завтракать. Антон уже встал и выкурил первую утреннюю трубку, а Жан успел с часок поработать на лугу.

— Надо бы навоз из хлева убрать, — проговорил Пацелис. — С весны не чищено.

— Так чего ж?.. — сказала Лавиза. — Пусть Анна после завтрака берется за вилы и до обеда вычистит хлев, а после обеда надо будет намочить белье.

— Нет ли у вас еще какой работы погрязнее? — спросила Анна. — Что-нибудь такое, что накопилось за всю войну? Заодно бы все переделала.

— В доме труба давно не чищена, — сказал Пацелис. — И в бане печь потрескалась — дымит. Надо бы замазать щели глиной.

Лавиза посмотрела на Анну:

— Вот видишь, сколько для тебя дела... Довольно погуляла белоручкой по свету. Теперь опять сама зарабатывай себе хлеб.

— Да, вижу... — ответила Анна. — Но трубу придется чистить кому-нибудь другому, я на трубочиста не училась. Незнакомо мне и ремесло печника. Я думаю, что трещины в печи замажет сам отец.

— У меня на такие пустяки не остается времени, — проворчал Пацелис.

— А ты какие горы будешь ворочать? — спросила Анна. — Пойдешь сено косить?

— Когда же? — вырвалось с насмешкой у Жана. — Пока отвезет бидон молока на молочный завод, пройдет полдня, а там уж коса траву не берет.

— Попрдержжи язык... — Пацелис насупившись посмотрел на сына. — Что ты, молокосос, понимаешь в делах взрослых?

— Я думаю, что вычистить хлев тоже придется или отцу, или тебе, Лавиза... — продолжал Жан, никак не обращая внимания на замечания Пацелиса. — Кто накопил, пусть тот и чистит. Анна не для того воевала и не для того приехала в Сурумы, чтобы работать за лентяев. Она сама знает, что ей делать.

— Ишь какой адвокат! — зашипела Лавиза. — Говорит как по нотам. А сама ты, военная мамзель, что думаешь? Будешь жить в Сурумах дармоедом или станешь зарабатывать кусок хлеба?

— Дармоедом я никогда не была и не буду, — ответила Анна. — Я не хотела спешить с этим разговором. Думала по крайней мере один день пожить под командой Лавизы, чтоб узнать, какова она теперь, но Жан расстроил мое намерение. Теперь я вижу, не стоит приглядываться, все и так совершенно ясно. Ты, отец, и ты, мачеха, забыли одно: жизнь не стоит на месте. Вам кажется, что я и сегодня все такая же, какой была четыре года тому назад, но это грубая ошибка. Я уже не прежняя Анна и никогда ею не буду. Если вы не хотите, чтобы дети ушли из

дому, в Сурумах должны установиться другие порядки и другие отношения. Я, например, никому не позволю сесть на шею, вижу, и Жан этого тоже не потерпит. Я ни одного дня не желаю находиться здесь на положении бессловесной рабочей скотины. Твое поведение, Лавиза, оскорбительно, и я прошу впредь никогда больше не разговаривать со мной в таком тоне. А ты, отец, мог бы хоть на старости лет постыдиться и перестать лодырничать. С тех пор как я тебя помню, ты всегда был лентяем. Но когда-нибудь в доме должен установиться порядок. Когда-нибудь и хозяину надо начать зарабатывать свой хлеб. Мне не трудно убрать навоз из хлева, вычистить трубу и замазать печь в бане, но я не хочу отнимать у тебя положенной тебе работы. Я сама найду, что делать.

— Антон! — закричала Лавиза. — И ты это допускаешь?

— Ты, девчонка, не давай воли языку! — Пацеплис погрозил пальцем. — Не доводи до греха, а то встану да возьмусь за тебя, тогда увидишь, кто распоряжается в семье.

— Потихе, отец... — сказала Анна. — Если начнешь грозить, может случиться, что и я не буду молчать.

— Что ты, котенок, мне сделаешь? — усмехнулся Пацеплис.

— Может, тебе будет приятно ответить на вопрос: почему вы оба с Лавизой в начале войны старались удержать меня дома? Почему хотели передать в руки фашистов? Сколько пообещали вам за это Бруно, Таурины и другие подлецы?

Пацеплис смущенно уставился в пол. Поблудневшая Лавиза кусала губы.

— Зачем вспоминать про такие старые дела... — пробормотала она. — Антон, чего ты сидишь — пора ехать на молочный завод.

— Да, пора ехать... — сказал Пацеплис и вышел.

— Ты молодец, Анна... — подмигнул сестре Жан. — Так им и надо.

Он ушел на луг. Анна убрала со стола, перемыла посуду, принесла на кухню дров и воды, затем сказала Лавизе:

— Я ухожу на луг помочь Жану. Коров я в обед дою.

Лавиза подождала, чтобы Анна скрылась за углом избы, и, оставшись на дворе одна, погрозила кулаками вслед ушедшей падчерице и обругала ее самыми скверными словами, понизив при этом голос. Ругаться так, чтобы слышали люди, у нее уже не хватало духа.

Весь день Анна проработала с братом на сенокосе. В обед и вечером подоила коров, после ужина убралась в кухне и во дворе. Управившись, Анна пошла прогуляться вдоль Змеиного болота.

С этого дня Анна действовала в Сурумах вполне самостоятельно: делала то, что считала нужным, работала много, усердно и ни у кого не спрашивала разрешения, если хотела отдохнуть или часок-другой погулять. И никто больше не решался запретить или навязать ей что-нибудь.

Поздно вечером Анна, глядя из окна своей комнатки на темное, курившееся после захода солнца болото, вспоминала свою давнишнюю мечту: «Теперь, старое болото,

скоро кончится твоя власть. Мы, советские люди, заставим тебя отступить!»

И хотя Анна не представляла себе, как это произойдет, она крепко верила, что мечта ее осуществится и что через несколько лет Змеиного болота не будет. Для того и вернулась она сюда, к тонким берегам болота, чтоб жить, работать и бороться с этим мрачным огромным врагом.

4

— Скажу тебе, Антон, откровенно: никуда ты не годный отец, — заговорила Лавиза однажды вечером, лежа рядом с Пацеплисом на кровати. — Никуда не годный. Перед детьми ты как теленок. Что хотят, то и делают, что им нравится, то и говорят в глаза родному отцу, а он только сопит да ворчит себе под нос.

— А что же я могу сделать? — оправдывался Антон. — Драться со взрослыми людьми? Прогнать из дому обоих? Кто ж тогда будет обрабатывать землю в Сурумах, кто будет пахать, косить? Может, ты, Лавиза?

— Зачем драться и гнать из дому? — удивилась Лавиза. — Надо сделать так, чтобы они исполняли малейшую волю отца и матери.

— Чего тебе, наконец, надо? — спросил Пацеплис. — Тебя сам черт не поймет.

— Чего надо? — Лавиза пожала плечами. — Того же, чего и тебе. Анна окончательно испортилась у этих солдат на фронте — так востра на язык стала, что и не думай ее переспорить. Если и дальше дать ей волю, она испортит и Жана, — придет час, когда у тебя не будет больше ни сына, ни дочери. Этот мальчишка и сейчас так и норовит сказать тебе или мне что-нибудь дерзкое. Если ты теперь же не обуздаешь Анну, — не ты и не я, а она станет хозяйкой в Сурумах.

— О какой узде ты болтаешь, Лавиза?

— О брачной узде. Анну надо выдать замуж, найги ей мужа. Жених тут же под носом. Хотя бы тот же Марцис Кикрейсис, — дай только знать, он ночью прискачет.

— Марцис парень неплохой, — сказал Пацеплис. — На вид, правда, неказист, но зато какая усадьба, какие поля, прекрасные постройки! Дай бог каждой девушке такого жениха.

— Лучшего, чем Марцис, такая походная невеста и желать не может, — добавила Лавиза. — Радоваться должна, что он возьмет такую.

— Ты, Лавиза, насчет походной невесты немного полегче, — сказал Пацеплис. — Еще под суд попадешь.

— Я ведь только тебе говорю!

— А я не хочу, чтоб про мою дочь болтали такое. Ты хорошо знаешь, какая Анна строгая, какая серьезная. Нельзя чернить человека ни за что ни про что. Ведь можно же обойтись без этого.

— Понятно, ты боишься, что Марцис узнает про это и откажется от Анны!

— Лавиза, сказано тебе: перестань! Говори о деле, нечего чепуху молоть. Если Марцис хочет жениться и Анна согласна, я готов хоть завтра сыграть свадьбу. Пусть только Марцис сам придет в Сурумы и ведет себя

как полагается жениху... Пусть покажет себя, сделает предложение Анне, уговорит. Не мне ведь говорить за него.

— Ясно, что так, — согласилась Лавиза. — Пусть Марцис приходит и сам потрудится для себя. А пока он будет любезничать с Анной, я попасаю коров, иначе ты будешь беспокоиться, что я расскажу Марцису про похождения твоей дочери на фронте.

— Про какие похождения? — спросил Пацеплис. — Что ты знаешь? Что ты видела или слышала?

— Видеть и слышать не приходилось, но можно себе представить...

— Ах, вот как? Ты будешь ее позорить только из-за своих догадок? По-про-буй!

Огромная рука Антона Пацеплиса с широко растопыренными пальцами упала на лицо Лавизы. Пальцы впились в ее мягкие щеки и до тех пор вдавливали голову в подушку, пока жена не стала задыхаться.

— Пусти, Антон... — застонала Лавиза. — Задушишь.

— Будешь болтать? — спросил Пацеплис.

— Не буду...

— Ну, смотри у меня, змея подколодная...

На следующий день, возвращаясь с молочного завода, Антон Пацеплис остановился возле усадьбы Кикрейзисов и поговорил с Марцисом.

В тот же вечер молодой Кикрейзис пришел в Сурумы, разрядившись, словно на танцы. На нем был черный суконный костюм, шею украшал стоячий воротничок с отогнутыми уголками и пестрый галстук, на голове была темнозеленая шляпа. Весь вечер он увивался вокруг Анны, пытался блеснуть глупейшими остротами и приглашал ее пойти погулять.

— В такой прекрасный вечер нельзя сидеть дома, — говорил он.

— Спасибо за приглашение, но я сегодня очень устала... — ответила Анна. — Первый сон — самый сладкий. Покойной ночи, товарищ Кикрейзис. — И она оставила парня одного посреди двора.

Марцису ничего больше не оставалось, как отправиться домой. На следующий вечер он пришел снова, до того напوماдив свои светлые волосы бриолином, что от него несло за версту, шляпа на этот раз была оставлена дома. Но Анна пробыла с ним лишь несколько минут.

— Ну как там у вас — все как полагается? — спросил как-то вечером Пацеплис у Марциса. — Обо всем поговорили?

— Куда там... — махнул рукой Марцис. — Я каждый вечер собираюсь сказать, но она ложится спать вместе с курами! Только соберусь поговорить, она уже ушла в свою комнату.

— Тогда пойди и ты с ней, — посоветовал Пацеплис. — Выспитесь вместе.

— А разве можно? — усомнился Марцис.

— Попробуйся, там будет видно.

На следующий вечер, когда Анна собралась идти спать, Марцис ползл за ней, собираясь войти в ее комнату, но у самых дверей остался с носом.

— Вам далеко идти... — сказала Анна. — Торопитесь, а то не доберетесь до дому.

— Нельзя ли... остаться у вас? — спросил Марцис.

— Нет, нельзя... — ответила Анна. — И спрашивать об этом тоже нельзя. На этот раз прощаю, но если еще раз зададите такой вопрос, можете получить пощечину.

— Анна, почему вы так? — Марцис сделал грустное лицо. — Я ведь с вами по-серьезному, по-настоящему... хочу на вас жениться.

— Очень прискорбно! — воскликнула Анна.

— Почему прискорбно? — не понял Марцис.

— Вы хотите на мне жениться, а я совсем этого не хочу. В таком случае не может выйти ничего путного.

— Вы это взаправду? — спросил Марцис.

— Что? — Анна притворилась непонимающей.

— Ну то, что замуж за меня не хотите...

— Да, и это прискорбнее всего, Марцис. Вам придется жениться на другой.

Марцис остался с разинутым ртом перед закрытой дверью.

«Вот тебе и красотка-невеста... — думал он. — Красивая, но не для меня. Интересно, кто же меня обогнал? Хотелось бы посмотреть, что он за птица. Может, совсем не так страшен, и я с ним справлюсь».

Марцис посоветовался с Пацеплисом. Хозяина Сурумов огорчил отказ Анны: такой состоятельный жених, такая хорошая усадьба — что ей еще нужно?

— Ты, однако, надежды не теряй, — успокоил он Марциса. — Я поговорю с Анной. Надо выяснить, в чем тут загвоздка. С моей стороны тебе обеспечена поддержка, на меня надейся, как на гору!

Но Пацеплису не пришлось поговорить с Анной: утром она объявила отцу, брату и мачехе, что отдохнула достаточно.

— Уйду из Сурумов и начну самостоятельную жизнь, иначе не отобьешься от всяких марцисов. Вам тоже будет спокойнее.

— Самостоятельную жизнь... — проворчал Пацеплис. — Как же ты ее начнешь?

— Поступлю на работу, отец... — ответила Анна. — Буду работать и зарабатывать себе на жизнь.

— Надоело месить навоз в хлеву, — встала Лавиза. — Вот и все. Пока не подцепишь мужа, будешь работать, а как придет кормилец в дом, на работу и не заманишь, помни мои слова. Самостоятельная жизнь... Хе...

Но Антону не давало покоя другое.

— А как же все-таки быть с Марцисом? — спросил он. — Марцис человек хороший. Не стоит его водить за нос. Если да, то да, если нет, так нет... должна быть полная ясность.

— И так все ясно, отец, — сказала Анна. — Пусть Марцис успокоится. Мне он не нужен. Я ему ясно сказала «нет». Больше он ничего не дожидается.

— Неразумно поступаешь! — воскликнул Пацеплис.

— Слишком уж нос задрала! — добавила Лавиза.

— Анна — молодец! — спокойно сказал Жан. — Мне нравится, что она отказала Марцису. Мне было бы очень стыдно, если бы моя сестра стала жить с таким оборотом.

— Вот так дети, вот так радость! — издевалась Лавиза. — Ну-ка, порадуйся, Антон. Хорошее воспитание! Ни в чем тебя больше не слушаются.

Антон молчал и думал: «Хоть бы поменьше болтала Лавиза о моих детях — от ее слов все равно никакого проку».

5

Когда Анна сошла с поезда, лил дождь. Пассажиры, подняв воротники и выбирая места посуше, спешили в город; только обладатели зонтов шагали спокойно и уверенно, не обращая внимания на холодные брызги, которые бросал в лицо ветер.

Анна не боялась непогоды: ее серое пальто повидало на своем веку и дождь и снег, да и армейские сапоги помесили грязь фронтовых дорог. Узнав на станции, как найти уездный исполком, она направилась туда. Анна решила прежде всего идти в исполком, потому что заместителем председателя там работала мать Артура Лидума — Ильза. Из ее писем Анна знала, что в эвакуации она окончила курсы советских и партийных работников, была зачислена в оперативную группу и вместе с нею, следуя шаг за шагом за советскими войсками, вернулась в свой уезд.

Ильза приняла Анну в рабочей комнатке, из окна которой была видна главная улица городка. В темносиней юбке, в белой кофточке собственной вязки, красивая и крепкая, она и сейчас выглядела молодо, хотя недавно отпраздновала свое пятидесятилетие.

— Анныня, милая! — воскликнула Ильза, поднимаясь навстречу Анне. — Как хорошо, что ты вернулась домой живой и невредимой. Была уже у своих?

Расцеловав Анну, Ильза подвела ее к окну и стала внимательно разглядывать девушку, которую не видела почти четыре года.

«Какие все же прекрасные, рослые дети у этого негодяя Пацеплиса...» — подумала она. А вслух сказала:

— Садись, Анныня, и расскажи мне все с самого начала — что ты за это время испытала, как тебя встретили дома и каковы твои дальнейшие планы?

Анна начала рассказывать, но вскоре стало ясно, что поговорить здесь не удастся: звонил телефон, время от времени заходили работники исполкома, посетители, которых нужно было выслушивать, и, наконец, Ильза сказала:

— Ничего, Анныня, скоро обеденный перерыв. Пообедаем в столовой и пойдем ко мне на квартиру. Ты ведь сегодня не уедешь, ночуешь у меня?

— Я приехала договориться в укоме о работе, — ответила Анна. — Мой отъезд зависит от того, когда уком решит это дело.

— Тогда тебе придется говорить с Артуром. Он — второй секретарь укома и ведает кадрами. Он утром уехал по волостям проверять, как идет уборка, к вечеру должен вернуться.

В обеденный перерыв они спокойно поговорили обо всем. Ильза очень интересовалась Айваром, спрашивала, как он воевал, как был ранен. Кроме того, она хотела знать, как встретили Анну в Сурумах отец и мачеха.

— Ты поступаешь правильно, что уходишь от них, — сказала Ильза. — Если ты останешься там, они потянут

тебя назад. А сейчас ты опять станешь свободной, самостоятельной, и никто не помешает твоему росту.

— Скажите, дорогая Ильза, работать на общественной работе очень трудно?

— Работать как-нибудь никогда не трудно, но если хочешь работать хорошо, приходится постараться. Вначале, когда брат втягивал меня в общественную работу, мне думалось — пришел мой смертный час, начнутся неудачи, неполадки и все будет надо мной смеяться. Первые недели я очень боялась. Мне казалось, что все видят мое неумение, недостаток опыта, что в глазах посетителей я выгляжу смешной, потому что не умею каждый поставленный ими вопрос разрешить так, как они этого хотят. Но со временем я поняла, что нет возможности удовлетворить желания каждого, — ведь многие требуют того, на что не имеют никакого права.

— Вы думаете, можно привыкнуть к такой работе?

— В этом ты, Аннушка, скоро сама убедишься.

— Думаю, что мне разрешат поступить на работу в какое-нибудь хозяйственное предприятие. Неплохо бы стать трактористом и работать на машинно-тракторной станции. Рядом с Сурумами в Ургах организована МТС.

— В твои годы, Аннушка, можно ставить себе самые большие цели. Выбери себе такую цель, для достижения которой потребуется половина жизни.

— Я не знаю, нужно ли полжизни для достижения моей цели, но несколько лет потребуется... — Анна загадочно улыбнулась.

Под вечер, когда Ильза вернулась в исполком, Анна пошла в кино посмотреть фильм о Заполярье. Поздно вечером, вернувшись домой вместе с Ильзой, она, наконец, встретила Артура. Он уже знал о приезде Анны и радушно приветствовал ее, сразу перейдя на «ты».

— Жаль, что не удалось встретить тебя в начале войны, — сказал Артур. — Тогда ты всю войну провела бы в нашем партизанском отряде.

— У стрелков тоже было неплохо, — ответила Анна.

— Всюду хорошо, где человек может работать на благо своей родины. Но в партизанском отряде ты бы очень пригодилась.

— Возможно. Но я хочу и сегодня пригодиться где-нибудь, поэтому пришла говорить с тобой... товарищ секретарь.

— Работа найдется. Куда тебя больше тянет? В уезд? На партийную, советскую или комсомольскую работу?

— Я не хочу уезжать из своей волости, — сказала Анна. — Если иначе нельзя, то, понятно, пойду куда пошлют, но лучше всего работать в родных местах.

— Великолепно, Анна! — воскликнул Артур. — Признаться, я собирался выдвинуть тебя на должность второго секретаря укома комсомола, но если ты не претендуешь на город, то пусть комсомольцы подождут еще неделю, пока найдем второго секретаря, а ты, мой друг, отправившись обратно в Пурвайскую волость и сразу же возьмешься за работу парторга. Сделай из своей волости настоящую советскую волость, организуй и вырасти актив, создай крепкую партийную организацию, направь на верный путь молодежь — и тогда с этой силой ты горы сдвнешь. Как ты на это смотришь?..

— Я еще не работала на партийной работе, — сказала Анна. — Справлюсь ли?

— Мы поможем тебе стать на ноги.

— А какие у меня будут обязанности?

— Разъяснять жителям политику партии и советской власти, создать партийную организацию и руководить ею. Сплотить массы, организовать политучебу и еще многое, о чем поговорим после. Только не делай так, как некоторые неудачливые парторги: не пытайся подменять советские и хозяйственные органы и работать вместо них. Контролируй их, помогай им, но предоставь самим работать и отвечать за свою работу. Не забудь — твою работу никто делать не будет, а уком и ЦК прежде всего заинтересуются, как поставлена партийная работа, как ведется политическое воспитание масс в волости. Как это хорошо, Анна, находиться в самой гуще событий и слышать, как бьется сердце народа, способствовать своей деятельностью тому, чтобы оно билось правильно, было бы здоровым. Ты будешь видеть, как отмирает старое, как зарождается и прорастает новое. словно заботливый садовник, возделашь и вырастишь прекрасный сад, и когда эти ростки станут давать богатый советский урожай, ты скажешь, что в жизни нет ничего прекраснее этого. Понятно, что не все потечет тихо и гладко. Будут и трудности, будет борьба, старое станет сопротивляться до последней возможности, но разве большевики когда-нибудь боялись трудностей?

Анна слушала Артура и чувствовала себя тепло среди друзей. Она была готова взяться за все. Ничто не казалось ей слишком трудным и непосильным, если она может жить и работать рядом с друзьями, чувствовать их заботу, любовь и рассчитывать в трудную минуту на их бескорыстную помощь.

Анна пробыла в городе еще два дня, пока уком согласовал с Центральным Комитетом ее назначение на работу. Получив все необходимые материалы и документы, она направилась обратно в Пурвайскую волость.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В одной из редакций рижских газет работала чудесная девушка — Валентина Сафронова, о которой много думал Артур. Этой осенью она поступила в двухгодичную школу партийно-советских работников. Каждую неделю они писали друг другу, а раз в месяц встречались. Для них было ясно и настоящее и будущее: когда Валентина окончит партшколу, они поженятся. Они пока не делились ни с кем своими мечтами о будущем, но люди ведь не слепые: когда почтальон приносил Артуру конверт, надписанный четким почерком, Ильзе нетрудно было увидеть, что тем же почерком сделана надпись на фотографии, которая стоит на столе Артура, и что в сердце сына рядом с матерью заняла место еще одна женщина, — с ней придется делить любовь Артура. Ильза приняла это спокойно, как естественное и неотвратимое событие в жизни своего сына, и

не досаждала ему своим любопытством, пока Артур не заговорил об этом сам.

Валентина Сафронова вошла в жизнь Артура Лидума неожиданно. Однажды, в конце июля 1941 года, когда Артур со своими партизанами возвращался с успешно проведенной операции, в чаще леса на тропинке они встретили смертельно уставшую девушку. В то время она знала по-латышски всего несколько слов. Поняв, что встретилась с советскими партизанами, она откровенно рассказала Артуру, что ее отец, инженер-металлург, был в начале 1941 года командирован из Москвы в Лиенау. Валентина в ту весну кончала десятилетку и осталась в Москве до окончания школы. Сдав последние экзамены и подав заявление на исторический факультет Московского университета, девушка выехала 21 июня из Москвы в Ригу, где ее должен был встретить отец. В дороге ее застала весть о начавшейся войне. В Риге немецкие самолеты пытались бомбить железнодорожную станцию и мосты через Даугаву. Валентина своими глазами видела, как на окраине города загорелся и взорвался в землю фашистский бомбовоз. Отец не смог приехать в Ригу, и Валентина направилась в Лиенау, но поезд дальше станции Салдус не пошел: моторизованные части врага уже отрезали Лиенау, у самого города шли тяжелые бои. Валентина решила продолжать путь пешком и дошла до Скрунды; там стало ясно, что она отрезана от своих и находится на оккупированной врагом территории. Какой-то лиенапчанин, которому в последний момент удалось выбраться из города, рассказал, что ее отец вместе с рабочими своего завода участвовал в защите Лиенау, командуя ротой добровольцев. Искать его теперь в Лиенау не было никакого смысла; если он не пал в боях с фашистами, то, наверно, выбравшись из окружения, сейчас пробирается с остатками своей роты где-нибудь по лесам и болотам на восток.

Валентина сейчас же повернула обратно к Риге, но, когда она добралась до Добеле, там уже хозяйничали гитлеровцы. Она решила любой ценой выйти из вражеского окружения и пробраться к своим. Одна, без друзей и знакомых, в незнакомом краю, не зная латышской речи, Валентина уже несколько недель блуждала по лесам и болотам, питаясь тем, что удавалось найти в полях и в лесу. Когда Артур Лидум встретил ее, она была в таком состоянии, что почти не могла двигаться, и партизаны увели девушку на свою базу. Там Валентина отдохнула, залечила натертые ноги, и после этого ей уже не хотелось уходить от новых друзей.

Три года пробыла она в партизанском отряде, которым командовал Артур Лидум, делила со своими товарищами все опасности, трудности и выполняла наравне со всеми боевые задания. За это время она настолько овладела латышским языком, что даже говорила без акцента. Не раз Валентине приходилось в годы войны и немецкий язык, который она изучала в средней школе.

Там, среди болот и лесов, в героической борьбе с врагом, возникла и окрепла дружба Артура Лидума и Валентины Сафроновой. Пройдя плечом к плечу тяжелый путь, нередко смотря смерти в глаза, вместе празднуя победы и переживая утраты, они поняли, что стали нужны друг другу на всю жизнь, но заговорили об этом они лишь тогда,

когда партизанское соединение встретилось с частями Советской Армии и Артуру пришлось расставаться с Валентиной.

— Теперь ты уедешь в Москву, и я больше никогда тебя не увижу... — сказал Артур. — А без тебя мне везде будет пусто и холодно.

— Ты хочешь, чтоб я вернулась к тебе? — спросила Валентина.

— Да, очень... Ведь я люблю тебя.

Валентина положила руку на голову Артура и долго гладила волосы, щеки Артура, потом поцеловала в губы и крепко прижалась щекой к его щеке.

— Смешной ты... как же я могу уйти от тебя? Ведь ты же мой, и я тебя никому не отдам.

В Москве Валентина узнала, что отец пал в великой битве под Сталинградом (из Лиепая ему удалось уйти в последнюю ночь перед занятием города гитлеровцами). Получив свидетельство об окончании средней школы и взяв кое-что из своих вещей, сохранившихся в московской квартире, она уехала в Ригу и поступила на работу в редакцию одной рижской газеты.

Артур работал вторым секретарем уездного комитета партии, когда Валентина в середине лета приехала к нему в гости. Знакома ее с матерью, Артур сказал:

— Это Валя. Я был бы очень рад, если бы ты, мама, полюбила ее, как меня, потому... что я сам ее очень люблю.

Ильзе понравилась эта ясноглазая стройная девушка, и между ними сразу установились простые, дружеские отношения.

— Осмотрись хорошенько, — говорил Артур Валентине, знакома ее во время прогулки с уездным городком. — Сможешь ли ты жить здесь круглый год?

Валентина посмотрела на него пристально и серьезно.

— Нет такого места в Советской стране, где мне бы не хотелось жить вместе с тобой. Ты это знаешь, поэтому не надо и говорить об этом.

Звенели ликующие песни птиц, и цветы нарядились в такие богатые уборы, что разбегались глаза. Валентине и Артуру казалось, что вся эта красота существует именно для того, чтобы полновочувственней и ярче было их огромное чистое счастье.

2

Вернувшись из уездного городка, Анна не пошла в Сурумы, а сразу явилась в исполком Пурвайской волости и разыскала там председателя Регута, еще крепкого, лет сорока пяти мужчину с атлетической шеей и коротко стриженными жесткими волосами. До войны он батрачил у Тауриня, Стабулиняка, Кикрейзиса и прочих крупных хозяев, поэтому хорошо знал, на каких хлебах держали они своих батраков и как нещадно эксплуатировали их. Во время войны Регут эвакуировался и три года проработал в одном из колхозов Алтайского края; после войны он вступил в партию. В волости Регут пользовался большим авторитетом.

Против появления в волости парторга Регут не возражал, ему только не понравилось, что на эту должность

прислали женщину, к тому же такую молодую. Когда на собрание придут бородачи да седые матери семейств, они посмотрят на молодую девушку с предубеждением и недоверчиво отнесутся к ее словам, — другое дело, если бы парторгом был мужчина в годах или по крайней мере пожилая, рассудительная женщина, которую все давно знают.

Всего в волости было три члена партии и два кандидата, кроме того — шестнадцать комсомольцев. С активом до сих пор работы не вели, интеллигенцию волости — учителей, агронома МТС, участкового врача — к работе не привлекали, и они стояли в стороне от всех начинаний. Правда, при волеисполкоме были созданы несколько постоянно действующих комиссий, но работала всего одна — сельскохозяйственная. И уже совершенно в стороне от общественной жизни стояли женщины Пурвайской волости. Анна видела, что работы здесь непочатый край, но и почва здесь благодатная.

Она начала с того, что поговорила со всеми членами и кандидатами партии, созвала партийное собрание и наметила план работы на три месяца. В голове у нее зрели большие планы, рассчитанные не на один год, но об этом она пока молчала.

Регут был прав: вначале пурвайчане смотрели недоверчиво на молодого парторга. Удивлялись, как это на такую ответственную работу направили женщину, копались в ее прошлом, собирали разные сплетни, но ничего особенного не собрали: до войны Анну в волости мало кто знал. Отец ее, хозяин Сурумов, всегда пользовался в волости дурной славой, его в расчет не брали и над ним посмеивались как над ленивым, ограниченным человеком, кулацким подпевалой, хотя самого его нельзя было причислить даже к середнякам. Иные думали, что у Анны нехватит твердости характера, когда придется столкнуться со своими родственниками.

Анна не обращала внимания на эти толки. Чтобы не терять времени на лишнюю ходьбу, она перебралась из Сурумов в небольшую комнатку покинутого кулацкого дома рядом с волеисполкомом. В самом исполкоме у Анны была небольшая рабочая комната, где она принимала посетителей и проводила совещания, но большую часть времени молодой парторг проводила на машинно-тракторной станции, в школе, на молочном заводе, в усадьбах крестьян. Анна разыскала старшего агронома МТС Римшу и долго разговаривала с ним о его работе. Крестьяне недоверчиво воспринимали различные агротехнические нововведения: ранний сев яровых в короткие сроки, внедрение новых технических культур. Многие рассматривали кок-сагыз как обыкновенный сорняк, которому не место на полях.

— Пожалуйста, подготовьте несколько популярных лекций по этим вопросам, — попросила Анна Римшу. — Я позабочусь, чтоб во время ваших лекций Народный дом был полон слушателей.

Подобные разговоры она вела и с директором неполной средней школы Жагаром и с участковым врачом Зултером. Она добилась того, что культурно-просветительная комиссия начала работать, в волости организовали кружок санитарного просвещения. Актив помог обеспечить школу

и врачебный пункт дровами на всю зиму и сделать необходимый ремонт. В Народном доме теперь два раза в месяц читали лекции и доклады на научно-популярные и политические темы. Начали работать коллективы художественной самодеятельности: хор и драматический кружок. Все больше и больше людей участвовало в общественной работе — они помогали строить новую советскую жизнь. Число активистов в Пурвайской волости скоро возросло почти до сотни, и это были самые способные, энергичные люди волости.

Регут понял, что его опасения относительно Анны напрасны. Ободренная первыми своими успехами, девушка решила, что подошло время поговорить с крестьянами о самом главном.

На одном из собраний, где обсуждали вопрос о выполнении хлебозаготовок и осеннего сева, Анна под конец взяла слово и предложила учредить в волости мелиоративное товарищество.

— Мы, советские люди, дальше не можем терпеть, чтоб Змеиное болото душило нас и затапливало наши поля и луга! — сказала она. — На кулаков и всяких эксплоататоров мы уже надели намордники. Пришло время надеть его и на проклятое болото. Записывайтесь все, у кого земля страдает от избытка влаги и нуждается в мелиорации. Потом мы найдем специалистов, чтобы составить план осушения.

Энтузиазм, с каким было встречено это предложение, превзошел все ожидания: почти половина пурвайских крестьян заявила о своем желании вступить в мелиоративное товарищество.

Анна поговорила об этом с Артуром Лидумом, первым секретарем укома и председателем исполкома. Везде ее предложение встретили одобрительно. Исполнительный комитет уезда принял специальное решение и направил вопрос в Ригу.

Через некоторое время Анна получила извещение, что мелиоративное товарищество Пурвайской волости утверждено и что в ближайшее время придут специалисты, чтобы выяснить на месте объем работ.

Первый шаг был сделан. Неразрешенный на протяжении нескольких поколений вопрос наконец-то стал в центре всеобщего внимания, и Анна верила, что на этот раз дело закончится не только красивыми словами и пожеланиями: времена были другие, и другие люди взялись за дело, люди, которые ничего не бросают на полпути, люди, которых ничем нельзя испугать — ни размахом дела, ни предстоящими трудностями, — советские люди, которым все по плечу.

3

Когда в Пурвайской волости организовалось мелиоративное товарищество, Антон Пацеплис долго прикидывал, как ему поступить: то ли вступить в товарищество и включить землю Сурумов в общий план осушения, то ли прикинуться ничего не знающим о коллективном начинании соседей? Наконец он решил посоветоваться с Лавизой. Та решила сразу:

— Никаких товариществ нам не нужно. Ты ведь, Антон, еще не рехнулся, чтобы платить товариществу членские взносы? Пусть платят, кому нравится, а мы осушим свою землю безо всякого товарищества.

— Одним будет трудно, Лавиза... — сказал Антон. — Это дело не пустяковое.

— Ничего нам делать не надо, — пояснила Лавиза. — Пусть роют канавы и осушают болото те, у кого прыти много, а мы поглядим со стороны. Когда болото осушат, просохнет земля и в Сурумах. Ведь так не может быть, чтобы вокруг было сухо, а наша земля посередине осталась мокрой, это же не пруд.

— Ну и мудрая ты у меня, как Соломон! — воскликнул Пацеплис и с восхищением посмотрел на жену. — Кому нравится, пусть роет и осушает, а пользу в первую голову получим мы.

В волюсполкоме он заявил, что не хочет вступать в мелиоративное товарищество и пусть его этими вопросами больше не беспокоят: поля и луга Сурумов как-нибудь обойдутся без канав и каналов.

Не помогли и уговоры соседей.

— Не стыдите вы меня, — резко обрывал их Пацеплис. — Я могу делать со своей землей все, что хочу.

— Ты хочешь, чтоб вместо тебя всю работу сделали другие, — упрекали его соседи. — Чужими руками собираешься жар загребать. Не честно, Сурум!

— Тогда не делайте ничего! — выкрикнул обозленный Пацеплис. — Разве я вас прошу, разве я вам велю что-нибудь делать? Сами походили с ума, а теперь сердитесь, что я не схожу с ума вместе с вами. Спасибо. Можете уходить. У меня нет времени на глупую болтовню.

Соседи так и ушли ни с чем.

Когда началась заготовка зерновых, Лавиза дала Антону новый совет:

— Ты будешь последним дураком, если сдашь государству хоть один килограмм теперь, когда твоя родная дочь сидит в волюсполкоме и управляет всеми делами. У Анны нехватит нахальства взяться за отца из-за нескольких мешков зерна. Пусть сдают другие, у кого нет родных в исполкоме.

— Я тоже думаю, Анна оставит нас в покое, — рассуждал Пацеплис. — Иначе не стоило бы и дочь растить.

Получив извещение о количестве и сроках сдачи зерна, Антон спокойно засунул повестку в календарь. Его ничуть не беспокоило и напоминание уполномоченного десятидворки об истечении первого срока. Пацеплис не спешил с обмолом нового урожая, а остаток прошлогоднего зерна насыпал в мешки и спрятал в яму. Когда уполномоченный снова напомнил ему о его задолженности, Антон рассердился:

— Чего ты привязался ко мне? Не видишь разве, что мне неоткуда взять зерно? Когда обмолочу, тогда и сдам.

— Почему же ты не молотишь? — спросил уполномоченный.

— А кто будет копать картофель, готовиться к севу озимых? Сразу все дела не переделаешь.

Через несколько дней Пацеплиса вызвали в волюсполком.

Председатель Регут, у которого он спросил, зачем его вызвали, сказал:

— Зайдите к парторгу. Товарищ Пацеплис хочет поговорить с вами по какому-то важному делу.

«Парторг... товарищ Пацеплис... — хозяин Сурумов пожал плечами. — Говорит-то как, будто не знает, что Анна моя дочь. Но если ей что-нибудь от меня нужно, могла бы сама притти к отцу и поговорить со мной».

Угрюмый, раздраженный, зашел он в рабочую комнату парторга волости. Там сидели директор МТС и учитель неполной средней школы. Они попрощались с Анной и вышли.

— Как живется в Сурумах, отец? — спросила Анна. — Уже весь хлеб убрали и обмолотили?

— Что ж мне, разорваться? — пробурчал Пацеплис. — У меня молотилки и зерносушилки нет. Да и урожай в этом году такой, что и глядеть не хочется. Хорошо бы хоть на семена собрать.

Анна усмехнулась.

— Об этом рассказывай кому-нибудь другому, а не мне. Я-то знаю, что центнеров десять с гектара получите. Лучше скажи, почему ты зерно не сдаешь? Многие пурвайчане уже сдали государству все, что полагается, другие на-днях выполнят годовой план, и только один мой уважаемый отец держится так, будто это его не касается.

— Послушай, Анна, разве государство обеднеет, если не получит мои триста — четыреста килограммов? Уж ты могла бы освободить своего отца от сдачи зерна. Ну, а если уж сдавать, то хоть норму бы дала пониженную, как бедняку или новохозяину. Нехватает еще, чтобы обложили меня по кулацкой норме. Разве так поступают хорошие дети?

— Перед государством мы все равны, — ответила Анна. — К твоему сведению, когда составлялся план зернопоставок, некоторые товарищи хотели зачислить тебя в самую низшую группу. Хорошо, что я узнала об этом и исправила ошибку.

— Вот так хорошо! — Пацеплис плюнул. — Разодолжила! Чужие люди готовы пожалеть, а родная дочь надевает на шею петлю. Спасибо, доченька, большое спасибо от старика отца...

— Напрасно ты сердиться, отец... — спокойно продолжала Анна. — Я не могу допустить, чтобы мои родные не выполняли честно свои обязательства перед государством. Или ты хочешь, чтобы люди показывали на тебя пальцем: вон саботажник! Я не желаю этого, и пока у меня будет хоть малейшая возможность, я не допущу, чтоб ты отставал, саботировал, вредил.

— Ну, а если я не сделаю по-твоему? — Пацеплис выпрямился. — Что вы со мной, старым человеком, делаете? Посадите в тюрьму? Ушлете в Сибирь?

— Опомнись, отец, не иди по стопам кулаков. Не срами себя и своих детей. Послушайся моего совета и поверь, что я от всего сердца желаю тебе добра.

— Откуда ты, поросячий хвост, знаешь, что мне к добру... — отгрызнулся Пацеплис и, не попрощавшись, вышел из комнаты...

— Это только пустые угрозы, — сказала Лавиза, когда Антон рассказал ей о своем разговоре с Анной. — Хотят запугать, но тебя не тронут.

И они продолжали саботировать. Ни на второй, ни на третий день Пацеплис не повез зерно на заготовительный пункт.

Тогда случилось невероятное: в Сурумы явился член волисполкома и официальные представители из заготовительных и финансовых органов и составили акт. Лавиза, как тень, ходила за мужем и потихоньку язвила:

— Ну и дочка у тебя. Погляди-ка, что она делает с отцом. Радуйся, Антон, кого ты вырастил... Вот так счастливый отец!

— Перестань болтать... — зарычал на нее Пацеплис. — У меня и так черти на душе скребут, а тут еще ты словно тупым ножом...

Жан в это время был в поле. Вернувшись в обед, он увидел уходивших со двора незнакомых людей.

— Что за люди? — поинтересовался он. — Зачем приходили?

— Разорить нас до последней нитки — вот для чего приходили, — ответила мачеха. — И это по милости твоей любимой сестры.

— За что? — Жан сурово посмотрел на отца.

— За то, что не сдали зерно... — ответил отец, глядя вниз. — Им все равно: есть у человека зерно или нет. Доставай хоть из пекла и вези на заготовительный пункт, иначе пустят тебя по миру, как последнего нищего.

Лицо Жана помрачнело.

— Знаешь что, отец, с этим надо кончать. Нам и сдать-то нужно сущие пустяки. Зачем прикидываться такими бедняками? Если ты сегодня же не отвезешь на заготовительный пункт всю годовую норму, я утром пойду в волисполком и расскажу Регуту и Анне, где ты прячешь рожь и овес.

Взбешенный Пацеплис не находил слов для ответа сыну, лицо у него исказилось, глаза были готовы выскочить из орбит, кулаки угрожающе сжимались...

Лавиза прищуренными глазами смотрела на пасынка и, почесывая голову, шептала:

— Весь в сестру. Два сапога — пара.

Как это ни было неприятно Пацеплису и Лавизе, другого им не оставалось, как вытащить из ямы спрятанные мешки с зерном, сложить их на воз и везти на заготовительный пункт. Жан помог грузить, проверил, достаточно ли чистое и сухое зерно и хватит ли его, чтобы рассчитаться за год, — только тогда он согласился поехать на заготовительный пункт; у отца внезапно заболел живот, и он не мог пуститься в мало приятный для него пук.

Вся волость узнала об этом. Многие смеялись над тем, как просчитался Антон Пацеплис. Кулаки ругали Анну, но среди жителей волости ее авторитет после этого случая возрос.

Когда Пурвайская волость получила план заготовки и вывоза лесоматериалов, Анне впервые пришлось поспорить с Регутом. Тот хотел распределить план по хозяйствам в зависимости от величины земельной площади, Анна говорила, что прежде всего надо принять во внимание число

работоспособных людей и количество лошадей в каждом хозяйстве.

— Какое мне дело, достаточно ли у кулака рабочих рук или нет? — спорил Регут. — Пусть работает хоть всю зиму, пока не вырубит и не вывезет свою норму. У кого больше земли, тому надо больше поработать в лесу.

— Тогда наложи на Стабулника самую большую норму, а сам сейчас же позаботься о рабочих.

— Речь идет не о брошенных хозяйствах, мы говорим только о тех, где хозяин на месте.

— Ну, тогда обложи Путринькалнов большой нормой и уже наперед считайся с тем, что план не будет выполнен. В административном порядке ты от этих двух стариков ничего не добьешься.

— Тогда выходит, что нам не подступиться ни к одному кулаку.

— Подступимся, товарищ Регут, только надо делать это, не обманывая себя. Нам надо учесть республиканский опыт. В Риге по этим вопросам недавно проходило совещание, и ЦК приняло решение. Об этом же говорилось на собрании актива нашего уезда. И решение ЦК и резолюция собрания особое внимание обращают на серьезный, продуманный подход к распределению заданий. Надо учесть мощност каждого хозяйства и только тогда давать задание.

— Если мы по такому принципу станем учитывать каждое хозяйство, то до самого нового года не распределим плана, а когда же валить деревья и вывозить их из лесу? — сердито проворчал Регут.

— Лучше недельку посидеть и подумать, чем за один день на глазок определить нормы, а потом до самой весны только тем и заниматься, что исправлять ошибки.

Распределение плана потребовало нескольких дней. Анне не раз пришлось повздорить с Регутом и остальными членами волисполкома: у каждого были свои родственники и близкие, хотелось дать им задание полегче. Чтоб развязать себе руки, Анна начала с Сурумов и определила отцу такое задание, что никто не мог упрекнуть ее в пристрастии к родственникам.

Когда Пацеплис получил извещение, что ему придется вырубить восемьдесят кубометров и вывезти на станцию пятьдесят кубометров древесины, он страшно рассердился и на следующее утро поспешил в волисполком к Анне.

— Что это на тебя нашло? — без всяких предисловий накинулся Пацеплис на дочь. — Белены объелась, что ли? Как зверь обращаешься со своими. Восемьдесят кубометров! Понимаешь ли ты, что это такое? Пока Жан это вырубит...

— Почему Жан? — перебила его Анна. — А ты не можешь ему помочь? Лавиза управится со скотиной одна. Лесосеки здесь отличные, если будете работать как следует, за три недели вырубите всю норму, а в течение двух недель один из вас все вывезет на станцию. Как видишь, отец, ничего особенного здесь нет.

Пацеплис только засопел:

— Ты действуешь, как чужая. Раньше среди родственников таких вещей не случалось.

— А теперь случается и будет случаться впредь. Я никогда не допущу, чтоб моим близким делали поблажки.

И будет хорошо, если вы с Жаном завтра же возьметесь за дело и покажете пример всей волости — первыми начнете и закончите сезонное задание. Потом можете поработать сверх плана. Ну что особенного, если вы с Жаном вырубите и вывезете дополнительно кубометров пятьдесят?

— Ты... ты это всерьез? — Пацеплис задыхался от злости и неожиданности. — Я... сверх плана?

— Почему же нет? Большинство людей нашей волости это делает. Разве ты хуже других?

— Если ты так рассуждаешь, мне с тобой нечего и говорить! — Пацеплис плюнул и носком сапога растер пловок. — Я пришел в надежде, что мне снизят норму по крайней мере на треть, а эта полоумная думает еще добавить.

— Значит, не согласен? — спросила Анна.

— Поищи дураков в другом месте! — вспыхнул отец.

— А если Жан согласится?

— Жан? При чем тут Жан? Меня не интересует, что он думает.

— А меня очень, и я обязательно поговорю с ним.

— Попробуй только!

— Твоего разрешения тут не требуется. Тебе бы следовало, отец, помнить, что мы с Жаном уже взрослые и имеем право не спрашивать твоего одобрения.

— А я могу запретить Жану в рабочее время пойти в волисполком.

— Разве он у тебя наемный работник? — удивилась Анна. — Сколько ты ему платишь в месяц? Может, следует внести Сурумы в список кулацких хозяйств и обложить повышенными налогами, так как, оказывается, у вас есть наемная рабочая сила? Как ты думаешь, отец?

— Что тут думать... — Пацеплис поднялся. — Когда-то я думал, что у меня есть дочь. Теперь вижу, что у меня нет больше детей.

— Ошибаешься, отец. У тебя есть дети, и они жаждут тебе только добра, делают все, чтобы ты стал честным советским человеком, а ты все меришь на свой старый аршин, и поэтому мы еще пока не можем понять друг друга. Но ничего, когда-нибудь мы найдем общий язык.

— Никогда! Какой я есть, таким останусь!

— Я тебя не оставлю таким, отец. Хочешь или не хочешь, а все равно ты станешь другим человеком. Имей это в виду!

Ничего не добившись, сердитый и смущенный ушел домой Пацеплис.

В тот же день к Анне явился еще один посетитель — Марцис Кикрейзис. Он начал с того, что Кикрейзисам этой осенью все задания даются такие, что дух захватывает.

— Почему по лесозаготовкам у нас такая норма, как ни у кого другого? — спрашивал он. — У нас земли не больше, чем у многих других. Почему такая несправедливость?

— Все правильно и справедливо, — ответила Анна. — В Кикрейзисах трое работоспособных и три лошади. Это первое. Вы всегда держали наемных рабочих, эксплуатировали батраков и наживались еволю. Теперь вы отнесены к кулакам. Это второе. Поэтому и большая норма. Сове-

тую не терять времени, а то не успеете по санному пути вывезти бревна на станцию. У вас есть еще какой-то вопрос ко мне, товарищ Бикрейзис?

— В телеге у меня кадочка масла и кусок ветчины, — сказал Марцис. — Скажите, куда их положить. Может, внести сюда или отвезти на квартиру?

— Зачем? Я думаю, будет лучше, если вы отвезете все это обратно домой. На лесных работах самим пригодится.

— Домой везти нельзя, — объяснил Марцис. — Отец велел оставить вам. Ну скажите сами, разве так тяжело уменьшить норму на каких-нибудь пятьдесят или шестьдесят кубометров? Для вас это только росчерк пера, а мы... мы бы знали, как отблагодарить за любезность. Вы не пожалеете... Разрешите внести кадочку?

— Двери там, — показала Анна. — Убирайтесь. А если еще раз придете ко мне с такими предложениями, я предаю вас суду за взяточничество. Чего вы еще ждете? Уходите!

— Ах, вот ты какая... Анна Пацеплис? — пробормотал Марцис, угрожающе посмотрев на Анну. — Попомни тебе это.

Он ушел.

Анна знала, что кулаки попытаются сорвать заготовки и, если не установить твердый распорядок, выполнение плана может затянуться до поздней весны. Она собрала волостной актив, разбила хозяйства волости на группы; к каждой группе прикрепила активиста, который проверял ход лесозаготовок и своевременно сообщал о каждой попытке саботажа. Кулаки, таким образом, не могли отвертеться от выполнения своих обязательств.

И вот тогда Анна получила анонимное письмо с угрозами и грязными ругательствами. Ей предлагали изменить курс или убраться из Пурвайской волости. «Если не послушаешься, мы тебя прикончим», — писал автор анонимного письма.

Через несколько недель вечером, когда Анна возвращалась домой, в нее выстрелили из придорожных кустов. Пуля просвистела над самым ухом. Группа истребителей, по борьбе с бандитизмом, организованная сразу же после изгнания гитлеровцев, обследовала место нападения, но ничего не нашла: стрелявший после неудачного покушения, по всей вероятности, вышел из кустов на дорогу, и следы его затерялись.

Через несколько дней Анна снова получила угрожающее письмо.

«Это было только предупреждение, чтобы ты знала, что мы не шутим с такими, как ты... — говорилось в письме. — Если через неделю ты не уберешься отсюда, следующий выстрел сделает тебя немой на веки вечные!»

В Пурвайской волости до этого времени не было никаких террористических актов и нигде не замечалось признаков бандитизма. Теперь стало ясно, что буржуазные националисты решили начать борьбу с оружием в руках. Актив волости усилил бдительность, мобилизовал свои силы, чтобы во-время дать сокрушительный отпор врагам народа, если те осмелятся мешать новой жизни.

Однажды вечером Анну навестил Жан и рассказал:

— Марцис Бикрейзис вчера хвалился в лесу, что

отомстит тебе за большую норму лесозаготовок. Ты остерегайся этого непутевого.

— Хорошо, Жан... — ответила Анна. — Какие они все же недалекие: хотят запугать угрозами. Не запугают!

— Меня тоже... — сказал Жан. — Но и слепым быть не следует.

Его недавно приняли в комсомол. Анна много занималась политическим воспитанием брата, надеясь, что года через два он вырастет настолько, что его можно будет принять в партию. Не обращая внимания на вечную воркотню и попреки отца с мачехой, он начал участвовать в общественной жизни волости и временами оказывал существенную помощь Анне.

5

В ту зиму Пурвайская МТС получила несколько новых тракторов и много прицепного инвентаря, поэтому машинный сарай в Ургах стал тесноват и надо было подумать о постройке дополнительных помещений. План работы МТС тоже сильно расширился; теперь станция обслуживала десять волостей. В начале 1946 года, впервые после того, как правительственная комиссия закончила проверку отремонтированных тракторов и прочего инвентаря, был создан совет машинно-тракторной станции. Директор МТС Драва услышал много замечаний по поводу осенних работ и хода ремонта тракторов. Члены совета не скрывали своих опасений за своевременную подготовку МТС к весенним работам; особенно беспокоило получение горючего и правильное хранение его, так как Драва не подготовил еще хранилища и не запасся достаточным количеством бочек.

— Чего вы волнуетесь, впереди еще два месяца, — старался он успокоить членов совета. — Время научит. Министерство общает в начале второго квартала полностью обеспечить нашу МТС тарой для горючего. Министерству-то верить можно, как вы думаете?

Финогенов, заместитель директора МТС по политической работе, только недавно был назначен сюда и о прошлой работе станции мог судить единственно по рассказам трактористов и крестьян. Олимпийское спокойствие Дравы тревожило Финогенова.

«Драва флегматик... — подумал он. — Нелегко будет с ним работать... Ну, посмотрим. Каждого человека, если только он честен, можно чем-нибудь зажечь. Неужели Драва сделан из огнеупорного материала?»

Оба они все годы войны были на фронте: Драва командовал батальоном в Латышской стрелковой дивизии, Финогенов кончил войну заместителем командира танковой бригады. Драве было лет сорок. Среднего роста, плечистый, блондин с круглым румяным лицом, он походил на многих крестьян, поля которых обрабатывали тракторы Пурвайской МТС. Финогенов был на несколько лет моложе его, выше ростом и жилистее, с темными, слегка вьющимися волосами.

Под вечер, когда участники заседания совета МТС разъехались по своим волостям, Финогенов вошел в кабинет директора и без всяких обиняков сказал Драве:

— Оба мы бывшие фронтовики, оба теперь отвечаем за одно дело, поэтому поговорим начистоту, без дипломатии и недомолвок. Мне не понравилось твое выступление на сегодняшнем заседании совета. Совсем не понравилось.

— Говори конкретнее, что тебе не понравилось? — Драва спокойно посмотрел на Финогонова.

— Ты был слишком спокоен и самоуверен, — ответил Финогонов. — Ты очень легко ко всему относишься. Тебе кажется, что если в нужный момент не забудешь о том, что надо сделать, — то все само собой и сбудется. Жизнь не так проста, товарищ Драва. На каждом шагу чувствуются последствия войны. Мы не всё можем достать в нужном количестве и во-время. Коммунист не может полагаться на «авось». Он каждую вещь создает и обеспечивает своей работой, волей, ясным пониманием, не дожидаясь чудес и удачи. Чем труднее задача, тем беспокойнее должен быть коммунист. В зависимости от силы сопротивления возрастает и сила активного воздействия коммунистов. Иногда достаточно спокойного наблюдения, а иногда надо взорваться динамитом. Если мы хотим во-время обеспечить МТС запасами горючего для весенних работ, правильно разработать маршруты тракторных бригад и не потерять ни одного дня весенних работ, — у нас много причин для беспокойства. Придется и не поспать, надо поехать по волостям и крестьянским усадьбам, все увидеть своими глазами, чтобы с началом весенних работ не было ничего неизвестного, ничего непредвиденного для любой бригады, для любого тракториста. Представим себе, что завтра доверенная нам воинская часть переходит в наступление. До утра все следует привести в боевую готовность, каждый человек и каждая вещь должны быть на своем месте. Разве мы можем спать в такую ночь?

— Ладно, Финогонов, давай не спать... — усмехнулся Драва. — Я не боюсь бессонных ночей, но очень боюсь беспричинной паники и истерического стиля работы. Мне кажется, нет ничего более противного и жалкого, чем истерик, который кричит, хватая воздух руками и нервнует других. Такая активность никуда не годится, от этого я категорически отказываюсь.

— Ты думаешь, я истерик? — спросил улыбнувшись Финогонов.

— Не знаю, это я увижу со временем, но уже сейчас говорю, что люди с таким характером мне не нравятся, — ответил Драва.

— Великолечно, товарищ Драва, я тоже не люблю кричать и суетиться, — сказал Финогонов. — В конце концов мы сможем договориться без особого труда. Если ничего не имеешь против, возьмемся за дело сейчас.

— Согласен.

До поздней ночи они просидели с бумагой и карандашом в руках. Все взвесили, все еще раз обдумали, часто поглядывая в календарь. Когда положение стало для них вполне ясным, Финогонов понемногу успокоился и начал более оптимистично смотреть на будущее, а Драва сделался беспокойнее и нетерпеливее, чем раньше. Никакой беды еще не случилось и еще все можно было сделать во-время, только нужно было включить в работу весь коллектив МТС и работать по твердому плану и графику, не упуская ни одного дня.

Они распределили между собой обязанности, условились о том, какие задания дать агроному, главному механику, а на следующий день создали производственное совещание работников МТС и окончательно договорились обо всем с коллективом. Познакомили людей с действительным положением и уточнили обязанности каждого так, чтобы их общее дело по подготовке МТС к весенним работам было бы завершено полноценно и в срок.

Как-то в Урги явился молодой, высокого роста мужчина в длинной армейской шинели, с вещевым мешком за плечами и объемистым портфелем в руках. На правой щеке его от виска до подбородка проходил широкий и глубокий шрам. Мужчина остановился посреди двора и окинул пристальным взглядом все окружающее. Затем неопределенно улыбнулся и направился к белому хозяйскому дому, где теперь помещалась контора МТС.

В нижнем этаже, где когда-то была охотничья комната Рейниса Тауриня, его встретили Драва и Финогонов. Драва узнал прибывшего, радостно улыбаясь поднялся ему навстречу и долго тряс его руку.

— Здравствуй, товарищ Тауринь! Хорошо, что не забываешь старых боевых товарищей. Наверно, в наши края, на работу? Может, к нам?

Айвар усмехнулся.

— Ты немного отстал от жизни, товарищ Драва, — сказал он. — Я больше не Тауринь и прошу не называть меня чужим именем, которое не хочу слышать.

— Поди ты! — удивился Драва. — Как же мне тебя величать теперь?

— Айваром Лидумом. Все мои документы теперь переписаны на это имя. Ты ведь знаешь, что подполковник Лидум — мой отец?

— Как же, еще в дивизии узнал, но мы привыкли звать тебя Таурином, сразу и не отвыкнешь. Ну, рассказывай, каким ветром занесло тебя сюда?

Познакомившись с Финогоновым, Айвар снял мешок, сверху положил портфель, сел и, достав из кармана кителя какую-то бумагу, протянул Драве. Заместитель министра сельского хозяйства предлагал Драве предоставить помещение для Айвара и еще двух работников министерства, командированных до осени в Пурвайскую волость по особому заданию. Руководителем бригады был назначен Айвар Лидум.

— Что это за задание? — поинтересовался Драва.

— Расскажу потом, — сказал Айвар. — Прежде всего разреши мне устроиться.

— Вам ведь одной комнаты будет недостаточно? — рассуждал Драва. — Внизу свободна только одна маленькая комнатка окнами в сад, во втором этаже пока свободны две небольших комнатки. Посмотри и выбери.

— Себе я возьму нижнюю, — заявил Айвар. Это была та самая комнатка, в которой он прожил долгие годы как приемный сын Тауриня. Простая железная кровать, маленький письменный стол, два стула, вешалка для платья и пустая этажерка в углу составляли ее убранство.

Айвар поставил в угол вещевой мешок, спрятал в ящик стола часть бумаг из портфеля и вышел из комнаты. Он зашел в кабинет директора, но там уже Финого-

нова не застал: он уехал на один из машинно-коннопрокатных пунктов проверить жалобу рабочих на незаконные действия заведующего пунктом.

— Теперь мы можем говорить сколько угодно, — сказал Драва. — До вечера меня никто не потревожит. Давай рассказывай, Тауринь... то есть, Лидум, какие горы собираешься своротить?

— Все расскажу, но отложим разговор до вечера, — ответил Айвар. — Чтобы не терять времени, я хочу еще пойти в волисполком повидаться с председателем и парторгом. Мне нужна их помощь. Когда вернусь, буду в твоём распоряжении до утра.

— Ты спешешь, как на пожар или на свидание, — усмехнулся Драва. Вдруг вспомнив о чем-то, он хлопнул себя по лбу ладонью и посмотрел на Айвара с лукавой улыбкой. — Ну, конечно, свидание! Только сейчас дошло до меня. Ведь ты сам пурвайчанин, так ведь?

— Я здесь вырос... — ответил Айвар.

— Ну да. А парторг тоже здешний. Всю войну прослужил в нашем полку. Незачем и спрашивать, знаешь ли ты Анну Пацеллис. Она сейчас здесь парторгом.

Айвар покраснел и смутился.

— Знаю, — ответил он Драве. — И это хорошо. Она нам будет сильным помощником при выполнении задания, ради которого министерство прислало меня сюда. До свидания, товарищ Драва...

— До свидания, Тау... Лидум...

Драва в окно смотрел вслед Айвару, торопливо шавшему через двор, пока тот не скрылся за хозяйственными постройками. «Отчего ты покраснел, когда я упомянул про Анну Пацеллис? — мысленно спрашивал Драва. — Если человек краснеет, значит, у него имеется на душе что-то такое, что хотелось бы скрыть от посторонних глаз. Молодые люди, хорошие знакомые и боевые товарищи... ничего удивительного, если между ними началось кое-что такое...»

Драва вышел и направился к машинному сараю и кузнице, где с утра до вечера кузнец МТС грохотал по наковальне, чиня лемеха плугов и подковывая лошадей машинно-коннопрокатного пункта.

6

После второго тяжелого ранения Айвар более полугода провел в разных госпиталях, в клинике и в санатории. С двумя глубокими шрамами — на правой щеке и в левом боку около сердца — явился он в середине зимы в запасный полк Латышской дивизии и пробыл там до весны. Командование полка хотело оставить Айвара в своих кадрах командиром роты, но он и слышать об этом не хотел и требовал, чтобы его отправили с очередной маршевой ротой на фронт. Весной 1943 года в Латышской гвардейской дивизии Айвара зачислили в его прежний полк, и он снова стал командовать ротой. Теперь Ян Лидум посвящал много времени перевоспитанию сына. Краткий курс истории ВКП(б), работы товарища Сталина по национальному вопросу, политэкономия, история философии — все это шаг за шагом приходилось усваивать Ай-

вару. После каждой прочитанной книги отец заводил с ним обстоятельные беседы. Убедившись, что Айвар в каком-либо вопросе «плавает», Ян Лидум не давал сыну покоя до тех пор, пока тот не отказывался от механического зазубривания готовых формулировок и начинал вникать в суть дела. В голове Айвара еще жили иллюзии о возможности компромисса между классами. Он считал, что кулаков можно делить на положительных и отрицательных, причем первые легко могли перевоспитаться, встроившись в социалистическое общество. Кроме того, Айвар был убежден, что национальная особенность латышского крестьянства исключает близкую возможность коллективизации в Латвии. Яну Лидуму пришлось вооружиться терпением и постоянно помнить, в какой среде рос и воспитывался его сын. На протяжении долгих лет Айвара отравляли ядом шовинизма, и его нельзя было вытравить дидактическими нотациями, — его нужно было выжечь только горячим пламенем фактов, показать на наглядных примерах бесспорную жизненную правду.

Последние месяцы войны Айвар, уже в звании капитана, исполнял обязанности командира батальона, но отец все еще считал, что сыну рано думать о вступлении в партию.

...Айвар сидел в небольшой светлой комнате на поскрипывавшем стареньком стуле и смотрел через письменный стол на милую, дружески глядевшую на него Анну. На ней была темносиняя юбка и пестрый шерстяной джемпер, плотно охватывающий фигуру. Только маленькие высокие сапожки свидетельствовали о ее неспокойной жизни — в вечном движении, близких и дальних походах по дорогам волости и крестьянским усадьбам.

Они еще ни разу не говорили друг с другом так долго, как сегодня. Анна рассказывала Айвару о своей работе в волости, о первых ростках новой жизни, которые уже вззошли и обещали хороший урожай, говорила о свирепом сопротивлении, которое оказывают каждому начинанию советской власти кулаки. Но об анонимных письмах и выстреле зимней ночью она не обмолвилась ни словом.

Потом пришла очередь Айвара рассказывать все, что он знал про общих знакомых по Латышской гвардейской дивизии: где кто живет, что делает, кто демобилизовался и кто остался в армейских кадрах.

— Ну, а что ты сам делал это время? — спросила Анна.

— Работал... и учился, — ответил Айвар. — Сразу же после демобилизации поступил на работу в Министерство сельского хозяйства. Кроме того, я учусь на заочном отделении Сельскохозяйственной академии.

— Ты хочешь остаться в аппарате министерства, стать кабинетным работником?

— Это меня прельщает меньше всего. Я бы с удовольствием перевелся куда-нибудь в уезд заведующим сельскохозяйственным отделом уисполкома или агрономом в МТС. Через некоторое время, возможно, я так и сделаю.

— В какой-нибудь уезд, все равно куда... — задумчиво произнесла Анна. — Разве тебе не хочется работать в родных местах?

— Именно потому, что хочется, я и нахожусь сегодня здесь. Я останусь тут до поздней осени, — ответил

Айвар. — Хотя в другом месте жизнь у меня была бы гораздо спокойнее. Не тащилось бы за мной прошлое приемного сына Таурия... Никто бы не удивлялся, не упрекал.

— И ты еще думаешь о таких мелочах? — Анна встала, подошла к Айвару и кончиками пальцев коснулась ленточек орденов и медалей, которые в два ряда — по четыре в каждом — были приколоты на его груди, потом погладила золотые и красные ленточки ранений на правой стороне груди и сказала: — Разве они ничего не значат? Если какой-нибудь дурак или негодай начнет болтать, пусть посмотрит на них и подумает, за что и как они тебе достались. Но мне кажется, Айвар, что ты сам слишком много думаешь о своем прошлом. Зря. Гляди вперед, Айвар, — ведь мы, советские люди, живем для будущего.

— Я пытаюсь это делать, Анна, но не всегда может человек приказать себе.

— Тебе что-нибудь известно о жизни Таурия в немецкой оккупации и его бегстве?

— Все знаю. Только поэтому я ни разу не приезжал сюда. Теперь... теперь, наконец, я сбросил это грязное, мерзкое имя и вернул себе то, что мне принадлежало с рождения. Сегодня я опять Лидум, Айвар Лидум... и мне не стыдно смотреть в глаза любому честному человеку.

— Что поделявает твой отец... подполковник Лидум?

— Сейчас он уже подполковник запаса. Мы демобилизовались вместе. Отца назначили заместителем министра. В Риге мы живем вместе, и когда Артур приезжает в командировку, всегда останавливается у нас.

— Передавай ему привет.

— Кому — отцу или Артуру?

— Конечно отцу, Яну Лидуму... — Анна улыбнулась. — С Артуром я почти каждую неделю разговариваю по телефону, так что никаких посредников для передачи приветов не нужно. Ты сказал, что останешься здесь до осени?

— Да, буду работать по заданию министерства вместе с небольшой бригадой.

— А это большой секрет... ваше задание?

— Об этом секрете я как раз и пришел посоветоваться с тобой, мне нужна будет твоя помощь.

— Я слушаю, Айвар.

— Дело заключается в подготовке проекта осушения Змеиног болота... — начал Айвар, серьезно глядя на Анну. — Министерство поручило нам произвести изыскательские работы на самом болоте и на прилегающей местности. Эти работы включены в план управления мелиорации на этот год. К осени надо подготовить все необходимые материалы для технического проекта, чтобы будущей весной приняться за дело и, наконец, начать решительную борьбу с самим болотом. Теперь тебе понятно, на каких курсах я учился прошлой зимой?

— Понятно, Айвар... — Глаза Анны блеснули. Глубоко взволнованная, счастливая, она снова подошла к Айвару, взяла его руку и долго, долго держала в своей. — Как это чудесно, что ты берешься за такое дело. Ведь это моя давнишняя мечта. И теперь я знаю, она исполнится.

Если ты станешь во главе этого начинания, ясно, работа будет доведена до конца. Спасибо, Айвар, желаю тебе успеха. Буду тебе помогать изо всех сил.

— Мне сегодня же нужна твоя помощь, — сказал Айвар.

— Слушаю, я в твоём распоряжении... — отозвалась Анна и снова уселась за стол.

— Мне хотелось бы по возможности скорее получить следующие сведения: какие крестьянские хозяйства хотя бы участвовать в этом большом начинании, какими материальными средствами, рабочей силой и транспортом располагает местное мелиоративное товарищество? Часть расходов придется взять на себя и крестьянам.

— Понимаю, Айвар. Все эти сведения ты получишь через несколько дней. Это все?

— Пока все. Потом я буду беспокоить тебя чаще, но самая большая помощь потребуется следующей весной, когда начнем рыть канавы и каналы.

— Жаль, что тебе не требуется этой большой помощи сегодня. Но, может быть, это и лучше: я надеюсь, что к следующей весне в Пурвайской волости будет по крайней мере хоть один колхоз.

— Тогда берегись, Змеиное болото! — засмеялся Айвар. — То, о чем единоличники не могли договориться на протяжении многих поколений, новые колхозники сделают в один год. Мельница на Раудуне нам уже не помеха.

Айвар был счастлив. Его радовал интерес, с каким слушала его Анна, блеск ее глаз, зардевшиеся в радостном волнении щеки девушки. Он благодарил судьбу за этот светлый час. С его губ уже готовы были сорваться признания, но он удержался и, прощаясь с Анной, нашел в себе достаточно силы, чтобы спокойно посмотреть ей в глаза, не выдавая своих чувств. И, может быть, только молодая кровь пульсировала в кончиках пальцев, пожимавших руку Анны, быстрое и порывистее, чем обычно.

— Я буду тебя ждать на следующей неделе, — сказала Анна. — Нужные материалы начну собирать уже сейчас.

Вскоре после ухода Айвара к Анне пришел Жан и сказал, что решил поступить на работу в МТС. Директор Дрავа говорил, что к следующей весне тракторный парк удвоится и нужно будет много новых трактористов.

— Зимой поступлю на курсы и научусь работать на разных сельскохозяйственных машинах, — сказал Жан. — Не буду же я всю жизнь ходить за однолещным плугом.

— Правильно сделаешь, — сказала Анна. — Тебе нужно учиться. В самом недалеком будущем жизнь поставит перед нами совершенно новые требования. Как нам тогда быть, если мы не будем вооружены нужными знаниями?

— Я стану учиться, Анна, а в Сурумах силы свои зря растрчивать не буду. С меня хватит.

— С меня хватило прошлого уже в сорок первом году! — воскликнула в ответ Анна, смотря на Жана взглядом, полным любви и гордости.

Рейнис Тауринь с лета 1944 года жил в Курземе, в какой-то усадьбе Кулдигского уезда. Усадьба находилась в малонаселенном месте возле большого леса. Хозяин — бывший браковщик леса Плишкис — знал Тауриня с давних пор. Когда Тауринь поздним июльским вечером явился сюда, для Плишкиса это не было неожиданностью. Не удивило его и то, что у хозяина усадьбы Урги в паспорте теперь стояло новое имя — Альберт Кампар — и что его лицо поросло пышной седеющей бородой, которая выгодно изменяла его внешность. Приняв во внимание безостановочное продвижение Красной Армии к восточным берегам Балтийского моря и некоторые примечательные факты в биографии Рейниса Тауриня, следовало признать, что он поступил предусмотрительно, не оставшись в Пурвайской волости. Он не был единственным в своем роде — вся Курземе в то время кишмя кишела всякими приезжими, деятельность которых в годы немецкой оккупации не была безупречной. Плишкис заявил волостному правлению, что Альберт Кампар близкий родственник его жены и очень несчастный человек: вся семья его погибла во время бомбардировки, а усадьба сгорела со всем скотом и прочим добром. Когда после капитуляции немецкой армии часть беженцев пустилась в обратный путь в родные волости, Кампар остался на месте.

— Что мне, старому человеку, искать в разрушенном углу... — вздыхал Тауринь. — Только сердце будет обливаться кровью, глядя на развалины. Если б еще были живы какие-нибудь родственники... Засохну уж, как старое дерево, здесь, в Курземе.

Он помогал Плишкису по хозяйству, работал немного во время сева, пас скотину и, как близкий родственник, ничего не требовал, кроме пропитания и крова. Вне усадьбы Тауринь никуда не показывался, а если к Плишкису заглядывали незнакомые люди, он уходил в свою комнатку и сидел там, пока чужие не уходили. Такое положение было не из приятных, да и в будущем оно не сулило ничего хорошего, поэтому Тауринь часто ходил мрачным. Уезжая из своей усадьбы, а позже — из Риги, он делал совсем иные замыслы, но из них ничего не получилось. Вина в этом отчасти и он. В последнюю военную зиму не одна моторка и рыбацкий карбас добирались по Балтийскому морю до Готланда и Швеции, и Тауриню неоднократно предоставлялась возможность удрать, но он надеялся, что гитлеровские дивизии удержатся в Курземе до лета (в теплое время путешествие по морю было бы легче и безопаснее). А когда потеплело, об отъезде нельзя было и думать.

В воскресное утро Тауринь проснулся несколько позже обычного. Первым делом он раскрыл маленькое старомодное оконце своей комнатки и долго глядел на запущенный яблоневый сад и опушку леса, темнеющую неподалеку, за озимым полем Плишкиса.

«Сиди у моря и жди погоды, — думал он. — А чем плохо жилось бы мне теперь в Швеции? Никому в голову

не пришло бы спросить, что я делал при немцах. Страдалец... политический эмигрант... моя ненависть к большевикам помогла бы мне обзавестись друзьями среди имущих кругов. Я был бы полезен англичанам и американцам. Мною интересовались бы, обо мне бы заботились. А если бы из эмигрантов начали составлять новое правительство Латвии, кто-нибудь вспомнил бы и про Тауриня, и я стал бы если не министром, то во всяком случае вице-министром или директором департамента. Появился бы в Ургах в черном лакированном автомобиле и блеснул перед соседями... как комета, как радуга. Великий Тауринь! — государственный муж, его превосходительство...»

«Его превосходительство» мечтал у открытого окна, прислушиваясь к голосам птиц и задумчиво поглаживая бороду, щекодавную, как комок пакли, шею. Надоело ходить таким неряхой, не мешало бы побриться — борода старит, и всегда кажется, что лицо нечисто.

— Тыфу... — Тауринь плюнул в окно и стал одеваться.

Семья хозяина уже позавтракала, и Тауриню пришлось есть одному. Плишкис смотрел со стороны, как гость закусывает, потом, подождав, пока жена уберет со стола, подсел на скамейку к Тауриню и тихонько сказал:

— Часам к двенадцати вам надо сходить в лес. Вас хотят видеть. Есть что-то важное для вас.

— Так, так... — тихо ответил Тауринь. — Придется пойти. Как у них там — все по-старому? Никто ничего не пронюхал?

— Кто их пронюхает... — пожал плечами Плишкис. — В наших краях они ничего не делают. Вся музыка происходит по другим волостям.

— Правильно действуют, — сказал Тауринь. — Цыган тоже никогда не ворует в усадьбе, где живет. Почему же нашим быть глупее.

— Значит, часам к двенадцати... — еще раз напомнил Плишкис, поднялся и вышел из комнаты. Тауринь немного задержался за столом, поковырял в зубах спичкой, вернулся в свою комнатку и часа два провалялся в постели.

«Наверно, что-нибудь важное — по пустякам в лес не звали бы, — думал он. — Хорошее или плохое? Может быть, задание? Но чем я в теперешнем положении могу помочь: нет у меня больше ни той власти, ни той силы, что в былое время. Как птица с подрезанными крыльями: летать хочется, да не могу. Может быть, мне грозит опасность, и друзья хотят предупредить? Тогда придется переселиться в лес. Наверно, и для меня найдется винтовка или автомат, — стрелять Рейнис Тауринь еще не научился... А если будет винтовка, то найдется и в кого стрелять».

С самого окончания войны Тауринь держал постоянную связь с лесом.

В банде, которая скрывалась в местных лесах, был кое-кто из старых знакомых Тауриня, бывших однопольчан айзсаргов. Бандиты действовали активно: совершали террористические акты, стреляли, поджигали и грабили, но Тауринь до сих пор ничем особенно не помогал им, только, когда облава прочесывала лес, прятал двоих людей, которым грозила тюрьма. «Никуда не годится, чтобы

столь видный человек — командир айзсаргов и деятель «Крестьянского союза» — в такие времена отлеживался на печи, позволяя действовать мелким сошкам. Когда подойдет наш день и будут делить добычу, свои же могут бросить тень на Таурина. Надо действовать, надо что-то сделать, хотя бы в последнее время», — решил он.

Надумавшись и всталась повалявшись, Тауринь незаметно выскользнул из дому, на всякий случай взяв с собой уздечку: если встретится в лесу нежелательный человек, можно сказать, что разыскивает пропавшую лошадь Плишкиса.

Темная и сырая чаща, наполненная птичьими головами и запахом гнили, встретила Тауриня. В середине чащи, с полверсты от опушки леса, на старом пне сидел человек, сам похожий на большой серый пенёк. Заметив Тауриня, он поднялся и пошел ему навстречу.

— Здравствуйте, господин Тауринь...

— Здравствуйте, господин Стелп...

Тауринь пожал руку бывшему офицеру связи айзсаргского полка и выжидательно замолчал.

— Что нового на свете? — заговорил Стелп. На нем был обтрепанный немецкий офицерский мундир без знаков различия. Из-под него выглядывал ствол спрятанного автомата.

— Ничего особенного, — отвечал Тауринь. — А я думал, что вы сообщите мне что-нибудь интересное. Живу, как барсук в норе, ковыряю землю Плишкиса... только и радости, что по вечерам послушаю по радио «Би-би-си» и «Голос Америки».

— М... да... теперь события поворачиваются в нашу сторону... — пробормотал Стелп. — Недолго придется ждать, скоро грянет. Трумэн затягивать дело не будет, и Черчилль тоже не из флегматиков.

— Дай бог, дай бог... — отозвался Тауринь. — Из ваших уст да в божье ухо.

— В ухо Трумэна, хотели вы сказать. — Стелп усмехнулся.

— Можно и так, — согласился Тауринь. — Ведь он сейчас вся наша надежда, все равно что бог. Без него мы все равно что парусник без парусов и ветра среди океана.

— Скоро задует настоящий ветер, и наш корабль быстро достигнет обетованных берегов, — сказал Стелп с таинственным и многозначительным видом.

— Так, так... значит, кое-что известно? — не удержался Тауринь.

— Два дня тому назад я встретился с резидентом...

— Ага, с тем баптистским проповедником, господин Стелп?

— Да, но об этом не следует говорить. Мы обсудили все вопросы, и ситуация сейчас вполне ясна. Новая война неизбежна потому, что она всем необходима, и потому, что у нас имеется атомная бомба.

— У нас? — удивился Тауринь.

— У Америки, у Трумэна, Эйзенхауэра, а это все равно что у нас, ведь мы кость от кости и плоть от плоти. Получил новые инструкции. Нам надо активизироваться, развернуть деятельность вширь и вглубь. Вербовать кого только можно, проникать в органы власти большевиков,

в хозяйственные организации, в партию и армию. Саботаж, вредительство, террористические акты и беспрестанная разведывательная работа — вот наша теперешняя задача. Поэтому мне было необходимо встретиться с вами.

Тауринь молчал и терпеливо ждал продолжения.

— Надо использовать каждую возможность, каждую щель, через которую можно пробраться в лагерь нашего противника, — продолжал Стелп. — Ситуация благоприятна. Каждый разумный человек захочет сегодня сражаться с нами и обеспечить себе хорошую перспективу, когда новая война закончится победой американцев. Вы понимаете?

— Гм, да... Правда, они не бог знает какие вояки, но зато у них доллары... золото.

— Если будет золото, будут и солдаты. Результат яснее ясного. Господин Тауринь, сам резидент назвал мне ваше имя. Вы можете оказать нам большую услугу.

— Я с удовольствием... что в моих силах — все готов сделать. Но вы сами понимаете, моя деятельность при Ульманисе... и при немцах... пролезть куда-нибудь мне будет нелегко. Быстро разоблачат и предадут суду.

— Вам никуда не надо пролезать, — сказал Стелп и пристально посмотрел в глаза Тауриню. — Пролез кто-то другой, а вы помогите сделать так, чтобы он работал на нас и выполнял наши указания. Ясно?

— Пока мне ничего не ясно, — смущенно ответил Тауринь.

Тогда Стелп произнес, не спуская глаз с лица Тауриня:

— Господин Тауринь, ваш сын Айвар нашелся...

— Айвар жив! — воскликнул Тауринь. — Жив? Господин Стелп, вам это точно известно? — От волнения он ухватился за локоть Стелпа и до тех пор тряс его, пока бандит в конце концов не оттолкнул руки Тауриня.

— Да, жив, я это знаю точно. Он воевал в Красной Армии и был капитаном, командиром батальона. Получил несколько орденов за боевые заслуги.

— Айвар! — вскрикнул Тауринь, как будто его поразили в самое сердце.

— Конечно, он... — усмехнулся Стелп. — И это очень выгодно для нас. Ваш сын пользуется доверием коммунистов. Он сейчас демобилизовался и работает в Министерстве сельского хозяйства, руководит разработкой проекта осушения Змеиного болота. Его настоящий отец, Лидум, заместитель министра, а двоюродный брат — секретарь партийного комитета нашего уезда.

— Уговорили мальчишку, переманили на свою сторону... — стонал Тауринь. — Труды всей моей жизни пошли прахом. Спустят воду в Даугаву, и моя мельница перестанет молотить. Это сумасшествие!

— Ничто не пошло прахом, господин Тауринь... — улыбнулся Стелп. — Вам только надо потрудиться и переманить его обратно к нам, и у нас будет один из самых полезных агентов в лагере противника. У него безусловно сохранились кое-какие привитые вами когда-то взгляды. Играйте на этих струнах. Мы со своей стороны поможем. Если он не круглый идиот, то поймет, кого ему держаться. Чего не смогут сделать слова, то сделают американские доллары, а в худшем случае в нашем распоряжении будет

целая куча таких фактов, которые припрут его к стене и заставят работать на нас, даже если он этого не захочет.

— Шантаж? — прошептал Тауринь.

— Если надо будет, то и шантаж, — ответил Стелп. — Но я думаю, нам не придется пускать в ход такие сильные средства. Я довольно хорошо знаю вашего сына и уверен, что он поведет себя разумно.

— А что мне сейчас делать?

— Сегодня же напишите письмо Айвару. Наш человек доставит ему это письмо. Тот же человек поведет с ним все переговоры и... завербует.

— А что мне ему написать? — Тауринь смущенно тер лоб. — Могу я обещать ему что-нибудь? Вы меня уполномочиваете?

— Если хотите, я вам помогу написать письмо, — сказал Стелп. — Нельзя пересаливать, но и надо написать так, чтобы все было ясно. Идемте, господин Тауринь, глубже в лес.

Усевшись на ствол поваленного бурей дерева, они сообща сочинили письмо. Первоначальное смущение Тауриня быстро прошло. Через час, вернувшись в усадьбу Плишкина, Тауринь казался совсем спокойным, бодрым, полным энергии.

2

Айвар Лидум со своей бригадой проводил все светлое время дня на Змеином болоте и на прилегающих к нему крестьянских полях. Карта местности с рельефом болота была сделана на основании материалов, найденных в уездном архиве и в министерстве, но их оказалось недостаточно для составления проекта мелиоративных работ. Мало знать уровень заболоченной местности и некоторые главные, уже существующие и возможные стоки, надо было иметь полное представление о водном режиме района, свойствах почвы и точных размерах территории, подлежащей мелиорации, поэтому предстояла большая и сложная исследовательская работа. Необходимо было собрать исчерпывающие данные для будущего технического проекта, для гидротехнических расчетов, сведения о местной экономике и дальнейших перспективах ее развития.

По материалам, которыми располагала бригада, Айвар спланировал маршруты разведывательных работ. Для наглядности Айвар сделал даже довольно большой макет. Он стоял в его комнате на отдельном столе и мало-помалу, по мере продвижения работы, принимал окончательный вид.

Змеиное болото напоминало огромную мелкую ложбину, вокруг которой тянулся узкий и невысокий берег, местами он был на одном уровне с болотом, в других — немного выше, и только на самом южном конце болота упиралось в полосу песчаных холмов. Этот созданный природой вал подымался на несколько метров выше заболоченной местности. Километрах в двух к западу находилось озеро Илистое, откуда избыточные воды стекали в небольшую речку. Со стороны Пурвайской волости самой близкой водной артерией была речка Инчупе, ее ближайшие извилины проходили километрах в шести от юго-восточного края Змеиного болота. Речка Инчупе впадала в один

из притоков Даугавы. Если бы главный магистральный канал соединили с озером Илистым или речкой Инчупе, задача все равно не была бы решена, пришлось бы углублять и расчищать русло обеих речек на протяжении многих километров. Но и тогда значительный северный участок Змеиного болота остался бы в стоконе, а именно с него-то, по рассказам стариков, и началась вся беда — заболачивание окрестности. Эту часть болота можно было осушить, только пожертвовав плотиной старой Раудупской мельницы, — тогда бы понизился уровень воды в речке выше мельницы. Раньше этого нельзя было сделать из-за упрямства и скаредности Рейниса Тауриня. Сейчас мельница принадлежала сельскохозяйственной кооперации, но окрестные крестьяне возили молотье свое зерно на паровую мельницу, и только соседние хозяйства еще мололи на старой водяной мельнице. А если бы уровень воды в реке понизился, достаточно было бы двухкилометровой отводной канавы от края болота до русла реки, и окрестности болота вновь обрели бы прежний вид. Именно здесь и следовало искать загадку возникновения Змеиного болота. Русло речки Раудупе — самый прямой и короткий путь к Даугаве и морю для вод болота и его окрестностей.

«Здесь находится ключ от главных ворот, — думал Айвар. — Старый Тауринь и его сын Рейнис долго хранили его у себя, но теперь он в наших руках».

Целыми неделями бродил Айвар в высоких резиновых сапогах по трясине и исследовал рельеф местности и почвенные слои болота. Местами он находил остатки погибших строений, говорившие о том, что там, где теперь трясина, когда-то жили люди и шумели нивы. Усталый, облепленный болотной грязью, но счастливый, приходил он вечером домой. Макет, стоявший на столе в его комнате, постепенно оживал. Огромное болото казалось уже не хаотическим смещением воды, грязи и кустарников, а чем-то единым, органическим, как живое существо — злое и безжалостное; теперь человек знал, как оно возникло, знал, и как с ним покончить.

Работа предстояла большая — надо было прорыть восемнадцатикилометровую главную магистраль, около пятидесяти километров коллекторов, а общая длина обычных сточных канав мелкой сети должна была достигнуть до сотни километров. Таким образом человек отвоевывал около восьмисот гектаров земли у болота и столько же заболоченных, обреченных на гибель полей и лугов. Результаты должны были сторицей окупить затраченный труд.

Айвар познакомил Анну с результатами работы бригады и ее дальнейшими планами, и осязаемое, конкретное, что они сегодня знали и могли предвидеть, уже казалось Анне большой победой.

Однажды, когда Айвар, отойдя от своих товарищей, оказался на узкой тропинке посреди болота, он встретился с незнакомым человеком. Это был мужчина среднего роста, лет тридцати, худощавый, одетый, как большинство окрестных крестьян, в серую домотканную одежду; на ногах незнакомца были яловые сапоги, на голове — фуражка немецкого образца. Айвар заметил его только тогда, когда тот очутился шагах в десяти от него.

— Добрый день... — приветствовал его прохожий.

— Здравствуйте... — ответил Айвар и посторонился, чтобы незнакомец мог пройти мимо. Но тот совсем не собирался проходить. Он остановился и пристально посмотрел на Айвара.

— Вы не Айвар Тауринь? — наконец заговорил он.

— Нет. Я — Айвар Лидум, — ответил юноша.

— Это одно и то же, — усмехнулся незнакомец. — Я вас разыскиваю. Мне надо поговорить с вами наедине.

— Со мной? — удивился Айвар.

— Да, с вами... по очень важному делу.

— Кто вы такой? — спросил Айвар.

— Это я скажу потом... когда поговорим.

— Но, простите, я совершенно не намерен разговаривать с незнакомым человеком... Как ваше имя? — довольно сурово спросил Айвар.

— Мое имя вам ничего не скажет, — пояснил тот. — Гораздо больше скажет вам это письмо, которое шлет ваш отец... Рейнис Тауринь. Прочтите его, потом продолжим разговор.

Незнакомец протянул Айвару обыкновенный голубоватый конверт, какие продаются во всех почтовых отделениях. Айвар сразу узнал острый, несколько прерывистый, нервный почерк Рейниса Тауриня с необычно толстыми заглавными буквами и опускающимися окончаниями слов. Письмо было написано простым карандашом.

— Вот как, вы знакомы с Рейнисом Таурином? — пробормотал Айвар, взглянув сбоку на незнакомца.

— Знаком... — ответил тот. — Прочтите письмо. А я пока выкурю папиросу.

8

Айвар прочел следующее:

«Где-то в Латвии, май 1946 года.

Сердечно приветствую тебя, Айвар — мой сын!

Большую радость принес мне этот день: теперь я снова знаю, что ты жив и ходишь по родным полям и лесам. Ты счастливее меня, так как можешь свободно жить в любимом краю и работать на избранном поприще, в то время как я волей судьбы принужден кочевать по чужим местам и с грустью вспоминать наш любимый уголок, которому посвятил лучшие годы своей жизни. Вероятно, до тебя уже дошли всевозможные сплетни о моем поведении при немцах. Люди завистливы и с удовольствием болтают дурное о своих ближних. Но не верь им, ибо они не желают добра ни тебе, ни мне. Я всегда старался делать добро и при немцах поступал, как должен поступать настоящий латыш. На моем месте ты поступал бы так же. Когда человек больше не хозяин своей жизни и жизни своих соседей, он приспосабливается. Я приспосабливался — вот вся моя вина, которую теперь не хотят простить те, кто властвует сейчас в Латвии. Ты всю войну находился в других условиях и тоже приспосабливался. Я во все не собираюсь упрекать тебя за это. Наоборот, ты заслуживаешь всяческой похвалы и одобрения: с волками

жить — по-волчьи выть. Ты добился в этом отличных успехов. Хорошо, что ты заслужил их доверие, высокие награды и воинское звание капитана. Сохрани это доверие как можно дольше, пока оно будет нам нужно. В твоём теперешнем положении ты можешь оказать больше пользы нашему делу, чем находясь в лесу, вместе с такими пасынками судьбы, как я. Ты можешь вполне довериться человеку, который передаст тебе мое письмо. Он расскажет, что надо делать, чего мы от тебя ждем и какие задания тебе предстоит выполнить в ближайшее время. С ним ты можешь быть вполне откровенен, а его указания принимай как директивы, потому что он является представителем высшего руководства нашего движения. Через него можешь послать мне ответ.

Дорогой Айвар! Желаю тебе большой выдержки и крепких нервов, ибо именно это больше всего необходимо в теперешней сложной борьбе. Действуй смело, твои услуги не забудутся. Мы победим, и ты станешь одним из тех, кому будут принадлежать власть и почет в нашем будущем государстве. Обнимаю тебя и осеняю отцовским благословением. С нетерпением жду твоего ответа. Не забудь рассказать, как теперь в Ургах и в Пурвайской волости. Скоро мы опять встретимся. Желаю тебе всего наилучшего. Твой любящий отец,

Рейнис Тауринь.

P. S. По понятным тебе причинам я пока ничего не могу рассказать о своей жизни и своем местопребывании, но не это сегодня самое важное. Важно единство наших мыслей и стремлений. И еще, Айвар: работая над проектом осушения болота, не забудь про нашу мельницу. Со временем она будет принадлежать тебе, поэтому и позаботься, чтоб ей хватало воды.

P. T.».

Чувствуя, что незнакомец все время наблюдает за ним, Айвар читал письмо, стараясь не выдавать своих чувств. Каждая строчка этого письма свидетельствовала о том, что у Тауриня не было ни малейшего представления о тех переменах, которые произошли за пять лет в сознании Айвара. Приспособленчество, военную хитрость, расчет — вот все, что он видел в действиях своего приемного сына. Над его самомнением можно было посмеяться, но цинизм его предложений и дикое бесстыдство привели Айвара в такое негодование, что он готов был выругаться и затоптать письмо в грязь, если бы за ним не наблюдали. И Айвар взял себя в руки. Словно погрузившись в воспоминания, он невидящим взором уставился вдаль и тихо вздохнул.

«Надо узнать, как далеко они способны пойти в своей наглости и что им нужно...» — думал Айвар. Повернувшись к незнакомцу, он спросил:

— Вы знаете содержание письма?

— Знаю... — ответил незнакомец.

— Я готов вас выслушать, — сказал Айвар.

— То есть как? — Незнакомец немного смутился.

— В письме не сказано ничего конкретного, — произнес Айвар, — только так, в общих чертах. Отец пишет,

что вам можно доверять и что от вас получу более подробные пояснения.

— Итак, вы согласны? — Незнакомец подошел ближе к Айвару и пристально в глаза.

— В зависимости от того, что вы от меня потребуете и будет ли это мне под силу, — ответил Айвар, спокойно выдержав взгляд незнакомца.

— Никто не потребует от вас невозможного, — заговорил тот, затаившись последний раз, бросил папиросу и торопливо продолжал: — Я знаю о вас все. Как человек интеллигентный, вы, по-моему, правильно уясняете себе историческую ситуацию. Мы находимся накануне решительной борьбы двух миров. Эта борьба неизбежна и необходима, а об исходе ее двух мнений быть не может, так как на нашей стороне экономический и военный перевес и атомная бомба. Оставаясь с большевиками, вы обрекаете себя на неизбежную гибель. Становясь в наши ряды, вы обеспечиваете себе перспективу на будущее, к тому же не обычное будущее. Только фанатик может выбрать первый путь. Уверен, что вы не принадлежите к ним!

— Вы могли бы обойтись без этой агитации, — усмехнулся Айвар. — Скажите, что мне делать?

— Тем лучше... — усмехнулся в свою очередь незнакомец. — Тогда мы быстро столкнемся. Итак, я могу начать говорить о деле?

— Это будет самое целесообразное, — отозвался Айвар.

— Хорошо. Первая часть ваших обязанностей уже выражена в письме: вам надо как можно дольше сохранить статус кво¹. Оставайтесь на вашей службе и для вида выполняйте свою работу хорошо и прилежно. Если вас захотят выдвинуть на более ответственную работу, не возражайте. Делайте карьеру, подымайтесь выше насколько можно, только обо всем информируйте нас и в каждом случае действуйте по нашим указаниям. Как я вам уже сказал, для вида работайте прилежно, а по существу... по существу вы будете тормозом, песком, разъедающим детали механизма. Сейчас вы работаете над проектом осушения болота. Не спешите закончить его, затягивайте подольше, пусть он обойдется государству как можно дороже и пусть население не так скоро получит от этого какую-нибудь выгоду. Когда тянуть больше будет нельзя, заканчивайте проект, но так, чтобы в нем был какой-нибудь существенный дефект: с одной стороны, чтоб болотная вода уходила отсюда, с другой, чтоб возвращалась по окружному пути обратно в болото. Вода будет необходима вашей же мельнице. При таком сложном рельефе местности такой заколдованный круг создать вполне возможно. Кроме того, информируйте нас обо всем, что вам удастся услышать, наблюдать и собрать через своих сотрудников: о всяких хозяйственных, политических и военных мероприятиях и проектах, о настроениях отдельных работников и их личной жизни, о подходящих для вербовки людях, о их слабостях и так далее. Может случиться, что нам придется убрать с дороги кого-нибудь. В таком случае вы или сами, или через своих агентов выясните, как лучше это сделать, а если понадобится, и сами проведете акт устранения.

Одним словом, вас ожидает весьма широкое, многостороннее и интересное поле деятельности.

— Это очень опасная работа... — заметил Айвар. — Трудная и опасная.

— Мы справедливо ее оценим.

— А кто это — мы? Кто стоит за нашей спиной — реальная сила или иллюзия?

— Соединенные Штаты Америки и Великобритания не иллюзия, а величайшая реальность... — многозначительно улыбнулся незнакомец.

— А там — в Белом доме и на Даунинг-стрит¹ — знают о нашей работе, о нас самих? — спросил Айвар.

— Вы разговариваете с их представителем.

— В таком случае мне все ясно.

— Что вам ясно?

— То, что я имею дело с чем-то совершенно реальным и серьезным.

— Правильно. Когда вы сможете передать ответ на письмо Тауриня?

— В ближайшие дни.

— Может, уже завтра?

— Завтра? — Айвар задумался. — Не выйдет. Завтра я должен быть в Риге, в министерстве, с очередным отчетом о работе бригады. Мне сегодня же придется уехать.

— Хорошо. Передадите, когда вернетесь из Риги.

— Где и когда я с вами встречу?

— Этого я сказать не могу. Я сам найду вас в нужное время и в подходящем месте. Если произойдут осложнения, вы получите записочку с подписью — Никол.

— А если мне нужно будет сообщить вам о чем-нибудь срочном и важном, как мне, Никол, известить вас об этом?

— Об этом поговорим в следующий раз. До свидания, господин Тауринь.

— До свидания... Никол...

Незнакомец ушел по болотной тропинке в сторону леса, по временам оглядываясь. Айвар пожалел, что с ним не было револьвера, тогда не надо было бы играть комедию и смотреть вслед врагу.

«Теперь ни шагу не ступлю без оружия, — думал Айвар. — Нельзя позволять таким вырождакам свободно ходить по земле, вербовать негодяев и смущать простаков. В следующий раз, Никол, ты от меня так не уйдешь».

Он направился в Урги, чтоб собраться в дорогу. Ни с каким отчетом ему не надо было ехать в министерство, и никто его в Риге не ждал. Айвар хотел посоветоваться с отцом. Положение было слишком запутанное, и совет Яна Лидума мог теперь весьма пригодиться.

4

Министерство промышленности, в котором Ян Лидум работал заместителем министра и ведал кадрами, значительно перевыполнило план первого квартала 1946 года, поэтому у многих работников настроение было хорошее. Но в начале мая положение изменилось. Когда стали из-

¹ Существующее положение (лат.).

¹ Улица в Лондоне, где находится министерство иностранных дел.

вестны цифры оперативного отчета за май, члены коллегии министерства оставили свои кабинеты и разъехались по предприятиям, чтоб общими усилиями вытянуть отстающих и обеспечить выполнение производственной программы. За два первых месяца план второго квартала был выполнен только на шестьдесят процентов. В июне надо было дать сорок процентов. На первый взгляд это казалось выполнимым, но министр и несколько ближайших сотрудников, знавшие, каково положение с сырьем и материалами, понимали, чего будут стоить эти сорок процентов. До сих пор работали со скрытыми резервами, с ненормированными остатками сырья. Некоторые люди понадеялись на неисчерпаемость этих запасов и, вместо того чтобы заботиться о новых, о своевременном снабжении фабрик нужными материалами и полуфабрикатами, спорили с Министерством финансов об уменьшении сумм отчислений от прибылей подведомственных трестов. Когда министр интересовался положением дел, начальник конторы Кулайнис широко улыбался и отвечал:

— Все в порядке, товарищ министр. Первое полугодие обеспечено полностью.

Заодно он не забывал похвастаться своими дружескими отношениями и широкими связями с центральными органами снабжения и некоторыми союзными министерствами: один телефонный звонок — и все необходимое потечет и по железной дороге и по морским путям прямо в склады его конторы. Когда кто-нибудь из заместителей министра говорил, что Кулайнис пустомеля и своим легкомысленным отношением к делу может завести предприятия в тупик, руководитель конторы снабжения распространял среди работников аппарата слухов, что его хотят съесть, так как заместитель министра прочит на его место своего шурина.

Да, сейчас было жарко. Звонили телефоны, члены коллегии по неделям сидели на фабриках, а Кулайнис носил на подпись министру одну телеграмму за другой.

При этом он не забывал напомнить, будто невзначай, что руководители контор снабжения некоторых министерств получают персональные ставки, а у иных имеются и свои легковые машины.

В последнее время министр относился к Кулайнису очень официально и сухо, а Ян Лидум добился, чтобы в повестку дня следующего заседания коллегии был включен вопрос о работе конторы снабжения за первое полугодие.

В день заседания коллегии к Яну Лидуму пришли два директора фабрик и делегация молодых рабочих. Все они хотели говорить с министром, но тот был вызван в ЦК партии.

— Товарищ Лидум, разве это дело — Кулайнис одну фабрику заваливает материалами на целый квартал и помогает победить в социалистическом соревновании, а нам каждый килограмм приходится вымалывать, как нищим? — жаловался один директор. — А почему он так делает? Потому, что те с ним пьянствуют и по субботам присылают по узлу с образцами производства.

— Разве правильно, когда министерство, не вникнув в суть дела, вместо того чтобы помочь, отзывает с фабрики способного главного инженера в аппарат министерства, а

взамен его присылает зеленого юношу, который не знает технологии и в лучшем случае может пригодиться для составления докладных записок? — сетовал другой. — Вместо государственного подхода в нашем министерстве царит семейственность и приятельские отношения.

— Почему не скажете об этом министру? Если вопрос поставить принципиально, он не оставит его без внимания, — сказал Лидум.

— Правильно, без внимания не оставил бы, но нам обоим пришлось бы уйти со своих фабрик, ведь без помощи и поддержки министерства работать невозможно. Товарищ Лидум, сделайте что-нибудь ради общего дела. Поговорите, обуздайте Кулайниса.

— Я поговорю, — обещал Лидум. — А после обеда приходите в министерство и будьте готовы к тому, что вас пригласят высказаться на коллегии.

Директора переглянулись и задумались.

— Боятесь испортить отношения? — усмехнулся Лидум. — Как же это так? Ведь вы коммунисты, а коммунисты не боятся говорить правду в глаза.

— Не отношения боимся испортить, а ни к чему эта лишняя резкость.

— Тупыми зубами твердого мяса не разжевать. Не забудьте, что все бюрократы толстокожи — вертелом надо их колоть, пока почувствуют.

— Ну ладно, если уж иначе нельзя, будем колоть.

Делегация молодых рабочих жаловалась, что у них фабричное общежитие мало приспособлено для жилья.

— По вечерам горит одна слабая лампочка — нельзя ни газету прочесть, ни письмо написать. Кипятку нет, а умываться приходится под открытым небом. Дело совсем не в том, что у фабрики нет средств на ремонт общежития, достройку второго этажа, — деньги имеются, рабочая сила тоже найдется, но контора снабжения не дает материалов. Директор уже несколько раз обращался к Кулайнису. Тот, конечно, обещает, но сейчас же забывает про свои обещания.

— Где же ему взять для общежития, когда краска и доски нужны для ремонта дач! — воскликнул один из делегатов.

— Позавчера повезли на взморье полный грузовик стронительных материалов, наши ребята своими глазами видели... — заметил второй.

— Если ничего нельзя сделать, разрешите перейти на другую фабрику.

— И все обстоит именно так, как вы мне рассказали? — спросил Лидум.

— Точно так, товарищ Лидум. Если не верите, приезжайте и посмотрите своими глазами.

— Ладно, товарищи, поедем вместе.

Лидум вызвал машину и вместе с молодыми рабочими поехал в общежитие. Во многих общежитиях, столовых, клубах, детских яслях он уже побывал и помог руководству предприятий навести в них порядок, но это общежитие как-то ускользнуло от его внимания.

Вернулся он часа через два, сердитый и мрачный. Позвонил министру и попросил принять на несколько минут.

— Но сейчас ведь начнется заседание коллегии, товарищ Лидум... — ответил министр. — Мне надо подготовиться, просмотреть еще кой-какой материал.

— Вопрос слишком важный и имеет, между прочим, отложение к сегодняшней повестке дня, — пояснил Лидум.

— Нельзя ли позже... после заседания?

— Нельзя, товарищ министр.

— Ну, тогда приходите... — Лидум услышал, как вздохнул министр.

«Вздыхай не вздыхай, а Кулайнису волчий паспорт придется выдать...» — подумал он.

Зарывшись в бумаги, министр сидел за письменным столом и при появлении Лидума поднял бледное лицо. Его взгляд говорил, что ему все надоело, что он устал от бессонных ночей; пальцы нервно теребили бумаги. Рядом с министром стоял Кулайнис (наверно, давал объяснения по некоторым материалам).

— Я пойду, товарищ министр, — сказал Кулайнис.

— Лучше бы вы немного задержались здесь, — сказал Лидум. — У меня к вам большой счет.

— Опять? — улыбнулся Кулайнис.

— Попробуем, — отрезал Лидум. — И я боюсь, что на этот раз вам не отвертеться. Негодяй вы, вот что я хочу сказать, — не сдержался он.

— Только без лишних резкостей, товарищ Лидум... — заметил министр. — Ближе к делу. Давайте факты, — выводы сделаем потом.

Он нахмурился, не скрывая досады. Кулайнис отошел в сторону, с деланным спокойствием наблюдая за Лидумом, но его маленькая бородка клинышком дрогнула, когда заместитель министра посмотрел ему в лицо.

Чтоб не задерживать долго министра, Лидум коротко, скупными словами обрисовал, что видел в общежитии молодых рабочих.

— Почему же директор не принимает никаких мер? — заговорил министр. — Если сам ничего не может сделать, почему не просит помощи?

— Он просит, но ему не дают, — ответил Лидум. — Он, как нищий, ходит за Кулайнисом, а тот не обращает никакого внимания на их нужды.

— Я не понимаю, какая связь между общежитием и мной? — Кулайнис пожал плечами. — Кто запрещает им ремонтировать?

— А как они должны ремонтировать — святым духом? Скажи, Кулайнис, куда девалась грузовая машина со строительными материалами, которую позавчера следовало отправить для ремонта общежития?

— Были более срочные нужды...

— Ах, вот как — наступает купальный сезон! — крикнул Лидум, не в силах больше сдержаться. — Надо подновить дачу! Пусть рабочие потерпят еще с полгода, потому что некоторым руководящим работникам министерства нужен комфорт уже сегодня.

— Что за машина? — спросил министр и строго посмотрел на Кулайниса. — На какую дачу отвезли этот материал?

— На вашу, товарищ министр... — сердито буркнул Кулайнис. — Спешим достроить гараж. В самой даче тоже

надо поставить заново две перегородки, иначе негде устроить столовую.

— Но я ведь вас не просил этого делать! — Голос министра зазвучал сурово. — Кто вам дал право вмешиваться в мои дела?

— Ваша супруга как-то позвонила... просила... — пробормотал Кулайнис.

Всем трем вдруг стало неловко. Министр поднялся и взволнованно заходил по кабинету. Кулайнис достал платок и долго сморкался. Лидум смотрел в окно.

— Идите, Кулайнис! — услышал Лидум суровый возглас. — Никакого гаража, никаких перегородок. Чтобы сегодня же были завезены в общежитие все необходимые строительные материалы! После заседания коллегии лично проверю, и если что-нибудь не будет сделано, отдам под суд!

Когда Кулайнис ушел, Лидум спросил:

— И вы все-таки хотите оставить его в аппарате министерства?

— Прогнать работника не трудно, гораздо тяжелее найти хорошую замену, — сказал министр.

— Товарищ министр, я с вами не согласен, — заговорил как можно спокойнее Лидум. — Моя партийная совесть не позволяет мне дольше молчать. Нет в нашем доме порядка, и мы оба повинны в этом. Вы — потому, что слишком верите пройдохам и подхалимам, я — потому, что примирился с этим. Если место занимает негодяй, вредный и враждебный нам человек, его надо уволить. Знаете ли вы, почему некоторые фабрики не могут выполнить плана? Потому что такие люди, как Кулайнис, их сознательно топят.

Он рассказал о своей беседе с двумя директорами, о том, что говорят рабочие и члены партии. Раз начав, он вытаскивал на свет факт за фактом, а их было немало, и чем дольше говорил Лидум, тем внимательнее слушал его министр. Когда Лидум, наконец, замолчал, излив всю накопившуюся на сердце горечь, обоим сразу стало легче. Немного помолчав, министр протянул Лидуму руку:

— Спасибо, товарищ Лидум. Вот это было слово большевика, это была настоящая помощь. А теперь пойдем в зал заседания.

Кулайниса освободили от работы, некоторые авторплетные работники получили вместо обычной похвалы холодный душ и предупреждение. Дуновение свежего ветра пронеслось по министерству, по всем коридорам и кабинетам, достигло трестов, контор, цехов ближних и дальних фабрик, и всюду воздух стал чище, быстрее пошла работа.

После заседания министр прежде всего поехал в общежитие молодых рабочих и убедился, что строительные материалы уже начали подвозить.

Когда Ин Лидум после заседания коллегии зашел к себе в кабинет, его ждал Айвар.

5

У Яна Лидума с Айваром была небольшая квартира на улице Матиса, вблизи Видземского рынка. Об удобствах ни Лидуму, ни Айвару думать было некогда, и в квартире было только самое необходимое. И если бы Илья, изредка

навещавшая брата, не предприняла некоторые необходимые шаги, в этой холостяцкой берлоге, как Лидум называл свою квартиру, вероятно не было бы ни занавесок на окнах, ни половиков, ни приличных ламп, словом, тех мелочей, которые придают уют. Самой большой роскошью здесь были книги. Они заполняли все полки, углы в комнатах отца и сына. Сочинения Ленина и Сталина, Большая Советская Энциклопедия, произведения классиков мировой и советской литературы в роскошных переплетах и в простых обложках лежали рядом с географическими атласами, объемистыми монографиями и комплектами журналов. Все здесь свидетельствовало о высоком духовном развитии и разносторонних интересах хозяев.

Придя домой, Ян Лидум по старой привычке поставил на газовую плитку воду для кофе и достал из кладовки продукты. Сняв пиджак, Айвар принялся помогать ему: нарезал хлеб, накрыл стол. Когда кофе было готово и сосиски отварены, Ян Лидум вынул бокалы и бутылку портвейна, месяца два хранившуюся для особого случая.

Пока продолжались приготовления, Айвар ничего не говорил о цели своего приезда. Отец же устроил ему настоящий экзамен. Надо было рассказать, каковы успехи по заочному обучению в Сельскохозяйственной академии, как продвигается изучение истории философии, что сделано на Змеином болоте. Как только что-нибудь в ответах Айвара ему не нравилось, он говорил об этом сыну. А это случалось довольно часто.

— Как поживает Анна? — спросил Лидум, когда они уже сидели за столом. И хотя вопрос был задан совершенно просто, Айвар опустил глаза.

— Анна не может обижаться, что ей нехватает работы, — ответил он. — Мне кажется, она довольна своей жизнью.

— Девушке не мешало бы поучиться, — задумчиво сказал Лидум. — С темерешним запасом знаний она скоро исчерпает себя. А советским людям надо беспрестанно расти, двигаться вперед, иначе не угнаться за жизнью. Все создается и развивается так быстро, что вчерашних знаний сегодня уже недостаточно.

— Насколько мне известно, Анна занимается... когда позволяет время. Его у нее не слишком много.

— Неплохо бы послать ее учиться в двухгодичную партийную школу. Поговори с Артуром. Пусть учтет, когда будет отбирать новых слушателей. Анна заслужила, чтоб ей немного помогли.

— Ладно, отец, на обратном пути заеду в уком. Только вряд ли Анна захочет уехать из волости, пока не будет закончена осушка Змеиного болота — ведь это ее самая заветная мечта. И Анна крепко помогает мне.

— Болото теперь осушат и без нее.

Лидум наполнил бокалы и чокнулся с Айваром.

— За победу над болотом!

— Спасибо, отец.

— Когда вы думаете как следует взять быка за рога? — поинтересовался Лидум.

— Будущей весной, — ответил Айвар. — Этой осенью закончим разведывательные работы, зимой разработаем технический проект, а весной пустим экскаваторы,

грейдеры и бульдозеры. Министерство думает создать специальный мелноративный отряд и хорошо вооружить его механизмами. За зиму подготовим и нужные кадры.

— А что ты сам собираешься делать, когда будет готов и утвержден во всех инстанциях технический проект? Вернешься в аппарат министерства?

— Хотелось бы остаться в волости до завершения всех работ. Начальник управления почти обещал. Может, пошлют производителем работ... Если б ты замолвил словечко в министерстве...

Лидум посмотрел на сына и погрозил пальцем:

— Бороться надо, Айвар, без протекций. Вспомни, как мы уговаривались при демобилизации.

— Уговор остается в силе. Мне дядюшка не нужен, но для пользы дела можно помочь. На работе по осушке болота я буду получать меньше, чем сейчас, так что корысть здесь исключается.

— А если Анна этой осенью поступит в партшколу? — Ян Лидум не удержался, чтоб не подразнить сына.

— Тогда мне тем более необходимо остаться на болоте, — горячо отозвался Айвар. — Одному из нас там быть необходимо.

Они выпили еще по бокалу и перешли в комнату Яна Лидума.

— Знаешь, отец, меня начинают тревожить тени былого, — сказал Айвар и, протянув отцу письмо Таурина, стал рассказывать о своем разговоре с Пиколом.

— Всего можно было ожидать, но не такой наглости, — заключил юноша. — За кого он меня принимает? Наверно думает, что если человек по независимости от него обстоятельствам пожил в их стае, то он всю жизнь будет тосковать по этой стае.

— Противника никогда нельзя недооценивать, — сказал Лидум, задумчиво посасывая свою старую походную трубку. — Но в этом случае их действия не говорят о большом уме.

— Так думать могут только безнадежные идиоты! — с горячностью воскликнул Айвар. Его губы дрожали от волнения.

— Идиоты обычно безвредны и неспособны к продуманным действиям из-за своего слабоумия... — продолжал Лидум. — Но эти подлецы весьма ядовиты и опасны. Они знают, чего хотят.

— Это, отец, торгаши. Они думают, что за золото можно купить все, что только пожелают... даже человеческую совесть.

— Это естественно, сын, что они так думают. Ведь золото — их религия, в особенности то, которое получается из храма на Уолл-стрите. А совесть... неужели ты думаешь, что в их словаре еще существует такое понятие?

— Но что мне теперь делать? Что ответить Таурину? Как действовать в отношении Пикола?

Лидум спокойно и серьезно посмотрел в глаза Айвару.

— А как ты сам думаешь действовать?

— Что тут много думать? Если бы дело было только в Пиколе, я при следующей встрече просто скрутил бы его и сдал органам государственной безопасности. Для меня

это было бы делом одной минуты... он даже не пикнул бы. Но этого мало. Пикол только один из этой волчьей стаи. Там есть еще Тауринь. Обезвредив Пиколу, я еще не свел бы счетов со всей их черной бандой, а у меня к ним большой счет. За детство, за то, что они всю мою жизнь так гнусно запятнали грязью! За то, что они ограбили тебя! Подумай, отец, что могло бы случиться, если бы в начале войны неожиданный случай не открыл мне правды.

Айвар говорил это нервно, шагая по комнате.

— Конкретнее, Айвар... — вставил Лидум. — Что именно ты хочешь делать?

— Их хитрости противопоставить свою хитрость. Как бы ни было мне противно, я готов начать с ними самую опасную игру. Сделать вид, что попался на их удочку, и заманить в капканы Пиколу, Тауриню и всех прочих. Я не сделаю ничего такого, что хоть в малейшей степени могло бы причинить вред советскому народу. Буду действовать осторожно и смело, играть крупно, и они поверят мне. А когда все организуется так, как надо, одним ударом прекращу игру, и капкан захлопнется.

— И это все? — спросил Лидум, когда Айвар замолчал.

— Пока все... — ответил сын.

— Так, так... — заговорил Лидум. — Крупная игра, личные счеты, капкан... Ты прав, — со всех точек зрения ты имеешь право так действовать. И все же ничего у тебя не выйдет из этой игры.

— Почему не выйдет?

— Ответь мне на один вопрос. Как бы ты поступил, если бы Пикол или кто другой дал тебе задание убить какого-нибудь советского или партийного работника — Анну Пацелис, Артура или просто агента по заготовкам, который заставляет кулака выполнять свои обязательства перед государством.

— Такие вопросы... даже задавать не надо... От меня они не получают самой безобидной служебной бумаги.

— А если потребуют? Отговориться не удастся, невиновными услугами не отделаешься. Прежде чем довериться тебе, они обязательно проверят тебя на деле, заставят сделать что-нибудь такое, чем ты неизбежно скомпрометируешь себя в глазах советского народа и сожжешь за собой все мосты. Только после этого они станут доверять тебе, только после этого ты сможешь заманить их в капкан, но тогда будет поздно, тогда ты уже не будешь охотником, а станешь членом звериной стаи. Дорога назад будет отрезана, и Рейнис Тауринь сможет ликовать: ты снова будешь принадлежать ему.

Айвара потрясла эта мысль, он опустился на стул, сжав голову руками.

— А если бы мне все-таки разрешили попробовать? Может быть, они совсем не так умны и дальновидны?

— Не обольщайся, Айвар. Если не ум, то инстинкт заставит их действовать именно так.

— Но попытаться все же можно. За меня не бойся, я свою дорогу знаю, меня с нее никто не собьет.

— В этом я не сомневаюсь, мой мальчик...

— Если дело примет такой оборот, как ты предпола-

гаешь, я прекращу игру и удовлетворюсь той добычей, какая будет возможна.

— Не знаю. В таких делах я не специалист, но как бы там ни было, тебе надо поговорить об этом случае в другом месте.

Они решили, что на обратном пути в Пурвайскую волость Айвар остановится в уездном центре и поговорит с начальником отделения Министерства государственной безопасности.

— Ладно, я обязательно это сделаю, — сказал Айвар. — А как быть с ответным письмом Тауриню? Пикол скоро его попросит.

— И по этому вопросу тоже переговоры в уездном отделении МГБ, — сказал Лидум.

Рано утром Айвар попрощался с отцом и уехал обратно в деревню.

6

Артур только в два часа ночи пришел с работы, поэтому Ильза не спешила его будить. Она тихонько хлопотала в кухне, приготовила завтрак, поставила все на стол. В открытое окно вливался свежий утренний воздух вместе с запахом цветов и уличный шум. Крестьяне везли на приемный пункт большие бидоны с молоком, другие ехали к базару. На телегах лежали ранние овощи, в клетках хрюкали поросята, а с иного воза вдруг раздавалось кукареканье петуха. Со стороны лесопилки долетела монотонная песня электрической пилы. На строительной площадке по другую сторону улицы слышались громкие голоса каменщиков и плотников, — это строили здание школы на месте взорванной фашистами средней школы городка (развалины были убраны еще во время зимних субботников и воскресников).

Ильза любила наблюдать по утрам жизнь окружающего ее маленького мирка. Бодрая, целеустремленная деятельность людей создавала светлое, жизнерадостное настроение. Как спокойный, прозрачный поток, текли дни. И в этой большой, содержательной жизни у Ильзы Лидум было свое место и своя ясно видимая цель. Все близкие ей люди шли вместе с нею к этой цели, они жили общей мечтой, они делали одно общее дело. У всех у них, у каждого советского человека было будущее, был какой-то молодой задор, ибо молод был мир, в котором они жили и строили. Артур, Ян, Айвар, Анна, Валентина... о них думала Ильза в этот ранний час, и сердце ее было спокойно, как у матери, которая знает, что ее детям не грозят нужда и унижение.

На улице затарахтел мотоцикл и внезапно умолк. Ильза выглянула в окно. Айвар сошел с машины, улыбаясь посмотрел вверх и приветственно помахал рукой.

— Доброе утро, тетя Ильза! Артур дома?

— Доброе утро, сынок, заходи, заходи. Мы еще не завтракали.

Айвар поставил мотоцикл в угол около дровяных сарайчиков, сбил затем кожаной перчаткой пыль с одежды, выколотил о стену кожаный шлем и поднялся по узким деревянным ступеням во второй этаж.

Ильза поставила на стол третий прибор. Поцеловав племянника, она засыпала его вопросами:

— Ты прямо из Пурвайской? Сенокос еще не начали? А твоё самочувствие, Айвар, раны не болят? Как поживает Анныня? Я ее не видела с конца зимы.

Когда юноша рассказал, что он проездом из Риги, Ильза захотела узнать, не похудел ли брат?

— Ведь о нем некому и позаботиться, некому вовремя приготовить обед, ужин. Трубку тоже, наверно, сосет без передышки? Хотя бы кто-нибудь надоумил его бросить курение — достаточно он испортил легкие в тюрьме, так нет, надо еще коптить их табачным дымом. В других делах у него характера и воли хватает, а в этом — все равно что малое дитя.

Айвар любил слушать Ильзу, когда она ворчала. Это случалось очень редко и получалось мило, добродушно, и в каждом упреке звучала глубокая забота.

— Ничего не поделаешь, тетя Ильза, если мужчины так слабы, — ответил он улыбаясь. — Каждому из нас нужен свой друг-хранитель.

— Ясно, что нужен, — тихо засмеялась Ильза. — Но почему же не приведете к себе в дом этого друга? Вам с Артуром самое время жениться — неизвестно, чего вы еще ждете.

Из своей комнаты вышел Артур. Он только что умылся и вытирал шею полотенцем. Поздоровавшись с Айваром, он поцеловал мать и, подняв ее, два раза повернулся кругом, будто танцуя вальс.

Сели завтракать. У обоих парней был такой хороший аппетит, что Ильзе не приходилось их угощать.

Айвар рассказал о работе своей бригады на Змеином болоте.

— Как на это дело смотрят крестьяне? — спросил Артур. — Перестали ворчать и сомневаться?

— Все окрестное население так воодушевилось, что не дожидается того дня, когда можно будет выйти на работу с лопатами и топорами, — ответил Айвар.

— На прошлой неделе я была в Айзупской волости, — заговорила Ильза. — Проводила собрание по поводу подготовки к сенокосу и к уборочным работам. После собрания айзупчане забросали меня вопросами: когда мы думаем начать осушение их большого болота? Чем они хуже пурвайчан? До сего времени никто не шевелился, а как узнали, что на Змеином болоте делается, и им стало невтерпёж.

— Разведывательные работы на Айзупском болоте начнут следующей весной, — сказал Айвар. — Возможно, что разведку придется делать моей бригаде — к тому времени будут закончены все проекты мелиорации Змеиного болота.

Ильза попрощалась с Айваром, велела передать привет Анне и ушла на работу. Артур с Айваром убрали со стола, вымыли посуду и пошли в комнату Артура.

Взгляд Айвара остановился на письменном столе: между книгами и письменными принадлежностями в круглой рамке стояла фотография незнакомой молодой женщины.

Артур заметил, что Айвар долго и пристально смотрит на портрет.

— Это Валя... Валентина Сафронова... — спокойно объяснил Артур. — Она учится в партийной школе в Риге. Будущим летом кончает. Потом... мы, наверно, поженемся. Во время каникул я постараюсь вас познакомиться. Она замечательный человек и лучший мой друг.

Айвару тоже казалось, что Валентина Сафронова чудесный человек, великолепная девушка, если она стала лучшим другом его брата.

— Симпатичная девушка... Поздравляю, Артур. Надеюсь, вы будете очень счастливы.

Внезапно комната показалась ему слишком тесной. Сердцу не хватало простора зеленых далей, захотелось пить, мчаться на мотоцикле по большаку... и скорее оказаться дома у огромного болота, где была Анна — милая, самая лучшая девушка, с которой никто и никогда его не разлучит.

Проводив Артура до укома, Айвар направился в уездное отделение Министерства государственной безопасности. Начальника отделения не было, и Айвару пришлось его подождать.

...Вернувшись, Цимдынь сразу принял Лидума. Айвар все изложил самым подробным образом, и когда начал говорить Цимдынь, то оказалось, что у него на это дело такие же взгляды, как у Яна Лидума, будто они обо всем уже посоветовались и пришли к общему выводу.

— Они обязательно потребуют от вас что-нибудь такое, чего советский человек никогда не сделает, им нужно подтверждение вашей готовности быть с ними заодно, — сказал Цимдынь. — Поэтому от большой игры надо будет отказаться и удовлетвориться тем, что вы можете сделать, не заняв себя. Никогда мы обязательно схватим, но не надо думать, что это так легко. Как видите, он не указал время и место встречи, значит, появится тогда, когда вы меньше всего будете его ждать, и там, где ему меньше всего будет угрожать опасность. Но это ничего, достаточно и того, что Никол вообще когда-нибудь появится около нас. Возможно, что при первой встрече мы его не тронем, дадим уйти, а вы напишите ответ Тауриню и передайте его Николу.

— А что мне ему написать? — спросил Айвар.

— Лучше всего что-нибудь частное, о своей личной жизни и работе, так, как оно есть, чтобы совпало с теми сведениями, которые у них имеются о вас. Между строк можете дать понять, что готовы сотрудничать с ними.

Прощавшись с Цимдынем, Айвар поспешил домой. Ему казалось, что там, у огромного болота, его ждет Анна. Он запустил мотор и, как ветер, понесся по улице.

Два дня Финогенов, заместитель директора МТС, ездил по окрестным волостям, где работали бригады трактористов, и только что вернулся в Урги. Весенние полевые работы были закончены еще две недели назад. Только некоторые тракторы подымали еще старые залежи, покрытые толстым плотным слоем дерна. Трактористы и рабочие

мастерских МТС ремонтировали сельскохозяйственные машины и готовили инвентарь для уборочных работ, поэтому в Ургах было много народа. На большом дворе вокруг сенокосилок, жаток и молотилок суетились человек десять, а в механической мастерской с утра до вечера раздавалось громыхание металла, гудели моторы и новый сварочный аппарат рассыпал струи бенгальских огней.

— Где директор? — спросил Финогенов у механика Далдера, ремонтировавшего локомобиль.

— Товарищ Драва в конторе, — отозвался механик, не отрываясь от дела. — Гости понаехали — шефы из Риги...

Подчеркнутое «шефы» и многозначительная усмешка на законченном лице Далдера показывали, что он не особенно высокого мнения об этих гостях. Финогенов знал, что шефство над Пурвайской МТС взял какой-то небольшой завод, у которого в соседней волости имелось подсобное хозяйство, но за время его работы в МТС никто из шефов в Ургах еще не побывал. Финогенов, понаблюдав за работой механика, хотел было уйти, но в это время во двор въехал Айвар Лидум. Заметив Финогенова, он еще издали поздоровался с ним и, оставив мотоцикл, пошел навстречу заместителю директора.

— Так рано с болота? — спросил Финогенов, здороваясь с Айваром. — Сейчас самая подходящая пора для работы — не холодно и не жарко.

— На болоте я сегодня еще не был, — ответил Айвар. — Вчера пришлось срочно ехать в Ригу.

— И сегодня утром уже обратно? — удивился Финогенов. — Значит, даже и в театре не успел побывать?

— Куда там... — улыбнулся Айвар. — Зимой побываем.

— А ты, наверно, удачно съездил — видеть по лицу.

— Жаловаться не могу, — ответил Айвар.

— Завтра парторг волости созывает собрание актива. Коммунисты и комсомольцы МТС тоже примут участие. Говорят, что сообщат нам о каких-то изменениях в проекте осушки болота.

— Да, небольшие изменения будут. Сейчас кое-кто думает, что мы на болоте только время проводим. Теперь увидят, что мы там нашли.

Финогенов положил руку на плечо Айвара, и они медленно пошли в сторону сада. С противоположного конца сада доносились звонкие детские голоса — там играли ребяташки работников МТС под наблюдением жены механика.

— Драве кажется, — говорил Айвар, — что мы даром едим государственный хлеб. По его мнению, здесь нечего проектировать, а надо сразу рыть канавы и спускать воду в море. Если бы это было так просто, не нужны были бы ни инженеры, ни техники, а обошлись бы одними землекопами.

— Драва хороший практик, но иногда не видит дальше своего носа: его занимает только перевыполнение плана своей МТС и ее победа в социалистическом соревновании.

— Только один раз попросил я отрядить на несколько дней в помощь нашей бригаде двух человек, а он ни за что. Ну, ладно, больше ничего не попрошу у него. Думаю,

что и не надо будет. Помнишь, как было дело с образцами почвы... Лаборатория стояла без работы, старший агроном согласен сделать анализы, а директор говорит, нет, — дескать, не предусмотрено планом МТС лабораторное обслуживание нашей бригады. Словно находимся в двух разных государствах. Чорт его разберет, что с ним стало, на фронте был совсем другой человек.

— Теперь каждый литр учитывается, и государству сдается все, что следует. Обжегся на молоке, сейчас дует на воду. Это все потому, что комиссия в акте ревизии указала на слишком вольное обращение с принадлежащими хозяйству МТС молоком и поросьями. Ничего, Лидум, все наладится, найдет правильное применение своему усердию и Драва. А ты напрасно отказываешься от помощи МТС — не тебе она нужна, а общему делу, государству, советскому народу. Лучше посмотри, как растет наш новый машинный сарай. Недельки через две закончим. Осенью ни один болтик не останется под открытым небом, а скоро мы получим несколько новых «СТЗ-НАТИ» и две молотилки. Для механической мастерской обещают в третьем квартале новый токарный станок, тогда мы сможем изготавливать самые сложные детали и своими силами производить капитальный ремонт. Здорово, не правда ли?

— Скоро у вас здесь будет настоящий ремонтный завод, — засмеялся Айвар.

— Должен быть. А главное, у нас появятся новые люди, с другими качествами, с более широким кругозором. Они уже растут, не по дням, а по часам, и скоро им понадобятся в домах другие потолки — старые сделаются слишком низки. И это время не за горами. Уже слышны шаги, скоро сама новая жизнь постучит в наши двери.

Перед тем как разойтись, Финогенов обратился к Айвару:

— Что ты скажешь, если мы попросим тебя пожертвовать несколько часов в месяц нашему кружку? Ты бы мог прочесть несколько популярных лекций о новейших достижениях советской агрономической науки. Надо тебе дать какую-нибудь общественную нагрузку.

— Можно, — согласился Айвар. — Только я никогда не выступал в роли воспитателя.

— На фронте батальоном командовал! — напомнил Финогенов. — Своих стрелков воспитывал? А теперь не знает, как у него получится... — засмеялся заместитель директора. — Не беспокойся, товарищ Лидум, профессорской сноровки с тебя никто не требует.

И они договорились, что Айвар два раза в месяц по два часа будет заниматься с одним из кружков самообразования.

На собрании присутствовали человек тридцать: коммунисты и комсомольцы Пурвайской волости и МТС, несколько работников волисполкома, старший агроном Римша, директор неполной средней школы Жагар и председатель правления мелиоративного товарищества Мурниек. Собрание происходило в зале заседаний волисполкома, в былые времена здесь заседал волостной суд. Вел собрание председатель волисполкома Регут, протокол писал

Жагар. На повестке дня стоял один вопрос: подготовка к работам по осушке Змеиног болота.

Повесив на стену план местности, Айвар ознакомил участников собрания с некоторыми общими соображениями, которые положила в основу своей работы бригада по исследованию болота.

— Инициатива принадлежит крестьянам Пурвайской волости, и это вполне естественно, потому что их земли больше всего и страдают от избытка воды. Поэтому вначале задание было составлено, исходя из интересов пурвайчан и только в объеме нашей волости. Теперь, когда бригаде вполне ясны основные пути отвода излишних вод к бассейну Даугавы, первоначальное задание больше не соответствует нашим требованиям и государственным интересам.

— Вот тебе и раз, уже не соответствует! — воскликнул Мурник. — Опять начнем мудрить и топтаться на месте, а болото будет стоять, как раньше, и затоплять нас. Нам не философия нужна, уважаемый товарищ, а работа.

— Потерпи, Мурник, дай Лидуму высказаться, — прервал его Регут.

— Да, оно уже не соответствует государственным интересам... — продолжал Айвар. — Змеиное болото соприкасается с землями Пурвайской и Айзупской волостей. Процесс заболочивания происходит на территории обеих волостей, с этой стороны интенсивнее, чем у айзупчан. Мы не можем осушить заболоченный массив, осуществляя все работы только на территории одной Пурвайской волости, часть лишних вод надо отвести в озеро Илистое и оттуда по реке к бассейну Даугавы. Следовательно, мелиоративные работы придется вести на территории обеих волостей, и в этом начинании должны участвовать люди как нашей, так и Айзупской волости. Я думаю, что нетрудно будет убедить айзупчан, что и им придется приложить руку к этому делу, они ведь так же заинтересованы в ликвидации Змеиног болота, как и мы.

— Это другое дело! — снова воскликнул Мурник. — Я только сегодня думал, что ваша изыскательская работа не годится и все надо начинать сначала.

— Вся проделанная работа годится, ничего не делалось зря, — сказал Айвар. — Если б мы ее не проделали, в наших руках не было бы ключа к решению основного задания. Вот где он... — и Айвар указал на плане извилистую линию. — Это русло реки Раудупе. Много десятиков лет назад воды ее текли по этому руслу к притоку Даугавы. Тогда не было и Змеиног болота. Существовало только небольшое болотце. Когда на Раудупе построили мельницу и высокую плотину, воды реки начали накапливаться и постепенно сделались проклятием для всей окрестности. Наша задача состоит в том, чтобы восстановить этот естественный сток, — и с болотом будет покончено. По сравнению с первоначальным вариантом длина главного отводного канала сократится наполовину, а стоимость мелиоративных работ уменьшится почти втрое. Все это можно будет закончить к осени будущего года. Вот пока и все, что можно доложить о работе исследовательской бригады. Оставшееся до осени время мы посвятим обследованию прилегающих к болоту крестьянских земель, тоже требующих мелиорации.

Участники собрания встали и некоторое время рассматривали план осушения местности.

— Гм... — пробормотал Драва. — Нельзя сказать, что бы ничего не было сделано. Лежебоками их не назовешь.

— А мы им почти ничем не помогли, — добавил Фингонов. Драва покраснел, потом он подошел к Айвару и тихо заговорил:

— Ты не дуйся, Лидум, что я в тот раз... ну, знаешь, так... Мне некогда было вникать в твои дела, вот и все. Теперь мне все ясно, и если будет нужно, не стесняйся, проси. Все, что в моих силах, сделаю.

— Большое спасибо... — сказал Айвар и пожал руку Драве.

После этого выступила Анна. Она говорила о посылке представителей к айзупчанам и вызове их на социалистическое соревнование. Решили послать Мурника, Айвара и Фингонова, а условия социалистического соревнования поручили разработать довольно большой группе товарищей во главе с Анной.

Затем слово взял старший агроном Римша.

— Товарищи, — сказал он, — я думаю, перспективы осушения Змеиног болота сейчас настолько ясны, что можем начать думать о ближайшем будущем — о нашей работе, когда болото будет осушено.

— Снимать шкуру с неубитого медведя! — засмеялся один из новохозяев, член партии Клуга. — Не рано ли?

— Нет, не рано... — продолжал Римша. — Мы знаем, что через несколько лет в нашем распоряжении будет большой земельный массив — почти восемь квадратных километров. Я не думаю, что его разрежут на мелкие кусочки и отдадут полсотне новохозяев. Это было бы неправильно. Здесь можно будет создать мощное социалистическое хозяйство. Почва этого массива обладает такими качествами, каких нет у окружающих земель, и мы не имеем права об этом забывать. Это идеальная почва для кок-сагыза. Мы можем добиться таких же урожаев, как на Украине. Но для того чтобы научиться возделывать эту, еще не известную в Латвии, культуру, надо начать думать уже сегодня о семенах, о кадрах и об освоении агротехнических навыков. Мы не очень забежим вперед, если сегодня же организуем специальный агротехнический кружок и если комсомольцы волости, которым, по-моему, нужно взять шефство над внедрением кок-сагыза в нашей волости, создадут несколько небольших опытных участков. Чтобы заранее к этому подготовиться, надо начать действовать.

Как можно было предвидеть, предложение Римши было принято не ахти как хорошо. Часть крестьян и сельскохозяйственных специалистов все еще считали кок-сагыз нежелательной культурой, почти сорняком. Председатель волисполкома Регут и Мурник стали на сторону скептиков, но остались в меньшинстве. Анна горячо поддержала инициативу Римши и добилась того, что часть коммунистов и все комсомольцы голосовали за предложение старшего агронома МТС. Римше поручили организовать агротехнический кружок, а волостному комсогму — обсудить на комсомольском собрании вопрос о создании опытных участков. После этого слово предоставили местному агенту Министерства заготовок Бокмелдеру — он заявил Регуту, что хочет выступить по важному вопросу.

Бокмелдер лишь недавно приехал в Пурвайскую волость из соседнего уезда, поэтому многие пурвайчане видели его впервые. Это был высокий плотный мужчина в серой дмотканной одежде, с гладко выбритой головой.

— Что у вас за вопрос, товарищ Бокмелдер? — спросил Регут.

Бокмелдер встал, окинул взглядом зал и торжественно откашлялся.

— Пусть простят меня товарищи, если я ломлюсь в открытую дверь. Возможно, я плохо информирован, поэтому меня смущает одно обстоятельство, на которое, как я вижу, все вы не обращаете внимания. Сегодня мы заслушали сообщение товарища Лидума о проекте осушки болота. Это очень большое и важное начинание, весьма нужное государству и каждому из нас. В это дело придется вложить немало средств и труда. Многое будет зависеть от того, насколько сознательно, честно и по-государственному бригада исследователей и ее руководитель товарищ Лидум отнесутся к своим обязанностям при разработке проектов. Это такая работа, исполнители которой должны пользоваться нашим полным доверием, и именно поэтому меня смущает одно обстоятельство, ставшее мне известным лишь недавно. Правда ли, товарищи, что руководитель бригады Лидум — сын кулака Таурина?

Айвар покраснел и смущенно переглянулся с Анной, затем поднялся и хриплым голосом сказал:

— Я был приемным сыном Таурина...

— А если это так, то меня интересует другой вопрос: чем этот человек заслужил такое доверие?

Ободрающий взгляд Анны на мгновение остановился на Айваре. Затем она поднялась и, заметно взволнованная, начала говорить:

— Вопрос и удивление товарища Бокмелдера совершенно естественны, и нет ничего странного в том, что он поднял его на нашем собрании. Разрешите мне кое-что объяснить товарищу Бокмелдеру, он новый человек в нашей волости, и ему надо знать всю правду про Лидума.

Кратко, в самых основных чертах, она рассказала собранию уже известную читателям историю жизни Айвара. Когда она дошла до описания боев Латышской дивизии в районе Старой Руссы и второго ранения Айвара при штурме немецких позиций на высоте, Бокмелдер замазал рукой и крикнул с места:

— Хватит, хватит! Теперь мне все ясно! Все в порядке!

Он подошел к Айвару и протянул ему руку:

— Извини, товарищ Лидум, что я так спросил. Если бы я знал, никогда не коснулся бы этого старого дела.

— Ваши вопросы меня не оскорбили, товарищ Бокмелдер... — тихо ответил Айвар. — Вы имели право спросить...

Большинство участников собрания чувствовали себя неловко и старались скорее уйти. Айвар ушел с собрания вместе с Анной — она просила немного проводить ее.

— Неприятно получилось, — заговорила Анна, когда они вышли на дорогу. — Если бы я знала, что за вопрос

у Бокмелдера, я попросила бы его немного задержаться после собрания и все бы ему объяснила. Мне и другим приходилось говорить о твоём прошлом. Но ты не очень принимай к сердцу эти вещи. Люди все понимают и правильно оценивают тебя. Такие вопросы тебе придется слышать еще не раз, поэтому будь мужественным.

— Я головы не вешаю, Анна... — ответил Айвар. — И все же неприятно... даже больно, когда бережат старые раны.

— За свою новую жизнь тебе стыдиться нечего, со временем забудется и старое.

Немного помолчав, Анна спросила:

— Как ты живешь, Айвар? Часто ли обедаешь? Кто тебе стирает белье?

Нежной лаской коснулись сердца Айвара слова Анны, взволновали его до глубины души: ей было не безразлично, как он живет, как себя чувствует.

— Спасибо, Анныня... — ответил он. — У нас в бригаде хозяйство общее. По очереди варим суп и печем оладьи, а белье стирает жена одного тракториста.

Он расстался с Анной у ворот ее дома. Короткий разговор, каждое сказанное ею в тот вечер слово запечатлелось в памяти Айвара, и он, счастливый, медленно шагнул домой. Ночь была теплая и светлая. Хотелось дольше побыть на воздухе в одиночестве... и все время думать об Анне, о будущем — без Анны будущее было немислимо.

Отойдя с полкилометра от квартиры Анны, он вдруг вспомнил, что забыл рассказать ей о своей поездке в Ригу и передать привет от отца и Ильзы. «Вернуться? Она может подумать, что я нарочно забыл, чтобы вернуться и зайти к ней. Лучше я приду завтра вечером... после работы... или когда вернусь из Айзупской волости, — решил он, — в конце концов так даже лучше: будет предлог еще раз встретиться с Анной в ближайшие дни и немного поговорить о личных делах. Если хватит храбрости... намекну ей о своих чувствах... и, может быть, она...»

Нет, представить себе, что может быть дальше, он не мог.

9

На полпути от войдзеполкома до МТС, где дорога сворачивала в лес, граничивший с болотом, среди молодых сосенок стоял мужчина. Луна светила ему в спину, на дороге было светло, как днем, но человек стоял в тени не шевелясь; его темный силуэт не выделялся на фоне деревьев.

По дороге, громко разговаривая, приближалась кучка людей — коммунисты и комсомольцы МТС, возвращавшиеся с собрания. Они прошли всего в нескольких шагах от стоявшего в тени человека, но ни один не повернул головы в его сторону. Немного погодя на дороге показались двое велосипедистов. Один был Клуга, другой — директор школы Жагар. Маленькие светлые пятна от фонарей, бежавшие впереди велосипедов, сливались на дороге с лунным светом.

— У Лидума сегодня был довольно горячий день, — говорил Клуга.

— Но он от этого только выиграл, — отозвался Жагар. — Теперь его авторитет возрастет.

— Так-то оно так, но я все-таки не хотел бы быть на его месте, — продолжал Клуга. — Когда Бокмелдер задавал эти вопросы о прошлом Лидума, мне было как-то не по себе.

Жагар что-то ответил ему, но притаившийся человек не мог расслышать его слов, хотя вслушивался очень внимательно. После этого на дороге довольно долго не показывалось ни души. В болоте квакали лягушки, издали донесся неприятный крик филина. Тихо пищали комары. Затем, наконец, донесся звук шагов, и временами слышался хруст ломавшейся под ногами ветки. Когда в лунном свете на повороте дороги показалась рослая фигура Айвара Лидума, незнакомец сразу узнал его. Убедившись, что у Айвара нет спутника, он оставил свое укрытие и незаметно, как привидение, появился на дороге рядом с парнем.

— Добрый вечер, Тауринь, — тихо окликнул он Айвара.

Айвар вздрогнул и быстро обернулся. Узнав Пиколу, он остановился.

— Добрый вечер, Пикол... — сказал Айвар. — Почти испугали. Мне и в голову не могло прийти, что меня здесь кто-то ждет.

— К этому вам надо привыкать, — тихо засмеялся Пикол. — Я всегда буду встречать вас тогда, когда вы менее всего ждете этого. Иначе нельзя: живя в осаде, приходится быть настороже.

Луна освещала лицо Айвара, и Пикол наблюдал за ним.

— Пойдем медленнее, я вас немного провожу... до опушки леса, — продолжал Пикол. — Нам надо поговорить.

Он, пропустив Айвара вперед, сам пошел, отставая от него на шаг.

— Значит, вы были в Риге... — заговорил после недолгого молчания Пикол. — Ну как, не слишком придирались к вашему отчету?

— Настоящего отчета делать не пришлось, — ответил Айвар. — Начальник принял письменный доклад, перелистал его, задав несколько вопросов и этим ограничился. С таким же успехом я мог послать этот отчет по почте, но нельзя — считается секретным материалом.

— В следующий раз захватите одну копию для меня.

— Когда?

— Я сказал — в следующий раз. Держите всегда при себе. Когда встретимся, передайте мне. Ведь поджак у вас с карманами?

— Понятно, Пикол...

— Итак, сегодня вечером у вас были маленькие неприятности. Начали интересоваться вашим прошлым. Кто бы мог ожидать этого от Бокмелдера — сам тюлень, и вдруг такое любопытство, такая бдительность.

— Откуда вы это знаете? — Айвар с удивлением посмотрел на Пиколу; тот таинственно усмехался.

— Как видите, знаю, Тауринь. У меня повсюду уши и глаза. Все знаю, что мне нужно. Прошу это запомнить.

— Вот это здорово, — Айвар силился улыбнуться. — От вас ничего не скроешь.

«Кто бы это мог быть? — пытался отгадать Айвар. — На собрании были только активисты волости, давно известные и проверенные люди. Повидимому, у Пиколы имеется среди них свой агент. Но, может, он узнал как-нибудь иначе? Говорят, что и стены имеют глаза и уши... Может, Пикол сам подглядывал из-за угла, ведь ставни не были закрыты?»

— Так и должно быть, — сказал Пикол. — Только так и можно успешно бороться.

Айвар еще раз посмотрел на своего спутника и заметил, как что-то блеснуло в его правой руке. Это был ствол небольшого револьвера. Айвар отвел взгляд и сделал вид, что ничего не заметил, но предосторожность Пиколы заставила насторожиться и его.

«Продувная бестия... — думал Айвар. — Не доверяется, в любой момент готов перегрызть горло. Голыми руками взять его будет трудно».

— Я написал ответ... отцу... — заговорил он.

— Вот хорошо, давайте сюда, — сказал Пикол. — Через несколько дней ему доставят.

Айвар достал из кармана незалечатанный конверт и протянул Пиколу. Засунув правую руку с револьвером в боковой карман, Пикол взял конверт левой и, повернув к свету, внимательно осмотрел.

— Хорошо, что не надписали имя, — сказал он. — Пришлось бы менять конверт. И умно сделали, что не заклеили, мы бы все равно распечатали. Письма, содержание которых нам неизвестно, наша почта адресатам не передает.

И он снова тихо засмеялся.

— Видать, вы находчивый парень. Недаром, Тауринь, вами так интересуется руководство.

— Вы думаете, из меня выйдет что-нибудь дельное? — весело сказал Айвар в тон Пиколу.

— Почему не выйти, если есть доброе желание и способности... — отозвался Пикол. — Мы, со своей стороны, поможем освоить все необходимое.

Так же, не вынимая из кармана правой руки, он левой спрятал письмо в нагрудный карман френча, потом замер и на минуту весь превратился в слух, — его что-то встревожило. Айвару тоже показалось, что за их спиной в лесу раздался звук шагов. Сейчас все было тихо, только лягушки на болоте продолжали свой концерт, да изредка слышались одинокие голоса ночных птиц.

Пикол повернулся к Айвару. Его лицо стало серьезным, взгляд впивался в глаза Айвара.

— Ну, вы обо всем подумали, Тауринь? Нам нужна ясность. Согласны вы начать работу и получить первое задание?

— Я готов, Пикол... — ответил Айвар, спокойно выдержав его пристальный взгляд. — Но надеюсь, что невозможного вы не потребуете.

— Нет, пока ничего трудного не предстоит, — ответил Пикол. — Поймите, что мы хотим вас как можно дольше сохранить для работы в легальных условиях. На вас не должна пасть ни малейшая тень подозрения, тем

более что местные коммунисты не вполне вам доверяют, вспомните хотя бы выступление Бокмелдера.

«Ни черта ты не знаешь! — подумал про себя Айвар. — Здешние коммунисты мне доверяют, даже Бокмелдер. Ясно, что тебе неизвестно, как окончилось сегодняшнее собрание. Значит, свою информацию ты получил не от участника собрания, а как-то иначе».

Будто камень свалился с сердца Айвара: пурвайские активисты здесь ни при чем!

— Во-первых, вы должны передать мне копии ваших отчетов, — продолжал Пикол. — Будете регулярно информировать обо всех ваших наблюдениях и обо всем слышанном. Регистрируйте каждый отрицательный факт, о котором вам станет известно. Попытайтесь выяснить, кто из местных жителей слушает радиопередачи «Би-би-си» и «Голос Америки» и как они реагируют на это, кое-кто из них может нам пригодиться. Составьте список семей, члены которых подвергались каким-либо репрессиям со стороны советской власти: национализации, обложению кулацким налогом, суду. Это наш резерв, и мы не можем не пользоваться им. Выясните, по каким числам и в какой сумме привозят в МТС заработную плату: нам эти деньги очень пригодятся, мы не можем ждать, чтобы все средства доставлялись из-за границы. Развейте, как охраняется машинный парк МТС и ее механическая мастерская, местный молочный завод, магазин потребительской кооперации, склад зерна, одним словом — все общественное и государственное имущество. Мы хотим знать, как организована противопожарная охрана, расписание дежурств взвода истребителей и как он вооружен. Пока все. Действуйте осторожно, незаметно и не торопитесь. Никто не должен заметить, что вы — человек любопытный. А теперь расстанемся. Некоторое время вы мне не понадобятся, однако будьте готовы, что я вас опять где-нибудь встречу, и держите при себе все собранные материалы (пока вы это можете делать без риска). Позже придется действовать иначе, но когда и как, об этом расскажу в другой раз. До свидания, Тауринь.

— До свидания, Пикол.

Пикол немедленно скрылся в лесу. Айвар отправился домой, обдумывая, как известить отделение государственной безопасности о встрече с врагом и полученных заданиях.

Немного погодя, когда впереди показались строения Сурумов, Айвара нагнал Жан Пацеплис. После собрания он провожал к Народному дому библиотекаршу Гайду Римшу, которая выполняла также обязанности комсорга, и немного задержался. Мысли Жана вертелись вокруг Гайды: в последнее время он довольно часто думал о ней, она нравилась ему больше всех девушек.

Тихо поздоровавшись с Айваром, Жан свернул к усадьбе Сурумы. Айвар не прочь был побеседовать с братом Анны, но побоялся показаться назойливым, поэтому не стал задерживать Жана и не слеза продолжал путь к Ургам. В загоне заржала лошадь. Пролетела летучая мышь, почти коснувшись лица Айвара. Ночной ветерок принес с болота запах гнили.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В середине июля исполнился год, как Анна Пацеплис начала работать парторгом Пурвайской волости. Время пролетело незаметно, как один непрерывный день; со сменой времен года* менялись задачи, но никогда не случилось такого положения, чтобы не надо было делать чего-то важного и неотложного; вечно ненасытная жизнь диктовала свои требования, нуждалась в вечно новом содержании, которое мог дать только человек своей работой и неустанным стремлением двигаться навстречу завтрашнему дню. Пурвайская волость со своими несколькими тысячами жителей представляла собой маленький самостоятельный мирок, в жизни которого повторялось почти все то, что в больших масштабах происходило в огромном Советском государстве: отмирало и гибло старое, рождалось новое, и вместе с народом рос и видоизменялся каждый отдельный человек.

Когда Анна оглядывалась на пройденный путь, ее поражала грандиозность и разнообразие проделанного и начатого. Теперь от общей массы населения отделилась горсточка врагов, которые еще жили воспоминаниями о своих вчерашних несправедливых привилегиях, мечтали о возвращении былого благополучия и, кто как умел, старались активно и пассивно мешать победному шествию новой жизни. Но большинство уже осознало, что советская власть — их родная власть, и никакие напештывания, никакие слухи и запугивания не могли смутить это большинство, свободное от сомнений, оно смело и вдохновенно прокладывало дорогу к будущему сквозь обломки старого. Много еще было этого лома, похожего на ржавый металл, оставшийся на полях великих сражений.

Ничто не рождалось само собою, все создавалось упорным трудом. Кому-то надо было разбудить дремлющие в недрах народа силы. Эту роль взяла на себя великая партия. Мощным колоколом звенел ее призывный голос в утро новой жизни, подымались миллионы и, воспрянув от векового сна, начинали жить.

Волей партии на Анну была возложена почетная обязанность быть глашатаем борьбы, строителем новой жизни в своей родной волости. Робко, неумело делала она первые шаги, но и тогда ни разу не почувствовала себя одинокой. Сейчас рядом с Анной стоял сильный, хорошо спаянный актив, с которым можно было своротить горы. С улыбкой вспоминала она сегодня первые попытки привлечь к общественной работе лучших людей волости. Исподволь, чтоб не отпугнуть слишком настороженных, подходила она к этим людям; с каким сомнением некоторые из них воспринимали ее приглашение, отделиваясь неопределенными обещаниями; а она настойчиво пыталась разгадать стремления каждого человека, учесть его желания, интересы. И, наконец, ей удавалось заинтересовать его.

Затем Анна созвала несколько собраний. На первом собрании встретила с волостной интеллигенцией: учителями, агрономами, врачами, служащими учреждений и с руководящим составом МТС. Ознакомившись с их запросами, бытовыми и производственными нуждами, их пред-

ложениями, она рассказала о роли интеллигенции и ее задачах в строительстве новой, советской жизни и скоро нашла общий язык с большинством этих людей. После этого собрания большая часть их включилась в общественную жизнь, начала работать в постоянных комиссиях волысполкома, проводила различные культурные начинания. Это была первая победа Анны.

Через неделю Анна созвала молодежь. На этом собрании пришлось говорить иначе — у молодежи были свои интересы. Здесь недостаточно было просто объявить танцульки несостоящей затеей. Нет, этим парням и девушкам надо было показать новое, полноценное содержание быта и заинтересовать им. Энергию молодежи, их жизнерадостность нельзя было втиснуть в рамки какого-нибудь сектантского регламента. Некоторые неудачливые комсомольские работники не добились таким путем ничего, только отпугнули молодежь. Хотя молодежь, как известно, скорее отзывается на новые начинания, чем пожилые люди, но период немецкой оккупации оставил довольно глубокие следы в сознании молодого поколения пурвайчан, и этого нельзя было изжить простым приказом сверху. Анна и не надеялась, что сразу после собрания вся молодежь переродится, вступит в комсомол и станет активно участвовать в общественной жизни. И когда в волости вскоре после собрания организовался драматический кружок, новый хор, хореографический коллектив и физкультурная группа, Анна была вполне довольна. Хореографическим кружком ведала библиотекарь Народного дома, дочь старшего агронома МТС — Гайда Римша, впоследствии ее избрали комсоргом волости. Руководить хором взялся директор неполной средней школы Жагар — старый, опытный хормейстер, а драматическим кружком — участковый врач Зултер. Агроном Римша помог организовать кружок мичуринцев и маленькую лабораторию, где молодежь волости, да и некоторые пожилые крестьяне пополняли свои агрономические знания. За год пурвайская комсомольская организация утробилась.

Третье собрание, созванное Анной, было женское. Собралась самая разнородная и в то же время самая благодарная аудитория. Пурвайские женщины жили, как и в любом провинциальном углу Латвии, серой, заполненной мелочами жизнью. Их интересы не выходили за пределы семьи. Запуганные, робкие, они с недоверием слушали смелые призывы Анны; возможно, многие в душе и соглашались с ней, но не осмеливались откликнуться: а что скажут муж, соседи, пастор? Ни одна не хотела стать первой и сделать решительный шаг. Анне надо было найти среди этой массы женщин более смелых, предприимчивых, энергичных, которые пользовались уважением соседей. И об этом она позаботилась еще до собрания. Помогла ей жена директора школы Жагара, очень уважаемая жителями волости. Когда она сразу после Анны взяла слово и начала говорить о том, какую огромную роль играет женщина во всех отраслях жизни Советского государства и каким образом домохозяйки-пурвайчанки могут принять участие в различных начинаниях своей волости, аудитория зашевелилась: посыпались вопросы, и начался оживленный разговор. В результате около двадцати пурвайских женщин начали работать в постоянных комиссиях, две стали уполномо-

ченными десятидворок. Стало заметным влияние женщин во всех хозяйственных и политических кампаниях, они стали помогать волысполкому.

Нельзя сказать, что и мужчины остались сторонними наблюдателями. Некоторые пронизировали, некоторые сердито ворчали на такое «баловство» своих жен, но большинство довольно скоро примирилось. Только новохозяйин Липстынь проявил характер и категорически запретил жене участвовать в общественной жизни.

— Сиди дома и нянчи детей, если другой работы нет, а на всякие там комиссии бегать нечего! — приказал он ей. — Тоже нашлась ораторша! Уж мы, мужчины, как-нибудь обойдемся без вашей помощи в государственных делах. До сих пор обходились и впредь не пропадем.

Узнав об этом, Анна однажды вечером пришла к Липстыню.

— В каком государстве вы живете, товарищ Липстынь? — спросила она.

— Как в каком? — удивился Липстынь, еще довольно молодой мужчина. — В Советском Союзе, — где же еще?

— Ходят слухи, что вы хотите ввести в нашей волости новую конституцию, — продолжала Анна. — Советская конституция вам не подходит.

— Где вы таких глупостей набрались? Конституция есть конституция, и я по ней живу так же, как вы и все прочие.

— А в своей семье стараетесь поддерживать такой порядок, как у турок или англичан. Жена да убьется мужа, так, что ли?

— Прошу не совать нос в мои семейные дела! — сердито крикнул Липстынь. — И не смешивайте семейные дела с государственными. Никто таких прав вам не дал.

— А кто вам разрешил не признавать равноправия? В Советском государстве мужчины и женщины пользуются равными правами. Жена является вашим полноправным товарищем, а не рабыней. Как вам не стыдно запрещать ей вести общественную работу?

— Еще раз повторяю вам: не вмешивайтесь в мои семейные дела. Это мое личное дело. Я беспартийный, поэтому особенно-то мною не командуйте.

— Ну, а если ваша жена через некоторое время вступит в партию? Может, и это вы ей запретите?

— Это мы еще посмотрим, — проворчал Липстынь. — У вас совета не спрошу. Достаточно пожили и сами знаем, что нам на пользу.

— Тогда не забудьте: вашего согласия в этом деле тоже никто не спросит.

Анна стыдила и убеждала его до тех пор, пока Липстыня не бросило в жар. Покрасневший и сердитый, слушал он Анну. Время от времени жена тоже подбавляла какую-нибудь колкость. Наконец у него вырвалось откровенное признание:

— На что будет похоже: жена начнет работать в разных там комиссиях да в партии, а муж — нигде. Все будут знать жену, величать ее, а муж будет каким-то придатком. Прозовут мужем Липстиниене, никак не иначе. Разве это порядок?

— Ах, вот в чем дело! — засмеялась Анна. — Голубчик, кто ж вам мешает работать в комиссиях? Милости

просим, начинайте хоть завтра. Общественные работники всегда нужны. Вот увидите, придет время, когда каждый человек будет общественным деятелем. Ведь это приветствовать надо, что вы не хотите отставать от жены.

Инцидент ликвидировался быстро и успешно. Волостной актив приобрел еще одного нового члена, и он оказался отнюдь не малоценным.

2

Проработав весь день на ремонте прицепного инвентаря, Жан Пацеплис пришел под вечер домой, умылся и переоделся в лучший костюм. Сегодня он должен идти в Народный дом на репетицию хореографического кружка, а заодно и обменять в библиотеке книги. Там ему придется встретиться с Гайдой Римша. Вообще выходило так, что Жану всюду приходилось встречаться с этой девушкой. Кружок, библиотека, комсомол, даже МТС, где ее отец был старшим агрономом и где она жила, — повсюду их пути встречались так неожиданно и просто, что даже самые завязанные любители сплетен не могли усмотреть в этом ничего подозрительного.

С весны Жан работал в МТС прицепщиком у самого лучшего тракториста Васильева, который учил его, как обращаться с трактором и прицепным инвентарем. Жан обзавелся учебниками и уже давно усвоил технический минимум. К осенней пахоте ему обещали доверить трактор. Как большого праздника, ждал Жан того дня, когда сможет впервые сесть за руль трактора «СТЗ-НАТИ» и самостоятельно прогнать первые глубокие борозды на старом клеверище или на затвердевшей залежи. На этом он не хотел успокаиваться: если не случится ничего непредвиденного, будущей зимой он обязательно пойдет на курсы. Молотилка, комбайн, сложные мелиоративные агрегаты и механизмы, которые должны были вступить в работу следующей весной, глубоко интересовали парня, все ему надо было освоить, чтобы стать настоящим работником МТС.

— Куда это опять наш инженер собирается? — пронычески спросил старый Пацеплис, наблюдая за сборами сына. — Какая юбка поджидает тебя?

— Много и разные, — ответил Жан, причесываясь перед потускневшим зеркалом на комоде. — Не меньше десяти.

— Так, так, так... — покачал головой Пацеплис. — Только и носится, только и бегаёт. А на лугу трава переспевает. Ни ангелы, ни гномы помогать не придут.

— Зачем ждать ангелов и гномов? — возразил Жан. — Давно бы скосяли по утрам, если б ты помогал.

Жан косил каждое утро, до ухода в МТС, предоставляя отцу и мачехе сушку и уборку. Раз в неделю он работал и по вечерам, но отцу этого казалось мало — не для того он сына растил, если теперь самому гнуть спину на тяжелых полевых работах. В свои пятьдесят шесть лет хозяин Сурумов был еще полон сил, по виду ему нельзя было дать и пятидесяти — вероятно, потому, что никогда не надрывался на тяжелой работе. Отвезти бидон молока на молочный завод, немного покопаться для виду на дворе, что-нибудь починить, потормозить остальных членов

семьи и поболтать несколько часов за стаканом пива с пурвайскими хозяевами о мировой политике — разве этого не достаточно для такого почтенного человека? Только прошлой зимой (все из-за этой Анны) пришлось несколько месяцев поработать в лесу и на вывозке бревен. Но пусть Анна не думает, что так будет продолжаться вечно. Пацеплис уже говорил с фельдшером и получил хороший совет. Надо взять от участкового врача Зултера свидетельство о болезни, тогда никто не заставит его работать. Правда, Зултер слыл человеком самостоятельным и свидетельствами о болезни не разбрасывался, но если свезти ему калочку масла или кусок окорока, он станет сговорчивее и найдет у Пацеплиса какую-нибудь болезнь, — не может быть, чтобы опытный врач не нашел какую-нибудь болезнь у любого человека. Иначе для чего же тогда у него диплом?

Когда Жан сел за стол и стал торопливо есть ужин, Пацеплис с Лавизой начали издеваться над новым трактористом.

— Ты, наверно, метишь в директора МТС... — сказал Пацеплис.

— Почему же нет? — ответил Жан. — Если буду хорошо работать и учиться, может быть и стану когда-нибудь директором. А это, пожалуй, немного больше, чем быть хозяином в Сурумах.

— Всю жизнь батрачить на чужих, — заговорила Лавиза. — Сам ни над чем не хозяин. Как придет старость, с клюкой пойдешь по миру.

— Неужели никакой колхоз не примет своим членом, — пошутил Жан. — Там такие люди, которые умеют работать на машинах, будут нужны.

— Болтаешь, как полоумный! — воскликнула Лавиза. — До тех пор будешь каркать об этих колхозах, пока не накаркаешь.

— Слыхать, и у нас скоро возьмется за это, — продолжал как ни в чем не бывало Жан. — Только, чур, не прозевайте со вступлением.

Пацеплис, выпучив глаза, смотрел на Жана.

— Ты много не мели. Пусть идет в колхоз, кто ум потерял. А я проживу и без него. Да чего тут много говорить: с колхозами у них в Латвии ничего не выйдет. Здесь не Россия. Здесь деревень нет. Латыш привык хозяйничать в одиночку.

— Кто тебе это сказал? — спросил Жан. — Может... в библии вычитал.

— Библию ты оставь в покое, греховодник! — заверещала Лавиза. — Сам живет как язычник, даже не крещен... не причащался.

— С библией ты полегче, — проворчал Пацеплис. — Я верю в бога, а ты можешь беситься, как хочешь, — все равно со мной ничего не сделаешь.

Набожным Пацеплис стал совсем недавно. Всю жизнь он исполнял свои обязанности прихожанина чисто формально: раз в год платил приходской налог, с пастором венчался, крестил детей, с пастором похоронил своих покойных жен, но в церковь ходил раз в десять лет. Наплыв религиозных чувств начался с прошлой зимы и с одной целью: досадить Анне и Жану, а заодно и всем волостным коммунистам и комсомольцам. Зная, что Анне и Жану это

не нравится, Пацеплис разыскал в оставшемся от матери хламе старую библию в деревянном переплете и церковный молитвенник. Обе книги теперь постоянно лежали на столе в комнате хозяина — молитвенник открывали, когда на чету Пацеплисов находило настроение петь, библия же все время была раскрыта на том месте, где начинался апокалипсис — книга откровения Иоанна Богослова. Если в Сурумы заворачивала Анна или кто-нибудь из работников волисполкома, Антон Пацеплис тотчас садился к столу, для пущей важности надевал на нос очки и погружался в глубокое изучение библии. Когда посетитель уходил, вслед ему звучала мелодия какого-нибудь церковного псалма.

И в этот вечер тоже, разозленный шутками Жана, Пацеплис достал молитвенник и, подсев к окну, затаил медленно и торжественно:

Господь-защитник, покровитель,
Услыши наш молящий глас!

Жан нервно заерзал и нагнулся над столом, делая вид, что пение его не задевает. Тогда к сочному баритону Пацеплиса присоединился плаксивый альт Лавизы:

К тебе зываем, искупитель,
Помилуй, боже, грешных нас!

— Хватит чудить! — не выдержал, наконец, Жан. — Меня все равно не обратите!

Но супружеская пара только сейчас по-настоящему вспыхнула ханжеским пламенем: голос Пацеплиса загудел, как орган, торжественно и угрожающе. Лавиза визжала, вытаращив глаза на Жана, и каждое слово было нацелено прямо в него, как стрелы самого святого духа.

— Экая нужда возиться тут с вами! — рассмеялся Жан и встал из-за стола. — Цирк устроили. Жаль только, что никто не хочет слушать вашего концерта.

Он надел пиджак и поспешил выйти из дому, но еще во дворе до него доносились голоса отца и Лавизы.

Через час Жан уже был среди других людей. Обменяв в библиотеке книги, он вместе с Гайдой пошел в Народный дом, на занятия хореографического кружка. Один из комсомольцев играл на рояле плясовые мелодии, а шесть парней и девушек под руководством Гайды разучивали «Болесико», «Мельницу» и «Ачку». Предполагалось еще разучить несколько русских, украинских и молдавских танцев. Коллектив Пурвайской волости собирался осенью принять участие в смотре художественной самодеятельности: лучшие коллективы могли рассчитывать на участие в объединенном концерте самодеятельности в уезде, а самые отличные должны были выступить перед рижанами, поэтому рвение было большое.

Первой парой во всех танцах выступали Гайда и Жан. Как ему было не стараться! Сильный и стремительный, на полголовы выше Гайды, которая тоже была не из малолетних, он почти не чувствовал веса девушки, когда поднимал ее на воздух при исполнении какой-нибудь фигуры.

Во время танца им часто приходилось переглядываться и улыбаться друг другу. Хотя это была только игра, обязательный элемент в их роли, Жану каждый взгляд Гайды казался полным скрытого, ему одному понятного смысла.

Серьезно исполнял он все, что предусматривалось фигурами танца, когда пляска кончалась, становился тем же

робким, молчаливым парнем, каким его обычно видели в обществе Гайды.

— Айзупчане уже сшили себе национальные костюмы, — сказала Гайда во время перерыва. — У нас только у половины кружковцев есть костюмы, но если мы хотим участвовать в смотре, то без одинаковых костюмов не обойтись.

Это был довольно сложный вопрос. Материал как-нибудь нашли бы, но его надо было купить, а участники кружка большими деньгами не располагали.

— Несколько костюмов можно приобрести на средства Народного дома, — сказала Гайда. — Придется серьезно подумать, как приодеть остальных. Собирать пожертвования неудобно, а занять не у кого.

— Себе костюм я сделаю, — сказал Жан. — Помогите только найти портного, который знает в этом толк. А чтобы сшить костюмы остальным, я предлагаю устроить платный концерт в Народном доме, когда разучим всю программу. После концерта — танцы. Думаю, в публике не будет недостатка.

— Можно попробовать, — согласилась Гайда. — Коллектив пурвайчан во что бы то ни стало должен попасть на уездный отборочный концерт. За две недели мы должны окончательно подготовиться. Итак, за работу, товарищи.

И снова зазвучал рояль, и пол загудел под ногами танцоров. Они репетировали еще почти час. Некоторые устали больше, чем от работы на лугу или в поле, но, когда расходились домой, снова звонко и беззаботно звучали в вечерних сумерках их молодые голоса.

Гайда пошла к родителям в МТС, и у Жана была путаница. Разговор, как обычно, пришлось поддерживать Гайде, потому что Жан редко осмеливался задавать вопросы.

— Отец рассказывал, что ты скоро получишь трактор, — сказала девушка, когда они вошли в лес. — В какой бригаде будешь работать?

— Наверно, у Васильева, — ответил Жан. — Его собираются назначить бригадиром вместо Себра, а того посылают учиться на курсы директоров МТС.

— А ты учиться не думаешь?

— Конечно, думаю. Но на курсы директоров мне еще рано. Надо несколько лет поработать на тракторе и у молотилки.

— Правильно. Но подумать об этом надо. Ты еще всему можешь научиться.

— Я буду учиться, Гайда... — от волнения у Жана осекся голос. Как могло случиться, что Гайда знала его сокровенные мысли? Будто думала о его жизни и будущем... «Неужели она вспоминает когда-нибудь обо мне? Кто я такой? Простой крестьянский парень. А она — дочь интеллигента, закончила среднюю школу. Отец агроном. Мне очень много надо учиться и расти, чтобы догнать ее и говорить с ней, как с равной. Сбудется ли это?»

Жан Пацеплис несмело взглянул на девушку; ей он ничего не скажет. Долго-долго, может быть несколько лет, будет молчать, бороться и расти, но когда-нибудь заговорит, и тогда... И тогда двое станут счастливыми или на свете будет одним несчастным больше.

Спустя несколько дней после собрания в волисполкоме Айвар с Мурником и Финогеновым уехали в Айзупскую волость и встретились там с местным парторгом и председателем волисполкома. Предложение об участии крестьян этой волости в работах по осушке Змеинного болота и о социалистическом соревновании между обеими волостями встретило горячий отклик. Айвар познакомил руководителей волости со своим проектом и пообещал в следующее воскресенье приехать снова, чтобы участвовать в собрании и помочь парторгу и председателю волисполкома разъяснить населению предстоящую задачу.

В МТС они вернулись поздно вечером. Айвара ждал начальник уездного отделения Министерства государственной безопасности капитан Цимдынь. Переодетый в штатское, в сером дождевике и кепи он походил на обычного служащего. Персоналу МТС Цимдынь представился как сотрудник Государственного контроля, приехавший на несколько дней, чтобы проверить работу исследовательской бригады.

Айвар повел Цимдыня в свою комнату. Цимдынь уже знал, что Айвар позавчера ночью встретился с Николом. Выслушав сообщение Айвара о разговоре с бандитом, он сказал:

— Теперь больше одного раза вам встречаться с ним не придется. Никола можно было бы арестовать в ту же ночь, когда вы с ним расстались у болота, но мы не сделали этого потому, что надо было напасть на след его банды. Банда новая, недавно организованная и не успела пока ничего натворить. Нам надо условиться о дальнейших действиях.

Цимдынь дал Айвару несколько дельных советов, и они договорились о тактических приемах. При следующей встрече с Николом Айвару разрешалось (если позволят обстоятельства) задержать бандита.

— В случае необходимости мои люди помогут вам, — сказал Цимдынь.

«Представитель Государственного контроля» обосновался в МТС и погрузился в материалы исследовательской бригады. Устных пояснений от членов бригады он пока не требовал, только изредка на несколько минут приглашал к себе Айвара.

На четвертый день Цимдынь сообщил Айвару, что он должен быть готов в любое время к встрече с Николом:

— Никол снова ищет вас. Помогите ему встретиться, только сделаем это при дневном свете. С наступлением темноты не выходите из дому.

Следуя советам Цимдыня, Айвар стал теперь ходить только по одной заранее избранной дороге и всегда с полным карманом бумаг. Чтобы Николу легче было подойти к нему, Айвар только два раза в день встречался со своими товарищами, а все остальное время работал на болоте особняком. Было известно, что Никол никогда не ходил один, на некотором расстоянии за ним следовали двое бандитов. Можно было предположить, что Никол сперва хорошо изучит маршрут Айвара и постарается встретить его в наиболее выгодном месте и в удобное время. На совершенно открытом месте он навряд ли подошел бы к нему, а Айвар

избегал слишком густых кустарников. В распоряжении Николы оставались две небольшие площадки среди редкого кустарника, мимо которых Айвар проходил два раза в день. На одной из них как-то под вечер Айвар и встретился с бандитом.

Так же, как тогда ночью в лесу, Никол внезапно вынырнул на тропинку и преградил Айвару дорогу.

— Добрый вечер, Тауринь... — приветствовал он Айвара, протянув ему руку, но тут же сунул ее в карман.

«Держись, держись за револьвер, — думал Айвар. — Все равно тебе придется вынуть его...»

Все было рассчитано до последней мелочи. Нужны были абсолютное хладнокровие и быстрота действий.

— Я не надеялся, что нам так скоро повезет встретиться, — сказал Айвар.

— Обстоятельства заставили поторопиться, — ответил Никол тоном начальника. — По решению руководства мне скоро придется уехать. Я не знаю, надолго ли, но ясно одно, что несколько месяцев не смогу с вами встречаться.

— Жаль... — сказал Айвар. — Сейчас как раз подвернулся случай достать очень интересные и ценные материалы. Потом они могут уплыть.

— Почему уплывут? — Никол пожал плечами. — Ничто не должно остаться неиспользованным. Именно поэтому я поспешил с вами встретиться.

— Сегодня при мне только копии отчетов и еще некоторые материалы, которые удалось собрать за это время, — пояснил Айвар. — Но это не самое ценное, через несколько дней я буду точно знать, когда повезут заработную плату персоналу МТС и по какой дороге. Будет изрядная добыча.

— Очень хорошо, Тауринь. Это мимо нас не пройдет. Вы все это сообщите другому человеку. Начиная с этого дня, вы переходите в подчинение моего заместителя. Завтра после работы не ходите домой, а направьтесь по дороге в сторону волисполкома. На полпути — примерно там, где мы встретились в прошлый раз, — вы встретите человека. Условный знак — альпакковый портсигар с головой оленя на крышке. Он будет держать его в руке и спросит: «Нет ли у вас спичек, товарищ? Нечем закурить, а курить очень хочется». Вы ответите: «Только-то беды? Пожалуйста, берите хоть всю коробку». После этого можете начать разговор и действовать в зависимости от обстоятельств. Ясно?

— Все ясно, Никол.

— Повторите, что я вам сказал.

Айвар повторил пароль.

— Хорошо, только не забудьте ни одного слова, — наказал Никол.

Мысль Айвара работала молниеносно. «Не врет ли Никол, говоря о скором отъезде? Может, он почуял что-нибудь, в нем проснулось недоверие, и он сочинил историю о своем заместителе и портсигаре с головой оленя на крышке? Но если это не выдумка, то разве разумно в таком случае задержать Николу сегодня? Его возьмут, а заместитель останется на свободе — он ведь узнает, что Никол попался, и не пойдет на свидание. Что посоветовал бы в этом случае Цимдынь?» Непредвиденное обстоятель-

ство смутило Айвара и грозило расстроить хорошо продуманный и согласованный план.

Но вдруг Айвар вспомнил, что ведь Пикол все равно задержат сегодня вечером люди Цимдыня — ведь они ничего не знают о новом, непредвиденном обстоятельстве, а сообщить им нет никакой возможности.

«Нечего мудрить...» — и он решил действовать. Его план был построен на простом психологическом расчете: надо добиться, чтобы Пикол, эта сверхосторожная бестия, на несколько секунд выпустил из рук револьвер. Если дать ему возможность уйти с оружием в руках, он успеет выстрелить, когда его потом попытаются задержать люди Цимдыня, — может случиться, что он убьет или ранит кого-нибудь. Чтобы не подвергать риску товарищей и захватить бандита живым, Айвар должен был справиться с ним сам.

— Пикол... — заговорил он. — А материалы, что я принес, возьмете вы или их передать вашему заместителю?

— А, материалы! — отозвался Пикол. — Давайте сюда. Что у меня в руках — то мое.

Айвар достал из карманов несколько толстых, набитых до отказа конвертов и свертков, сложил их в одну пачку и подал Пиколу. Бумаг было столько, что нельзя было взять их одной рукой и рассовать по карманам. У Пикола загорелись глаза при виде этого богатства.

— Вы герой, а не парень, — тихо засмеялся он. — Видать, что старались не за страх, а за совесть.

Вынув из кармана обе руки, он протянул их к Айвару и трясущимися пальцами, как скупец, принимающий деньги, схватил кучу бумаг, имевших лишь макулатурную ценность. Прижав к груди левой рукой конверты и свертки, он торопливо расстегнул френч и стал запихивать один из свертков во внутренний карман.

Именно этого момента и ждал Айвар. Когда правая рука Пикола на несколько секунд застряла во внутреннем кармане френча, Айвар бросился на него, сильным ударом кулака в подбородок оглушил и сбил бандита с ног. В следующее мгновение он уперся коленями в грудь Пикола, еще раз ударил в подбородок, вытащил у него из кармана револьвер и отбросил в сторону. Затем заткнул бандиту рот тряпкой и связал ему руки. Пикол еще не успел притти в себя от нанесенных ему ударов, как был обезврежен.

Айвар поднял револьвер Пикола и сунул себе в карман.

— Ну, завоеватель мира, подавился? — тихо сказал он. — Хотел купить меня, сделать своим слугой... Не выгорело.

...Полчаса спустя люди Цимдыня схватили там же на болоте обоих телохранителей, следовавших за Пиколом и ожидавших в кустах своего шефа. В ту же ночь в Аурском бору окружили базу бандитов — две ловко замаскированные землянки — и уничтожили все осиное гнездо. Трех бандитов пристрелили во время боя, четырех взяли живьем. У одного из них нашли в кармане альпакавый портсигар с головой оленя на крышке.

Теперь Айвару не было смысла идти на свидание с заместителем Пикола. Цимдынь поблагодарил его за помощь

и в ту же ночь отвез задержанных бандитов в Ригу. На машинно-тракторной станции и в Пурвайской волости никто и понятия не имел, какую роль сыграл Айвар в успешно проведенной операции.

4

Был конец октября...

На полях еще гудели кое-где молотилки. Запоздавшие крестьяне вспахивали холодную намокшую землю. В воздухе слышалось курлыканье журавлей. У мельниц стояли длинные ряды подвод с привезенным для помола зерном; на дорогах по утрам раздавались звонкие, веселые голоса школьников.

Бригада Айвара Лидума давно закончила работу на болоте и перенесла свою деятельность на ближайшие окрестности и соседние крестьянские поля. В портфеле Айвара накапливался материал для большого проекта, который надо было кончить зимой в проектной мастерской. Мысль о том, что через несколько недель можно вернуться в Ригу, наполняла сердце Айвара различными чувствами: и в городе пожить хотелось, и в то же время пугала разлука, — ведь Анна останется здесь, и, может быть, они не увидятся до самой весны.

В их отношениях пока ничего не изменилось. Несколько раз в неделю они встречались не надолго, но их всегда окружали посторонние люди. Если в Народном доме устраивали спектакль или концерт, Айвар не пропускал их в надежде побыть возле Анны. Долгие дождливые вечера он проводил в своей комнате, готовясь к очередным экзаменам заочной Сельскохозяйственной академии. Дни проходили в напряженной, содержательной работе, но Айвару все казалось, что в его жизни чего-то не хватает, что он находится накануне каких-то больших событий. Двадцать восемь лет прожил он на свете, но ему казалось, что он только начинает жить, что все, происходившее до сих пор, только прелюдия к чему-то большому и прекрасному.

Как-то вечером, вернувшись с работы, Айвар получил в конторе МТС письмо. По штампу было видно, что письмо из уездного города, адрес был написан печатными буквами. Вскрыв конверт, он прочел:

«Айвар Тауринь.

Мы хотели тебе помочь, указать истинный путь, но ты отклонил нашу помощь. Большое преступление лежит на твоей совести: ты обманул нас и перешел в лагерь наших врагов. Мы это знаем, и тебе не удастся избежать ответственности. Если хочешь спасти свою жизнь, делай то, что мы тебе приказываем: не ради тебя даем тебе эту возможность, а ради твоего почтенного отца — Рейниса Тауриня. Работай для нашего дела! Делай то, что тебе приказал человек, с которым ты встречался и от которого получил письмо отца. Все сведения, которые тебе велели приготовить, доставь в недельный срок и передай человеку, который придет к тебе с паролем, оставленным Пиколом. Не пытайся тянуть и избегать встречи! Твоя судьба в твоих же руках. Если исполнишь то, что от тебя требуют, будешь прощен. В противном случае тебе грозит беспощадная месть. Мы знаем про тебя несколько компро-

метирующих фактов — они тебя совершенно уничтожат, но забудь об этом.

Хозяева болот».

«Опять... — подумал с тоской Айвар. — Не можете успокоиться, надеетесь сбить с толку. Когда же наступит конец этой подлой игре?»

Его мысли прервал Финогенов.

— Тебя к телефону... — крикнул он, постучав в дверь. — Кажется, парторг волости.

Айвар сунул письмо в карман и пошел в кабинет директора МТС, к телефону. Драва уже несколько дней находился в министерстве в Риге, и в его кабинете работал Финогенов.

— Слушаю... — сказал Айвар, взяв трубку.

Он услышал голос Анны.

— Добрый вечер, Айвар. Ты сейчас очень занят?

— Как обычно, Анна, — отозвался Айвар. — Ничего особо срочного и неотложного нет. А что ты хотела?

— Мне надо поговорить с тобой об одном... странном деле. Если можешь, приходи вечером в исполком. Я буду здесь довольно долго.

— Приеду... хоть сейчас.

— Хорошо, Айвар, буду ждать.

Предупредив Финогенова, Айвар поборился, переоделся и сел на мотоцикл.

Работники волисполкома уже разошлись, свет горел только в рабочей комнате Анны; Айвар заметил это сразу, хотя ставни были закрыты. Поставив мотоцикл во дворе, Айвар вошел в дом и, постучав в дверь маленькой комнатки, вошел.

Анна поднялась навстречу и крепко пожала ему руку.

— Я испортила тебе вечер, — заговорила она. — Прости, друг, но мне очень хотелось спросить у тебя совета. Садись...

Айвар сел. Анна вынула из ящика письменного стола конверт и положила перед Айваром.

— Прочти, Айвар, а потом поговорим.

Айвар прочел письмо:

«Слушай, проклятая!

Хватит! Чаша нашего терпения переполнена!

Мы тебя давно предупреждали, но ты не послушалась голоса народа и продолжала бесноваться. Не думай, что ты недосыгаема, — грозная рука правосудия найдет тебя в любом месте, и тебе придется за все ответить. За последнее время к твоим преступлениям прибавилось еще одно: ты снова начала распределять задания по лесозаготовкам и снова на одну часть старохозяев наваливаешь большее бремя, чем на голытьбу, от которой никому нет пользы. Опомнись, раскрой глаза, подлая! Поступай так, как велит тебе народ: немедленно убирайся отсюда! Даем тебе пять дней сроку, и чтоб духу твоего здесь не было. Если не выполнишь нашего приказа, пеняй на себя — ты будешь наказана. Красный петух пройдет по крышам, а тебя ждет пуля или петля.

Хозяева болот».

— Что ты на это скажешь? — спросила Анна, когда Айвар прочел анонимное письмо.

— Видно, Цимдиню еще не удалось обезвредить всех негодяев, — сказал Айвар. Он вынул из кармана свое письмо и подал Анне. — Прочти. Почерк тот же, подпись тоже одинакова.

Анна прочла письмо, потом, заметно смутившись, посмотрела на Айвара.

— Что за Пикол, Айвар? Ты... встречался с ними?

— Они разыскивали меня и хотели завербовать. Пришлось встретиться несколько раз. Но не беспокойся: все делалось с ведома Цимдины. Удалось ликвидировать целую банду — помнишь, летом, когда сюда приезжал Цимдинь?

Анна задумалась. Лицо ее стало озабоченным.

— Ты, Айвар, играешь в опасную игру... — заговорила она так тихо, будто опасалась, что кто-нибудь посторонний услышит ее. — Этого они тебе не простят.

— Что значит — простят или не простят! — воскликнул Айвар с горячностью. — Важно то, что я им не прощу. Они хотели сделать меня своим слепым орудием. Меня оскорбляет одно то, что они вообще посмели рассчитывать на меня. Это личное оскорбление, и как я на него отвечу — тоже мое личное дело. Ответ же может быть только один — борьба!

— Правильно, Айвар, бороться надо, но ты ошибаешься, если думаешь, что это только твое личное дело. Не обижайся, но я должна сказать, что ты часто руководишься личными мотивами и подчеркиваешь это. А в нашей жизни нередко случается так, что ради общественных интересов приходится забывать личные. Как член общества, ты не имеешь права поступать во всех случаях так, как тебе самому заблагорассудится.

Айвар обиженно сжал губы.

— Выходит, мне надо уйти с линии огня и ждать, когда общество разрешит мне вступить в борьбу с врагом, — сказал он.

— Речь идет не о пассивности, а о разумной осторожности, — возразила Анна. — Не забудь, что ты принадлежишь не только себе.

— А как ты думаешь ответить на это письмо? — спросил Айвар.

— О чем тут думать, Айвар? Ты сам сказал, что есть только один ответ — борьба. И я встану на этот путь. Мы постараемся, чтобы в Пурвайской волости до весны организовался колхоз, чтобы волость за несколько лет была сплошь коллективизирована, одной из первых в Латвии. Но оставлять угрозы наших врагов совсем без внимания нельзя. Я не боюсь выстрела из-за угла. Боюсь другого, Айвар... Представь, Айвар, что ночью начнется пожар и сгорит молочный завод или МТС. Он принесет не только материальные убытки, но будет и политическим ударом. Надо усилить бдительность, обеспечить такой порядок, чтобы враг не смел приблизиться к государственному и общественному имуществу на расстояние пушечного выстрела. Завтра я поговорю с командиром взвода истребителей, с начальником добровольного пожарного общества и уполномоченным милиции, с Регутом. Общими требованиями я ничего не добьюсь, мне нужно конкретно знать, что потребовать от каждого и что поручить ему. Помогите мне, Айвар, я знаю, ты это можешь...

Тревога Анны была своевременна. Так как до сих пор ничего дурного не случалось, то к охране общественного имущества люди, которым это было поручено, стали относиться спустя рукава, считая эти обязанности лишними и обременительными. В системе охраны не все было продумано до конца, и оставались щели, через которые мог свободно проникнуть враг.

Долго в тот вечер совещались Айвар и Анна. Айвар дал много полезных советов, а в самом конце сказал:

— Не знаю, хорошо ли ты делаешь, что живешь в доме одна. Почему бы тебе не переселиться сюда же, в исполком? Разве не найдется лишней комнаты? Потом, совсем не обязательно всем знать, где ты ночуешь каждую ночь.

— Не преувеличивай, Айвар... — впервые за этот вечер усмехнулась Анна. — Это обычная угроза.

— Не говори так. Не надо впадать в панику, но и не надо слишком легко относиться к угрозам врага. Подумай о том, что я сказал.

— Хорошо, подумаю... — обещала Анна.

Айвар отвез ее на мотоцикле домой, подождал под окном, пока она вошла в дом и зажгла свет. Он ехал и думал о том, что окно Анны без ставней — любой мерзавец может забраться в комнату ночью.

«Если она не переедет в исполком, я уговорю ее сделать ставни. Лучше даже не спрашивать ее согласия, а договориться со столяром, пусть сделает».

..На следующий день Анна поговорила с командиром взвода истребителей, с начальником добровольного пожарного общества, с Регутом и другими руководящими работниками.

Ночью неизвестные злоумышленники пытались поджечь машинный сарай МТС, но пожар во-время заметили и потушили.

Прошло полторы недели, и вот однажды Айвар услышал, что накануне вечером, когда Анна возвращалась из исполкома, у самого дома в нее выстрелили несколько раз из револьвера, и одна пуля ранила ее. Легкое или тяжелое было ранение, никто сказать не мог. Известно было только, что Анну в ту же ночь увезли в городскую больницу.

Айвар бросил все дела и помчался на мотоцикле в город.

— Почему ты не послушала меня, дружок, — шептал он, и сердце его сжималось от тяжелых предчувствий. — Ведь я предупреждал тебя, просил быть осторожнее.

Он был готов уничтожить на месте негодяя, осмелившегося поднять руку на Анну. Но кто этот негодяй, где искать его?

На полпути испортился мотоцикл. И когда Айвар добрался до города, было уже за полдень. Он поехал прямо в больницу.

5

Ранение не было тяжелым: пуля прошла через левое плечо, разорвав мышечную ткань, но кость не задела. Когда врач промыл рану и сделал перевязку, Анна заикнулась о возвращении домой:

— С таким пустяком не стоит лежать в больнице.

— Такой пустяк может оставить вас без руки, — ответил врач. — Недельки две придется провести у нас, ни одного лишнего дня мы вас в больнице не продержим.

Анну поместили в маленькой светлой комнатке с окном в сад. В комнате были две кровати. Больная, лежащая на второй кровати, утром выписалась, и Анна осталась одна.

Для человека, привыкшего к напряженной работе, тяжелее всего вынужденное бездействие. Уже через несколько часов Анна начала скучать и не знала, чем заняться. Ее беспокоили мысли о множестве начатых и незаконченных дел — кто их сейчас будет двигать вперед? «Через несколько дней должно состояться партийное собрание... в политкружке сегодня первый в году семинар... Еще не вся свекла свезена на приемный пункт... Только бы Регут не затянул с началом лесозаготовок — сейчас самое лучшее время для рубки...»

Она глядела в окно на оголенные липы и каштаны, только редкие пожелтевшие листья еще дрожали на ветру, как бы передавая печальный привет ушедшего лета. Небо потемнело, серые тучи пропосились над городком. В окно стучали дождевые капли.

Анне стало грустно; давно не думала она о своей жизни, теперь можно подумать. Двадцать четыре года прожито на свете, — трудные, нелегкие годы... Что она видела, пережила, перечувствовала? «У тебя много хороших друзей, ясные и благородные цели, за которые стоит бороться, не щадя себя, но нет личного счастья, почему ты его еще не нашла?»

Плечо ныло, а когда Анна шевельнула рукой, то до самого локтя почувствовала острые, болезненные уколы. От хлынувшего внезапно дождя с градом стало темнее, стекла дрожали, грозный шум заглушил все звуки. Осень... осень...

«Хватит... — сказала себе девушка. — Не подавайся грусти. Все правильно и хорошо, придет время, и снова засияет солнце, на деревьях распустятся листья. Твоя жизнь еще только началась, ты еще совсем не знаешь, что тебе придется испытать. Две недели в больнице — пустяк, а что если бы пуля нашла путь к твоему сердцу?»

В дверь постучали.

— Пожалуйста, — отозвалась Анна.

В комнату на цыпочках вошел Артур Лидум, в белом, не по его росту, коротком халате. Лицо его было озабочено. Легко и бережно пожал он руку Анны, осторожно сел на стул и долго смотрел на девушку, будто ища ответа на какой-то трудный вопрос, который не давал ему покоя.

— Вот до чего мы дожили... — начал он. — В больнице, рука на перевязи, бледные щеки... Что, очень больно, Анненья?

— Пустяки, Артур... — улыбнулась Анна, — такая уж дурная привычка у врачей — всегда преувеличивают. Придется полежать недели две.

— Тсс... — Артур приложил палец к губам. — Предоставим врачам право знать, что требуется больному.

— С таким же успехом я могла бы лежать и дома. Раз два в неделю приезжала бы на перевязку... И работа не страдала бы.

— Работа не пострадает. Ничего не остановится, пока ты будешь в больнице. Именно потому, что ты слишком много думаешь о работе, врачи поступили правильно, оставив тебя здесь. Тебе нужен покой, понимаешь — покой, а его пока еще не продают ни в одной аптеке. Я уже говорил с главным врачом. Все знаю и во всем согласен с врачами.

— Что мне делать... я прямо поседею от тоски.

— Я пришло тебе книги. Будем с мамой навещать тебя каждый день. А ты не нервничай — немного отдохнуть тебе совсем не мешает.

— Отдохнуть... — Анна улыбнулась. — Смотри что считать отдыхом...

— Если тебе не трудно, расскажи, как это произошло.

— Рассказывать-то почти нечего. Было темно, я ничего не видела. Шла домой. У самой двери услышала выстрелы. Вот и все. Даже сознания не потеряла. Когда почувствовала, что ранена, — все уже было тихо.

— Ты не разглядела... стрелявшего?

— Темно очень было. Конечно, кто-нибудь из лесу...

— Гм, да... Мы его все равно найдем. Цимдынь выехал туда еще ночью.

— Как поживает Илья?

— Она поехала по волостям — все еще возимся с сахарной свеклой, но скоро будем рапортовать о выполнении плана.

— Пурвайчане не отстают?

— Тсс... — Артур опять приложил палец к губам. — Забудь на время о таких вещах. Но чтоб успокоить твое сердце, скажу, что пока Пурвайская волость занимает второе место по уезду. Лежи спокойно и не думай о свекле. Какие книги тебе хочется прочесть? Когда я в последний раз был в Риге, купил у букиниста «Мертвые души» Гоголя, с иллюстрациями. Дома у меня весь Горький и несколько томов Чехова. Ты ведь по-русски читаешь?

Он просидел у Анны целый час, рассказывал смешные истории из уездной жизни и всячески старался подбодрить девушку, убедить, что главное сейчас не нервничать, а спокойно лечиться.

Когда Артур уже собрался уходить, в дверь постучали. В комнату вошел Айвар, тоже немного смешной в слишком коротком халате. Он смутился, увидев двоюродного брата, но тут же успокоился и с тревогой посмотрел на Анну.

— Я приехал... но, может быть, ты устала?

— Хорошо, что ты приехал, Айвар... — сказала Анна. — Садись. Рассказывай, что у нас нового.

Артур пожал руку Анне и сказал брату:

— Когда будешь уходить, загляни ко мне. Я в уюме.

— Хорошо, зайду, — обещал Айвар.

Артур ушел.

Присев на край стула и положив руки на колени, Айвар смотрел на Анну, не зная, что ей сказать. Сердце его переполняла нежность, а слов не находилось. Хотелось легко-легко погладить лоб Анны, поддержать в своих руках ее руку, чтобы вся боль перешла в его тело.

— Надо было тогда послушаться тебя... — заговорила Анна. — Может, не произошло бы этого.

— Если тебе трудно, не надо говорить, Анныня... — перебил Айвар. — Я посижу так.

— Не преувеличивай, Айвар... — улыбнулась Анна, вспомнив, что эти же слова она произнесла несколько недель назад. И это ей показалось забавным. — Мои дела не так уж плохи, отделилась небольшой царапиной.

— Но ведь что могло случиться! — Из груди Айвара вырвался почти стон, так что Анна удивленно посмотрела на него. Выражение его лица взводило до глубины души девушку.

— Что могло случиться... — повторил Айвар. — Не было б больше тебя, и тогда... — он осекся.

— Ты бы пожалел обо мне? — Анна попыталась засмеяться, обратить разговор в шутку. — Я для тебя ничего хорошего не сделала.

Айвар грустно улыбался и молчал.

«Какой он сердечный... — думала Анна. — Хорошие люди Лидумы».

Так разговор и не наладился. Они почти все время молчали. А через двадцать минут в комнату вошла дежурная сестра и сказала:

— Время истекло. Больной нужен покой.

Сестра ушла, Айвар поднялся и протянул Анне руку.

— Если не возражаешь, я через несколько дней опять приеду.

— Стоит ли, Айвар! — сказала Анна. — Тебе ведь тоже нужен отдых. У меня, как видишь, все в порядке.

Неслышными шагами вышел он из комнаты и, закрытая тихо дверь, еще раз робко взглянул на девушку. А когда в коридоре затихли шаги Айвара, Анна подумала:

«Он был сегодня какой-то странный... не такой, как всегда. Может быть, с ним что-нибудь случилось».

Дождевые тучи уже прошли. Над городком снова сияло осеннее солнце. В комнатке стало светлее. Светлее стало и на душе у Анны.

Вместо двух недель Анна пролежала в больнице целый месяц. Вернувшись в волость, она убедилась, что за время ее отсутствия дела не стояли на месте: волость рассчиталась с государством по всем видам заготовок, свекла была свезена на приемный пункт, работы по лесозаготовкам подходили к концу. Финогенов руководил вместо Анны политкружком и помогал в работе волостной комсомольской организации. Действительно, ничто не было упущено или забыто, и все это потому, что в Пурвайской волости был сильный коллектив, выросло много прекрасных товарищей. К Анне явилась делегация пионеров. Они с увлечением рассказывали, как помогали взрослым убирать урожай, как собирали на полях колосья и как агроном Римша занимался с ними в кружке юных мичуринцев. Больше всего они радовались тому, что удалось получить семена ветвистой пшеницы и жок-сагыза, следующей весной можно будет устроить несколько опытных площадок, а через несколько лет здесь будут первые поля жок-сагыза и ветвистой пшеницы.

Исследовательская бригада закончила свои работы на Змеином болоте и в его окрестностях. В одно из воскресений члены мелиоративного товарищества собрались в Народном доме, и Айвар познакомил их с главнейшими расчетами. Теперь все собранные материалы надо было сдать проектной организации и до весны разработать подробный технический проект и все расчеты. Когда все будет готово, членов мелиоративного товарищества познакомят с проектом, и затем его проверит экспертная комиссия. Следовательно, Айвару придется до весны еще раз приехать сюда.

Когда Айвар пришел прощаться с Анной, он напомнил ей о ее словах:

— Помнишь, ты сказала, что к следующей весне в Пурвайской волости будет колхоз. Газеты пишут, что в Елгавском уезде уже один организован.

— Да, колхоз «Накотне»¹... — задумчиво сказала Анна. — Это значит — лед тронулся, и у нас есть пример, которому можно последовать. Теперь я твердо уверена, что скоро и у нас будет колхоз. В ближайшие дни я займусь этим.

— Тогда я не сомневаюсь, что к весне действительно будет колхоз.

Айвар уехал, обещав в конце зимы навестить пурвайчан. Вместе с ним поехал Жан Пацеллис на курсы сельскохозяйственных механиков.

В Пурвайской волости еще с осени можно было заметить приближение важных событий. Регут, проработавший во время войны несколько лет в одном из колхозов Алтайского края, при каждом удобном случае рассказывал соседям о колхозах и сумел рассеять ложные представления о жизни в колхозе. У всех еще свежи были в памяти старательно распространявшиеся в буржуазной Латвии враки, анекдоты и ругань по адресу колхозов. Кулаки и подкулачники всячески заботились о том, чтоб эта клевета не забывалась.

Крестьяне часто спрашивали Анну об условиях жизни в колхозах, о личном и общественном имуществе, об организации труда и распределении доходов. Анна сама стремилась вызвать крестьян на разговоры, касающиеся трудных и сложных вопросов. Она знала, эти вопросы не дают покоя крестьянам, и по возможности обстоятельно разъясняла их. Время от времени она обращалась за советом в уком партии и в Министерство сельского хозяйства. Анна тщательно изучала каждую строчку, касающуюся колхозов, которая появлялась в центральных республиканских газетах, а позже организовала поездку делегации пурвайских крестьян в Елгавский уезд, где успешно развивалась первая в Советской Латвии сельскохозяйственная артель «Накотне». Участники делегации стали самыми лучшими агитаторами и пропагандистами коллективизации. Как к откровению, прислушивались крестьяне и крестьянки Пурвайской волости к рассказам участников делегации, их интересовала каждая мелочь, каждая подробность о новой жизни. Под натиском правды рассеялась дымовая завеслажи, а вместе с нею и сомнения крестьян. Ясно видимый, осязаемый, живой и наглядный стоял сегодня колхоз пе-

ред глазами всего народа; и все чаще умы людей занимала настойчивая мысль: а что, если и нам попробовать?

Артур Лидум прислал Анне необходимую литературу по колхозному строительству, несколько экземпляров Примерного устава сельскохозяйственной артели. Подробно ознакомившись с ними, Анна начала знакомить с уставом волостных активистов и отдельных крестьян. Устав пошел по рукам, каждый параграф разбирался до мельчайших подробностей, обдумывался, подвергался тщательному обсуждению на семейных советах, потом собирались соседи и снова взвешивали и анализировали, а когда что-нибудь было неясно, шли к Анне или Регуту и просили разъяснения. Кулаки иронизировали и продолжали запугивать. Кое-где по утрам находили грязные листки с угрозами и «добрыми советами» единоплеменникам: «Бога ради не вступайте в колхоз, скоро начнется война, и англичане не простят тем, кто вступил в коммуны!» Но ни один разумный человек им больше не верил. Некоторым крестьянам присылали по почте угрожающие письма: если адресат не послушается и вступит в колхоз — усадьбу его сожгут, а самого прикончат.

Вот в такой атмосфере назревало большое событие, которое перевернуло в конце зимы всю жизнь Пурвайской волости. До этого Анна поговорила почти со всеми бедняками и середняками волости и знала их мнение. Сорок шесть хозяйств согласились объединиться в сельскохозяйственную артель, но только тридцать два из них находились сравнительно близко друг от друга в той части волости, которая примыкала к Змеиному болоту, остальные были разбросаны по всей территории волости. Все эти крестьяне были членами сельскохозяйственной кооперации и за послевоенные годы успели уже накопить опыт коллективной работы: кроме своей земли, члены кооператива в прошлом году совместными усилиями обработали земли бесхозных хозяйств; товариществу принадлежал старый трактор, несколько косилок и два молотильных агрегата.

— По слогам уже разбираю, теперь пора начать читать, — шутил председатель правления сельскохозяйственной кооперации Клуга. — Вот только достать бы хорошую, умную книгу.

В воскресное утро по всем дорогам — пешком и на повозках — к волостному Народному дому потянулись люди. Из уездного города приехали председатель исполкома Пилаг и второй секретарь укома партии Артур Лидум, вместе с ними приехала Валентина Сафронова, гостившая в тот день у Артура и Ильзы.

— Валя Сафронова, представитель печати... — сказал Артур, знакомя Анну с Валентиной.

Председатель уездного исполкома Пилаг был тот самый учитель географии, под руководством которого Артур начал работать в подполье. Во время войны он эвакуировался на Урал, а потом ушел добровольцем в Латышскую стрелковую дивизию и стал полковым агитатором.

— Если подумать, товарищи, то мы сегодня являемся участниками огромного исторического события, — сказал Артур, когда в комнате заведующего Народным домом собралось все руководство Пурвайской волости. — Первая сельскохозяйственная артель в уезде! Это начало целой революции, и мы имеем счастье быть крестными отцами

¹ «Будущее» (латыш.).

этого события. А тебе, Валя, выпала честь увековечить это событие вдохновенной статьей.

— Кто знает, как у меня получится... — улыбнулась Валентина, — слишком ответственное задание.

Наконец Регут сообщил, что собрание можно начинать:

— Зал Народного дома переполнен так, что яблочку негде упасть!

— Тогда пойдете, — сказал Артур.

Гайда Римша с комсомольцами всю ночь украшала зал. Вдоль стен, на окнах и у дверей стояло много цветов, в помещении пахло хвоей, и это создавало праздничное настроение. Через весь зал были протянуты гирлянды красных флажков, над столом президиума золотыми буквами сверкали лозунги, а в глубине сцены на высоком постаменте, обвитом зеленой гирляндой, стоял бюст товарища Сталина.

Анна, Регут, Пилаг, Артур, Финогенов и другие руководящие работники сели за стол президиума; Валентина с блокнотом в руках устроилась в первом ряду в зале.

В большом зале сидели, положив на колени натруженные руки с узловатыми пальцами, молодые и старые, мужчины и женщины, с обветренными лицами, полные напряженного ожидания. Спокойствие и уверенность, светлые надежды и затаенную злобу — все можно было прочесть на этих лицах. Каждый пришел сюда со своими чувствами, и каждый верил в свою правду. «Почему так нужно?» — спрашивала сегодня не одна пара глаз, у порога новой жизни; люди из поколения в поколение жили свой век, шагая по знакомой дороге, проторенной отцами и дедами, а теперь, когда впереди открывался новый далекий и неизвестный горизонт, эта даль пугала их своей новизной. Но большинство не сомневалось, а верило, выносив свою веру за долгие дни и ночи размышлений. Во взглядах кулаков тлея темная злоба и ненависть. Земля заколыхалась под их ногами, трещали устои их мира; они не стояли на распутье, — отнюдь нет, — им не суждено было переступить порог новой жизни, а сохранить старую не позволяло это бурное время; гнуть, сгннуть, сойти с житейской арены — такова теперь была их участь. Стать ничем тому, кто еще вчера представлял собою все, было тяжело и не сладко, но они ведь не спрашивали в дни своего могущества, сладко ли жилось их батракам.

Анна кратким вступительным словом открыла собрание. Она сообщила, что более сорока хозяйств Пурвайской волости выразили желание объединиться в сельскохозяйственную артель и их почин признан вполне своевременным. Поэтому и создано это собрание. Анна призвала жителей волости обсудить вопрос и рекомендовала каждому участнику собрания самостоятельно решить: вступить ли в артель или продолжать жить по-старому.

После этого она попросила Регута прочесть Примерный устав сельскохозяйственной артели.

Регут надел очки и, став на маленькую трибуну, медленно и громко прочел устав. Пока он читал, в зале царил глубокая тишина. Крестьяне старались не пропустить ни одного слова. Наморщенные лбы, серьезные лица собравшихся показывали, как напряженно обдумывал каждый прочитанное. Когда Регут закончил читать, Анна про-

спла участников собрания задавать вопросы и высказываться.

— Чего тут долго мудрить? Надо организовать колхоз и приступить к работе! — крикнул с места Алкснис, один из тех сорока шести, которые давно уже заявили о готовности объединиться в артель.

— Свинью в стаде не откормишь! — раздался голос из задних рядов. — В старину латыши знали, почему так говорили...

— Поэтому-то бароны да кулаки и могли так долго издеваться над нами, — послышался ответ крестьянина-бедняка Индрикса.

— А что, жен и детей тоже объединить придется? — послышался вопрос, и присутствующие кулаки сразу зафыркали. — Как с собаками и кошками? У меня дома каждой твари по паре.

— Ты, сосед, наверно, по утрам уши не моешь, поэтому туговат на ухо, — ответил ему Регут. — Иначе слышал бы, что в уставе сказано.

— Что мне слушать эту премудрость, — крикнул настроенный кулаками крестьянин. — Я и не подумаю вступать в ваш колхоз.

— Тогда не мешай говорить тем, кто думает вступить, — сказал Регут. — Иначе собрание может попросить тебя оставить это помещение.

После этого выкрики прекратились, и крестьяне начали задавать деловые вопросы: о размерах приусадебного участка, об инвентаре, остающемся в личной собственности, о количестве скота, домашней птицы, об исчислении трудодней по различным видам работ и об обязанностях членов семей колхозников. Пришлось снова вернуться к уставу, еще раз прочесть некоторые параграфы и примерами объяснить непонятные места. На вопросы отвечали Анна и Регут, а в некоторых случаях приходили на помощь Пилаг и Артур.

Кулаки сидели тесной кучкой в задних рядах и слушали. Только Кикрейзис несколько раз просил слова и задавал вопросы.

— Если я не желаю вступить в колхоз, что мне за это будет? А если вступлю, сколько мне заплатят за лошадой и машины? У многих есть полудохлая лошаденка да старый плуг, а у меня четыре хороших рабочих лошади и разные машины. Я думаю, что имею право на оплату, если не за все, то хотя бы за часть.

— Вот что, сосед, — ответил Регут, — прежде всего нужно, чтобы колхоз согласился принять тебя в члены, но навряд ли кто из колхозников захочет этого. В сельскохозяйственную артель вход кулакам воспрещен.

По залу прокатился смех. С постным лицом сидел в одном из первых рядов Антон Пацеплис. Он не задавал вопросов, только слушал и думал. Когда собрание осеяло Кикрейзиса, лицо Пацеплиса осталось серьезным.

— Твоих лошадей, Кикрейзис, и все твои машины могли тебе приобрести батраки и малоземельные крестьяне, — продолжал Регут. — Мне самому пришлось два года батрачить на твоих полях и лугах. Если ты передашь лошадей колхозу, поступишь справедливо, но об оплате лучше не мечтай.

— А если я не вступлю в колхоз, тогда что? — снова выкрикнул Кикрейзис. — Почему не отвечаешь на вопрос, Регут?

— Уговаривать тебя никто не станет, — сказал Регут. — Колхоз обойдется и без тебя!

Затем слово взял Пилаг. Поздравив инициаторов, он рассказал об опыте коллективизации в других советских республиках, о хитрости и лукавстве кулаков, как они пытались пробраться в колхозы и захватить руководящие посты, чтобы потом разваливать артели изнутри; о перегибах, о борьбе с лодырями, лжеколхозниками, о правильной организации труда. Делая первые шаги и закладывая фундамент новой артели, надо воспользоваться этим опытом, чтобы избежать ошибок в своих начинаниях. Затем Пилаг остановился на преимуществах социалистического хозяйства перед индивидуальным; говорил о политическом значении коллективизации и огромных перспективах, раскрывающихся перед крестьянством Латвии.

— Вдумайтесь, товарищи, в слова, записанные во втором параграфе примерного устава: «Все межи, разделявшие ранее земельные наделы членов артели, уничтожаются, а все полевые наделы превращаются в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели». Уничтожив межи на своих землях, вы уничтожите и все, что до сих пор разъединяло людей, уничтожьте старое и создайте новое, лучшее. Как на полях вашего молодого колхоза скоро заработают тракторы и комбайны, так и в вашей новой жизни начнут действовать новые, доселе неизвестные вам силы: единство цели, согласованность стремлений, дружба и товарищество. А когда все это у вас будет, перед вами расступятся горы, и не будет таких крепостей, которые вы не смогли бы взять.

— Спасибо советской власти и партии за нашу новую жизнь! — крикнул какой-то новохозяин из середины зала, и его дружно поддержало большинство участников собрания.

— Спасибо товарищу Сталину! Докажем работой благодарность латышского крестьянина советской власти! Да здравствует партия, да здравствует товарищ Сталин! — Отдельные возгласы слились в мощный ликующий аккорд. Когда волнение так же внезапно улеглось, собрание перешло к самому главному вопросу повестки дня, к организации сельскохозяйственной артели. К поданным ранее сорока шести заявлениям прибавилось еще больше двадцати. Примерно треть заявлений, пришлось пока не разбирать, так как поля этих крестьян находились слишком далеко от общего земельного массива нового колхоза.

— Похозяйничайте еще некоторое время попрежнему и поговорите со своими соседями, — посоветовал им Артур. — Когда соберется достаточно хозяйств с общей земельной площадью, сможете организовать самостоятельный колхоз или по крайней мере бригаду.

Каждого вступающего в колхоз обсуждали и оценивали, некоторым нерадивым дали почувствовать, что артель не потерпит лодырей и лжеколхозников.

Когда дело пошло по такому руслу, Антон Пацеплис встал и вместе с Кикрейзисом вышел из зала. Он опасался, как бы Анна не начала спрашивать его перед всем наро-

дом, что он думает делать. Когда она пришла в Сурумы агитировать его вступить в колхоз, он мог толкнуть на нее ногой и прикрикнуть, чтоб не мешала молиться; здесь так действовать нельзя, поэтому лучше во-время убраться с глаз долой.

Сорок хозяйств в тот день объединились в сельскохозяйственную артель. Новые колхозники решили на своем первом собрании назвать ее «Сталинский путь». Избрали правление и ревизионную комиссию. Председателем правления по предложению Анны единогласно избрали Регута. Во главе волысполкома должен был стать нынешний заместитель Регута Бригис.

Когда собрание уже близилось к концу, к столу президиума подошла пожилая крестьянка.

— Дорогие товарищи, разрешите один вопрос? — обратилась она к президиуму.

— Пожадуйте, спрашивайте смело, тетушка Гандра... — с улыбкой ответила Анна.

— Теперь вот я вступила в колхоз, — начала Гандриене. — Скажите, можно будет ходить в церковь и как быть с крещением детей? Ведь нас растили богомольными, мы с малолетства привыкли к божьему слову.

— Вступить в колхоз не одно и то же, что вступить в партию или комсомол, — пояснил Артур. — Член партии или комсомолец не должен верить в бога, не должен посещать церковь, ну, а если вы, став колхозницей, не можете обойтись без церкви и бога, никто вас за это не осудит. Молитесь себе, только не забудьте, что на колхозной ниве тоже надо работать. За молитвы вам трудней не зачтут.

— Ах, значит можно! — обрадовалась Гандриене. — Большое спасибо, большое спасибо. Не думайте, что я так сильно уж верую в этого бога. Только так, немного, по старой привычке. Ведь трудно за один день отвыкнуть. Хочется иногда послушать, что Рейнхарт в своей проповеди скажет. Я ведь коммунистов ужасно люблю и иногда молю за них бога, чтоб им все хорошо удавалось. Я и сама ведь такая же божья коммунистка, только вот церковная служба мне еще нравится.

Продолжая благодарить и довольно улыбаясь, она вернулась на свое место и долго что-то горячо рассказывала своим соседям.

Собрание затянулось до позднего вечера. Уже смеркалось, когда Анна проводила до машины Артура, Валентину и Пилага. Усталая, но счастливая, слушала она прощальные приветы отъезжающих крестьян и пожелания дальнейших успехов. Пилаг сел рядом с шофером, а Артур и Валентина — на заднем сидении. Когда машина скрылась за углом Народного дома, Анна медленно зашагала домой.

Первые две недели колхоз существовал только формально. Коллективные работы решили начать с весенней пахоты и сева. Запасов сена не было, поэтому правление колхоза решило оставить лошадей и молочный скот до весны у колхозников, а молочно-товарную ферму организовать, когда скот начнет пастись.

В начале второй недели Регута и Анну вызвали в Центральный Комитет партии Латвии. Бюро ЦК заслушало до-

клад Регута об организации колхоза «Сталинский путь», нового председателя подробно расспросили об экономической базе, о размерах земельной площади, о количестве скота, о сельскохозяйственном инвентаре, количестве трудоспособных колхозников и о хозяйственных планах на ближайшее будущее. Бюро ЦК утвердило организацию колхоза, а Регута, выступление которого произвело хорошее впечатление, — председателем артели, сильно покритиковав и исправив его хозяйственные планы. Правлению колхоза поручили незамедлительно организовать конеферму и молочно-товарную ферму, а в личной собственности колхозников оставить по одной корове и телке — так, как было решено на организационном собрании колхозников.

Вернувшись из Риги, Регут созвал заседание правления и рассказал об указаниях ЦК партии.

— Пока каждый из нас будет копошиться на своем клочке земли, а скот оставаться в усадьбах, колхозом не будет и пахнуть, — сказал Регут. — Изменится только вывеска, а жизнь будет идти по-старому. Все равно когда-нибудь придется освобождаться от старых пут индивидуальной жизни. Так чем скорее, тем лучше. Если дожидаться весны, очутимся у разбитого корыта, дождем до того, что не будет молочного скота для фермы.

— Но ведь колхозу трудно будет прокормить коров, — заметил член правления, кладовщик Мурник. — В единоличном хозяйстве легче. Там каждый найдет выход, сумеет вытянуть.

— Вот это и есть неверие в коллектив! — воскликнул Регут. — Я прежде сам так думал, но когда мне в Риге указали на мои ошибки, сразу понял, что так дело не пойдет, это взгляд отсталый. Как же это выходит: что может сделать одиночка, не под силу коллективу! Если это так, то нет смысла объединяться. Мы объединились, чтобы быть сильнее и чтобы нам было по плечу то, на что раньше не хватало силенок. Как же вдруг колхоз стал более слабым, а единоличник более сильным? В каждом из нас все еще сидит ветхий Адам, вот где собака зарыта. Нам надо его изгнать, чтобы и духа его не было. А о корме для коров не тужите. Будет скот — будет молоко. Сдадим молоко государству, а государство поможет нам и сеном и жмыхами — это мне в Риге обещали. Теперь подумаем, где нам устроить фермы и кого поставить заведующим.

— Конеферму можно разместить в Мелдерах, — предложил Клуга, назначенный бригадиром первой полеводческой бригады.

— Но ведь там конно-прокатный пункт! — воскликнул Мурник. — Государственное предприятие!

— Конно-прокатный пункт ликвидируют, — пояснил Регут. — Министерство сельского хозяйства согласно пойти нам навстречу. Я говорил с заместителем министра. При организации колхоза эти пункты теряют значение.

— Тогда дело другое, — сдался Мурник.

— А животноводческую ферму очень хорошо разместить в Стабуллиеках, — продолжал Регут. — На первое время помещений хватит. Когда скота станет больше, построим новый коровник. Заведующей фермой рекомендую назначить Ольгу Липстынь. Женщина она энергичная и предприимчивая. Лучшего заведующего и не придумаешь.

— Ольга Липстынь будет неплохой хозяйкой, — пробасил Мурник. В глубине души он мечтал видеть заведующей свою жену, но, вероятно, это никуда не годится, если муж и жена будут на руководящих постах: сам Мурник был назначен кладовщиком. — Она, пожалуй, подойдет, — добавил он. — Только не знаю, как Ольга поладит с отчетностью и всей этой арифметикой, а так она честный человек.

На его лице появилось несколько кислое выражение, что-то вроде разочарования, но остальные члены правления этого, вероятно, не заметили.

— Заведующим конефермой можно назначить молодого Гандриса, — продолжал Регут. — Он большой любитель лошадей, — посмотрите, каких коней вырастил на своих двадцати тектарах. Хоть на ипподром состязаться с заводскими.

— Гандрис прослужил полтора года в кавалерийском полку... — добавил Клуга. — У него есть несколько книг по коневодству. Лучшего заведующего фермой мы не найдем.

На этом и порешили. Труднее оказалось найти подходящего человека на должность счетовода артели. Для такой работы необходимы были хоть небольшие познания по финансовому законодательству и колхозной экономике, а главное — требовался честный работник, на которого коллектив мог бы всецело положиться. Готового опытного колхозного счетовода в Пурвайской волости не нашлось, а приглашать со стороны совершенно незнакомого человека было рискованно. Анна Падеплис обещала поискать подходящего кандидата среди комсомольцев.

— Некоторые комсомольцы кончили среднюю школу, — сказала она. — Если у них и нет специальных знаний, — можно подучить.

— Хоть бы за счет артели, — сказал Регут. — Это окупится. И потом я хотел просить, чтоб уезд прислал знакомого агронома. Он нам поможет спланировать все работы и севооборот на будущий хозяйственный год. Нам нужен и трехлетний план, иначе из коллективного хозяйствования ничего не выйдет.

— Мне кажется, товарищ Регут, здесь нам может помочь Айвар Лидум, — сказала Анна. — Он окончил среднюю сельскохозяйственную школу и учится в Сельскохозяйственной академии. Вырос он в этих местах и хорошо знает наши условия. Вместе со старшим агрономом МТС Римшей он разработает все планы, какие только нужны.

— Это идея! — воскликнул Клуга. — Оказывается, мы богатые люди, если немного поискать, у нас все имеется.

— Разве Лидум сможет работать и на осушке болота и в колхозе? — сомневался Мурник.

— А это связано одно с другим, — ответила Анна Мурнику. — Если Айвару... то есть Лидуму будет известно направление хозяйственного развития колхоза, он лучше сможет разработать генеральный проект мелиорации.

— Это опять же правильно, — поспешил согласиться Мурник.

После этого заседания Регут начал действовать.

Решение немедленно объединить крупный рогатый скот

и организовать конферму новые колхозники приняли по-разному. Многие тайно надеялись, что вчерашнему единоличнику дадут возможность исполнить привыкнуть к переменам. Те, у кого было больше скота, некоторое время ходили задумчивые и молчаливые.

— Значит, моей Пиектале придется привыкать к чужому корму и уходу, — вздыхала матушка Гандриене и так жалостливо гладила старую корову, будто животное собиралось вести к мяснику. — Кто ж теперь будет за тобой ухаживать и заботиться, Пиекталинь... чужие ведь любить не будут.

— А я думаю, что Пиектала может спокойно остаться у нас, — сказал Петер Гандрис матери. — Ферме отдадим молодую Буренушку.

— Отдать лучшую корову! — воскликнула Гандриене и всплеснула руками. — Да ты в уме, Петер? На одном подножном корму дает двадцать литров за день. Что мы станем делать с Пиекталей — скотина старая, доить-то осталось всего года два. А для фермы она достаточно хороша.

— Ферма тоже наша, — не соглашался Петер. — Ферме надо отдать самую лучшую корову: на первых порах нам вполне хватит молока Пиекталы, а весной будет молоко от буренушкиной телки — та не уступит матери.

— Ой, господи, ой... Что ты несешь, Петер! Мало того, что двух молодых копей отдаешь колхозу... еще и самую лучшую молочную скотину уводить из дому. Не к добру это, сын, попомни мои слова.

— Не забудь и мой, мать, — улыбнулся Петер. — Это только к добру. Все самое глупшее надо отдать колхозу, тогда он будет процветать, и всем будет хорошо. Я не знал бы, куда деваться от стыда, если бы мы сдали Пиекталу на ферму. Ведь у соседей тоже глаза есть. Осмеют нас, обжорами назовут. Ты этого хочешь?

Старая Гандриене перестала спорить с сыном, но не легко было у нее на сердце, когда ее Буренушку увели в усадьбу Стабулники на колхозную молочную-товарную ферму. Гандриене пошла с сыном и, отозвав в сторону заведующую фермой Ольгу Липстынь, начала жалобно рассказывать, какая ласковая скотинка ее Буренушка:

— Когда доишь, не брыкается, молочка не задерживает ни одной капельки, только любит, чтобы с ней обходились ласково. Ты приглядывай за ней, Ольга, присматривай за доярками, пусть не бьют и не ругают, и чтоб всегда у нее было чистое вымя.

— Будьте спокойны, матушка Гандриен... — улыбаясь, успокаивала Ольга крестьянку. — С Буренушкой здесь не случится ничего плохого.

— Когда-нибудь и охапочку клевера надо подкинуть, — не унималась Гандриене. — Скотинка его любит. А то одной болотной осокой можно скоро заморить... На, Буренушка, на, моя коровушка, съешь хлебца... кто тебя теперь угостит чем-нибудь вкусным... — Она отламывала по кусочку от большого, прихваченного с собой ломтя хлеба и кормила корову. Уходя, Гандриене уронила несколько слезинок и долго оглядывалась на большой коровник, откуда доносилось мычание приведенных коров.

— Видел, Петер, каких коров привел Мурник? — заговорила она, когда коровник скрылся из виду. — Две

старых передойки, еще старше нашей Пиекталы. Не отдай лучшую скотину. Одному господину известно, что он будет делать с тремя молодыми коровами! На позапрошлой неделе своими глазами видел их в его хлеву. Как же так получается: другим оставляют по корове и телке, а этому целых три дойных. Разве это порядок, — каждый делает, что ему вздумается?

Петер остановился среди дороги.

— Правду ты говоришь, мать? — спросил он. — Ты точно знаешь, что у Мурника в усадьбе остались три молодых коровы?

— С какой стати мне врать! — Гандриене даже обиделась. — Своими глазами видел. Если не успел продать, куда же им деваться. И такому человеку доверяют колхозное имущество, он будет хранить ключи от амбара...

— Знаешь, мать, ты иди домой, а я вернусь на ферму, — сказал Петер. — Так это оставить нельзя.

— А зачем тебе связываться в это дело? — вдруг стала сокрушаться Гандриене. — Разве другие слепые, разве у них языков нет? Еще обозлишь, врагов наживешь. Мурник и так горластый, попробуй его перекричать.

— Я не для себя стараюсь! Это не мое личное дело, а дело всего колхоза, поэтому молчать нельзя.

Петер вернулся на ферму и разыскал Регута, который весь день провел в Стабулниках.

— Товарищ председатель, нет у нас порядка, — начал молодой Гандрис. — Собрание постановило одно, а как доходит до дела, поступаем совсем по-другому. Так мы далеко не уедем.

— Что случилось? — спросил Регут.

Петер рассказал о Мурнике.

— Ишь какой ловкач... — пробурчал председатель колхоза. Лицо его помрачнело. — Я ходил к телефону, когда Мурник привел коров. Хорошо, что сказал. Мы это дело не оставим. Нельзя оставлять сорняки: где заметишь — сразу надо выпалывать, иначе все поле зарастет. Ну, а как, Петер, с конфермой — в Мелдерах уже был? Помещение осматрел?

— Был, товарищ Регут... — ответил Петер. Глаза его заблестели. — Если приспособить коровник и некоторые другие хозяйственные постройки, можно будет разместить около полсотни лошадей. Для жеребят, правда, придется новую конюшню построить. Когда соберем лошадей?

— Через несколько дней начнем. Из уезда звонил Плаг. Сказал, что решение правительства о ликвидации конно-прокатного пункта уже имеется. Так что ты держись на линии: скоро начнешь хозяйничать.

Когда Гандрис ушел, Регут послал за Мурником и велел кладовщику артели немедленно явиться на молочно-товарную ферму.

— Что за спешка? — осведомился Мурник, встретив Регута во дворе усадьбы.

— Придется вечером созвать правление, — ответил Регут, мрачно взглянув на Мурника.

— Опять? — удивился Мурник. — Только два дня назад заседали. Когда же работать, если так часто заседать?

— Ничего не поделаешь, — сказал Регут. — Я совсем не тоскую по заседаниям, да обстоятельства заставляют. Придется срочно выбивать старый душок из некоторых колхозников. Понятно, Мурник?

— Что же случилось? — Мурник с тревогой посмотрел на Регута. — Кто-нибудь напакостил?

— Да, и самым безобразным образом. Придется искать нового кладовщика! — Регут внезапно повысил голос. — Давай сюда ключи! В кладовой нужен честный хозяин, который не обманет артель и не будет столько думать о своем благополучии. Понял? Ты потерял доверие коллектива.

Мурник смутился, но пытался держаться непринужденно.

— Потерял? Когда? Где же я успел его потерять? Наверно, кто-нибудь наболтал.

— Здесь, на молочно-товарной ферме, ты потерял доверие колхозников. Привел своих старых передоек! Осенью придется пустить на мясо. По какому праву ты оставил себе три дойных коровы? У других по одной, а у тебя целых три.

— Вот чудеса... — пожимал плечами Мурник. — Откуда у меня возьмутся три, когда дома всего одна корова да прошлогодняя телка.

— Несколько недель тому назад, до собрания в Народном доме, у тебя было пять дойных коров.

— Тогда... да... Но я увидел, что на пять коров у меня нехватит корма. Две... продал шурину в Айзупскую волость. В то время колхоза еще не было...

— Но ты знал, что он скоро будет.

— Разве я не имел права продавать?

— Не строй из себя простачка, Мурник. Одно из двух: или ты сейчас же приведешь этих коров сюда, или уйдешь вон из колхоза. Кладовщиком оставить тебя нельзя ни в том, ни в другом случае.

— Регут... — заговорил тихо Мурник. — Так уже вышло... послушался жены, очень уж плакалась... Нельзя ли все устроить без лишнего шума? Коров приведу — денег еще за них не получал. Завтра засветло передам ферме.

— Нельзя, Мурник. Давай ключи.

Правление освободило Мурника от обязанностей кладовщика артели, а вместо него назначило члена партии Индриксона. Мурник на следующий день привел двух коров и передал ферме: однако своим поступком он так сильно скомпрометировал себя в глазах колхозников, что скоро его освободили и от должности председателя правления мелиоративного товарищества.

8

Анна, возвращаясь с заседания Бюро Центрального Комитета, на котором слушался доклад Регута об организации колхоза, зашла в Сурумы. Пацелис не стал дожидаться, пока она заговорит, и грубо сказал:

— Если ты пришла агитировать, чтобы я вступил в колхоз, то иди домой, дочка. Ты здесь дурачков не найдешь.

— Твоя воля вступать или не вступать, — ответила Анна. — Силой тебя никто не заставит, но я думаю, что здравый смысл подскажет тебе правильный путь.

— Не понимаю, чего ты так назойливо вмешиваешься в мои дела? — злобно спросил отец, почесывая свою изрядно поседевшую бороду. — Сам знаю, что мне не пользует, что во вред. Позволь мне жить по своему разумению.

— Ты не знаешь, что тебе на пользу, — не отступалась Анна. — Если бы ты взвесил все спокойно, ни одного дня не тянул бы со вступлением. Не можешь победить свое упрямство.

Разговор происходил на дворе, у порога избы. Лавиза была на похоронах ее дальней родственницы, а Жан еще не вернулся с курсов. Видя, что от Анны так легко не отделаешься, Пацелис повернулся и ушел в избу. Анна последовала за ним и даже не обиделась, когда он перед ее носом демонстративно захлопнул дверь. Войдя в комнату, она заговорила примирительным тоном:

— Поговорим, отец, серьезно. Почему ты бежишь от правды? Ты хочешь, чтобы тебя переубедила сама жизнь?

Пацелис достал молитвенник, надел на нос очки, сел за стол и, открыв видимо заранее избранное место, спокойно зашел.

Прочев стих, он взглянул поверх очков на Анну, но, увидев, что она села к окну и, очевидно, приготовилась терпеливо прослушать пение до конца, сердито крикнул:

— Почему не даешь мне молиться? Что тебе нужно? В колхоз я все равно не пойду, хоть ты до утра сиди.

— Отец... — тихо, но взволнованно заговорила Анна. — Зачем ты позоришь себя и своих детей? Неужели ты не понимаешь, что мы с Жаном желаем тебе только добра?

— Я — свободный советский гражданин и поступаю, как хочу, — ответил отец. — Вы еще молоды, чтобы учить меня. Я прожил свою жизнь на своей земле и был сам себе хозяин, а вы хотите, чтобы теперь, на старости лет, я стал батраком у какого-то Клуги или Регута? Теперь они будут мною командовать, давать по утрам распоряжения, что делать и как быть. И слышать об этом не желаю! Лучше грызть сухую корку и запивать холодной водой, чем плясать под чужую дудку. Я не такой породы. Поищи кого-нибудь другого.

— Ты понимаешь это неправильно, — ответила Анна. — В колхозе нет ни батраков, ни господ. В колхозе у всех одинаковые права...

— Довольно, хватит, оставь меня в покое! — не выдержав, крикнул Пацелис. — Здесь у тебя ничего не выйдет. С такими делами больше не приходи ко мне.

Анна встала.

— Хорошо, отец, сейчас я уйду, но в покое тебя не оставлю.

Вместо ответа Пацелис снова зашел. Когда он кончил стих, Анны в избе не было. Тогда Пацелис поднялся, подошел к шкафу и достал бутылку водки, которая была хорошо упрятана от Лавизы за старым тряпьем. Вытер тыльной стороной ладони губы и выпил несколько глотков, потом усмехнулся и заговорил сам с собой:

— После слова божьего и хлебнуть не грех. Сам спаситель пил вино и угощал своих учеников, неужели я должен жить совсем всухую.

Он хлебнул еще раз, спрятал бутылку и вышел во двор. Сев на скамейку перед домом, он долго глядел на

свои поля и луга. Большая часть земли осенью не была вспахана — кому же пахать, если Жан погнался на курсы, вздумал учиться на какого-то механика. Вдали, на колхозных полях, работали люди, спешили вывезти навоз, пока не стоял снег.

«Вот так жизнь... — думал Пацеплис. — Суетятся, как муравьи, не глядя на погоду, а я делаю, что хочу. Если выглянет солнышко, выхожу из избы и работаю сколько мне вздумается, а когда валит снег, сижу в комнате у окна и спокойно гляжу на божий мир. Никто меня не гонит, ни перед кем не надо отвечать. Хозяин!»

Но у хозяина давно протерлись брюки, так что местами проглядывало голое тело. Лавиза не любила возиться с иглой и нитками. Серая и поскосившаяся, с подгнившими венцами, стояла у дороги старая изба Пацеплиса. Все рушилось. И Антон это видел, но подняться, начать борьбу и сопротивляться беде, подобно черной туче надвигавшейся на его жизнь, не хватало ни силы, ни воли. Вздыхать, сетовать на плохие времена и неблагодарных детей, бросивших отца на старости лет, — вот все, что мог сделать хозяин Сурумов.

За углом дома послышались шаги. Вскоре показалась плотная фигура Марциса Кикрейзиса.

— Чего прохлаждаешься? — еще издали крикнул он. — Сидит, как блаженный, да на небо поглядывает.

— А что мне еще делать? — проворчал Пацеплис. — Такова судьба человеческая, Марцис. Приходится смиренно нести свой крест.

Марцис присел рядом с Пацеплисом, помолчал, поерзал, посмотрел вдаль — на колхозные поля. Затем прохрипел:

— Ну и гонят, ну и неистовствуют... все по указке мудрецов агрономов делают. Безо времени хотят яровые посеять в холодную землю. А ну как пойдет прахом... а ну как придется переборонить да засеять хоть гречихой — вот порадуются!

— Дай боже, дай боже, Марцис...

— Давно ли сошлись вместе, а уже, слышать, началась потасовка, — рассказывал Марцис. — Мурниек прогнался с должности кладовщика — уже успел провороваться. Немного придется ждать, когда и Регут замарает руки. Вот уж я посмеюсь, когда придет прокурор забирать его в кулузку.

— Куда же еще денется... — поддакнул Пацеплис. — Чуть только дорвется до артельного добра, сразу замарается.

— Оущий цирк, Сурум... Ну и молодчина ты, что не послушался Анны. А ты знаешь, что говорят сейчас умные люди?

— Ну, ну?

— Говорят, что твоя Анна всех согнала в колхоз, а тебе не позволила вступать, потому что сама знает, что там ждет разорение. Пусть чужие разоряются, лишь бы уцелела отцовская усадьба. Вот как теперь говорят.

— Кто говорит?

— Многие говорят... Мой старик... и еще разные люди.

— Ну, запрещать-то она не запрещала, — не согла-

сился Пацеплис. — Еще наоборот, уговаривала, да я сам не хочу.

— Я ведь знаю, Сурум, но что плохого, если люди скажут правду с другого конца! То на то и выходит, что уговаривай, что запрещай. Но чего нам столько болтать — не нам их учить. Пусть поживут с годик и, когда нечего будет жевать, тогда поймут, в какое пекло бросились.

— Тогда-то поймут, да будет поздно... — заметил Пацеплис.

Марцис хитро подмигнул, вытащил из кармана бутылку водки и круг домашней колбасы.

— На, освежись, тестюшка...

— Это можно... Мы этого дела никогда не боялись.

Когда Пацеплис оторвался от горлышка бутылки, урювень водки в ней заметно понизился. Марцис глотнул несколько раз, поставил бутылку рядом с собой на скамейку, и оба стали молча грызть колбасу.

— Мой отец говорит, что с тебя можно брать пример, — после продолжительной паузы возобновил разговор Марцис. — Настоящая выдержка, пусть весь мир делает, что хочет. И правильно, Сурум. Не стоит связываться с ними. Держись вместе с нами, и ты всегда будешь на верном пути. Настанут другие времена, мы снова заживем, и ты будешь уважаемый человек в округе.

— Разве меня когда не уважали? — усмехнулся Пацеплис.

— Ну, конечно, разве я что говорю. Только вот Анна... эта Анна... испортит она тебе жизнь, если не станешь огрызаться.

Молодой Кикрейзис спазивал Пацеплиса и науськивал, науськивал... Для кулаков Пурвайской волости самой большой потехой было напоить Сурума, а потом слушать, как он ругает свою дочь — парторга волости. А Пацеплису, как и раньше, ничего не казалось более лестным, чем выпить с крупными кулаками, тогда он чувствовал себя с ними на равной ноге.

Когда бутылка Марциса опустела, Пацеплис вынес из избы свою, они скоро осушили и ее. Марцис уже опьянел окончательно, а Пацеплис только начал разогреваться: такой пустяк не мог свалить его с ног. Бормоча что-то невнятное, шатаясь и спотыкаясь, молодой Кикрейзис заковылял к своей усадьбе, а Пацеплис убрал пустые бутылки и снова сел на скамью. Он долго сидел так — дородный, плечистый, похожий на монумент. В углу хлева ржала лошадь, мычали коровы и жалобно визжали свиньи, нетерпеливо ожидающие, когда хозяйка принесет им корму, но хозяину Сурумов не было дела до скотины. Как маленький король, он сидел на своем троне и обдумывал большие и важные дела...

На другой день к вечеру приехал Жан. Лицо парня было мрачное, темное, как осенний вечер. Он безо всяких предлогов спросил отца:

— Скажи мне прямо и ясно: ты вступаешь или не вступаешь в колхоз? Мне нужно знать твой окончательный ответ.

— Я уже давно сказал, что буду делать, и все так ясно, что яснее быть не может, — ответил Пацеплис.

— Значит, нет? — переспросил Жан.

— Ни в коем случае. Своих решений я не меняю.

— В таком случае мне больше здесь делать нечего. Дольше я терпеть не буду, чтобы надо мной все смеялись.

— Отчего ж им так смешно?

— Из-за тебя смеются. Дочь коммунистка, сын комсомолец, а вдвоем не могут переубедить отца и вывести его на верную дорогу.

— Пусть смеются, — пожал плечами Пацеплис. — Наплюй ты на них, а меня оставь в покое со своей агитацией.

— Я и наплюю, только не на них... Они смеются правильно, за дело. Плюну на Сурумы, понимаешь? Больше ни одного дня здесь не останусь. Тогда можешь делать со своими Сурумами, что хочешь.

Жан пошел в свою комнату и собрал вещи. Он решил перебраться в МТС в общежитие трактористов, там у него уже был приготовлен угол.

Пацеплис позвал Лавизу, и они оба сели за молитвенник. Вскоре начался мощный дуэт.

Немного погодя вышел из каморки Жан с узлом и вещевым мешком.

— Будьте здоровы, — сказал он. — Пока не вступите в колхоз, моей ноги здесь не будет. — И ушел.

— Изверг... собака! — крикнула Лавиза. — Побойся бога, греховодник! Так-то ты считаешь и любишь своих родителей?

— Чего ты так лаешь? — пробурчал Пацеплис. — Пусть бежит, пусть поскитается по свету. Когда-нибудь заскулит у порога. Помогай петь.

И снова зазвучал псалом.

Но только низкие потолки и бурые покосившиеся стены слышали их пение. Собака во дворе, прислушавшись к заунывным звукам, начала жалобно подвывать, — наверно, решила, что так надо, раз хозяева никак не могут уняться.

9

Яна Лидума в начале 1947 года впервые в жизни вызвали на партийную коллегию не как свидетеля, а как обвиняемого. В дивизии он участвовал в работе партколлегии, поэтому с первого же заданного ему вопроса понял, что его подозревают в каких-то преступлениях против партийной этики и дисциплины.

Лидум спокойно отвечал на все вопросы и совсем не чувствовал себя обиженным. Чем дольше продолжалась беседа, тем яснее становилось, что его и Айвара кто-то подло оклеветал.

— Извини, что тебя отвлекли от работы, — сказал член коллегии, когда они закончили разговор, — но иначе поступить мы не могли. Нам прислали на тебя и твоего сына материал, несколько писем. Ты, как старый партийный работник, отлично знаешь, что мы не можем оставить без внимания ни одного сигнала, хотя бы и анонимного.

— Мне это ясно, — ответил Лидум. Член коллегии был ему хорошо знаком, они несколько лет вместе просидели в одной камере Рижской Центральной тюрьмы. — У меня только одна просьба к партийной коллегии: строго прове-

рить все факты, и не домашним порядком, а вполне официально. Я не желаю, чтобы даже малейший пустяк, если он вызывает подозрение, остался непроверенным. Ты сам понимаешь, почему: я почти тридцать лет в партии, и до сего времени на моей совести нет ни одного пятнышка. Хочу верить, что этого не будет и в будущем.

Яна Лидума и Айвара обвиняли в разных преступлениях: в присвоении государственных средств, во взяточничестве и спекуляции промышленными товарами; Айвара обвиняли, что он, демобилизовавшись из армии, присвоил трофейный мотоцикл и с помощью разных махинаций зарегистрировал его в автоинспекции как свой.

Когда специальная комиссия произвела проверку, оказалось, что все выдумано от начала до конца, но анонимные доносчики все же частично достигли своей цели. На честных советских людей была брошена тень, несколько очень занятых работников были на некоторое время оторваны от работы и вынуждены заниматься проверкой злостной лжи. И хотя оба Лидума — Ян и Айвар — в конце концов были полностью реабилитированы, одно то обстоятельство, что их делом занималась специальная следовательская комиссия, дало обывателям повод для ядовитого шопота и злобных сплетен. Анонимный доносчик, выдававший себя за члена партии и честного советского патриота, спрятался за угол и злорадно наблюдал, как оплеванный очищал себя от грязи.

«Докажи, что ты не верблюд... — издевался он про себя. — Теперь утирайся и оправдывайся. А пока ты будешь занят этим, твоя работа будет стоять на месте».

Было ясно, что эти анонимные письма писал самый отвязанный враг, им руководила ненависть к советской власти и ко всем честным и способным советским людям.

Когда Айвар впервые столкнулся с этой клеветой, он ходил несколько дней подавленный. Как хорошо, что рядом с ним стоял отец — сильный, закаленный и не теряющий хладнокровия человек.

— Не вешай головы, Айвар, — подбадривал сына Ян Лидум. — Мы имеем дело с особым приемом борьбы.

Когда первая атака была отбита, враг перешел в новое наступление. За всевозможными подписями, — то написанными измененным почерком, то напечатанными на пишущей машинке, — плыли бесконечным потоком в разные учреждения анонимные письма. Попутно со старыми, давно опровергнутыми фактами приводились новые, некоторые из них касались времени, когда Лидум был в тюрьме; чтобы проверить их, приходилось рыться в архивах, доставать свидетельские показания старых подпольщиков. Лидуму и Айвару пришлось вооружиться терпением и снова давать разъяснения по поводу новых выдвинутых против них обвинений.

— Мне кажется, все это происходит из-за меня, — как-то сказал Айвар. — Это та же рука, которая тянулась ко мне прошлым летом, — Пикол и компания. Пикол сидит, а его единомышленники на свободе. Не могут простить, что не удалось заманить меня в их преступную банду. Выходит, что ты страдаешь из-за меня.

— Мы не страдальцы, а борцы, Айвар, — сказал отец. — Борясь за свою честь, мы боремся за честь советского общества. Это не наше частное дело, и мы не имеем

права уставать. А те, кто по вечерам орут из радиостудий «Би-би-си» и «Голоса Америки» или в своей безумной ненависти заполняют полосы желтой прессы всяческой ложью по адресу Советского Союза, — разве они отличаются от тех, кто сейчас непрерывно беснуются вокруг нас? Лжи всегда надо противопоставлять правду и только правдой усмирять злобную силу лжи, чтобы народам стало ясно: кто, как и зачем их обманывает.

Второе нападение неприятеля было отбито так же, как первое. К концу зимы органы государственной безопасности раскрыли и арестовали довольно значительную террористическую группу буржуазных националистов, среди них были сочинители анонимных писем. Лидум и Айвар снова могли спокойно заняться работой и учебой. Айвару надо было подтянуться, чтобы весной сдать все экзамены за второй курс, так как реализация большого мелиоративного плана на Змеинном болоте не оставляла бы времени для занятий.

Сразу после организации колхоза «Сталинский путь» Айвар по приглашению Анны приступил к разработке трехлетнего плана новой сельскохозяйственной артели. Он не успел его закончить, так как технический проект осушения Змеинного болота был уже настолько подготовлен, что с ним можно было познакомить колхозников. Договорившись с Анной и Регутом, Айвар в конце зимы приехал в Пурвайскую волость и пробыл в колхозе несколько дней. Он предложил организовать бригаду мелиораторов из колхозников во главе с новым председателем мелиоративного товарищества Алексиевом. Бригада должна была заготовить материал и необходимые для рытья канав и каналов крепкий лес, пленки из прутьев и хвороста, камни. Используя санный путь, материалы эти начали подвозить к трассам будущих каналов.

10

Однажды, когда Айвар Лидум и агроном Римша ломали головы над трехлетним планом «Сталинского пути» и весенними землеустроительными работами, Лавиза узнала от какой-то соседки, что одну из главных отводных канав предполагается рыть по земле Сурумов — через их луга и пастбища. Последний год Лавиза часто болела и много возилась с разными знахарями и знахарками, пила приготовленные ими чудодейственные лекарства, позволяла старухам заговаривать болезнь и дурачить себя всякими суевериями, а к участковому врачу Зултеру за советом не обращалась. Она очень похудела и пожелтела. Пацеплис не проявлял особых забот о здоровье жены. Узнав новость, Лавиза разыскала мужа и, дрожа от негодования, рассказала ему об этом.

— Как же так, Антон? — дивилась она. — Хозяин ты еще в Сурумах или нет? Без твоего разрешения и согласия делают с твоей землей все, что взбрет на ум. Сейчас они мудруют над всякими отводными канавами да каналами, скоро позарятся на твои строения и скотину. Хоть бы поговорили с тобой, спросили бы, как ты на это смотришь, сущие разбойники!

— Так, так, без моего ведома... — зашипел Пацеплис. — Ничего у них не выйдет, Лавиза. Только через мой труп пройдут эти канавокопатели на мои луга. Есть еще на свете закон и власть. Я им покажу, что из этого выйдет, когда забывают поговорить с хозяином. В суд подам! До Москвы дойду, а правды добьюсь. Тоже мне, нашлись вершители...

— Если хочешь чего-нибудь добиться, нечего тянуть, — сказала Лавиза. — Иначе упустим время, а потом скажут: где вы были раньше, почему молчали? Может, поговорить с каким адвокатом? Волостной писарь тоже кое-что понимает в законах.

— Я сам знаю, что делать, — оборвал ее Пацеплис. — Меня не учи.

Он тотчас переоделся в праздничную одежду, повязал на шею цветной платок и пошел запрягать лошадь.

— Куда поедешь, Антон? — спросила Лавиза. Энергичные действия мужа и его очевидное возмущение пришлись ей по душе. — К писарю?

— У меня есть советчик получше, чем все твои писари да адвокаты, — резко возразил Пацеплис. — Поеду на пасторскую мызу, к самому Рейнхарту.

— К Рейнхарту... — удивленно и с благоговением прошептала Лавиза. — Вот это ты хорошо придумал, Антон. Ну и голова же у тебя.

— А ты только сейчас об этом смекнула? — отозвался муж и, стегнув лошадь, выехал со двора. Старая, давно не мазанная рессорная телега визжала, как нашкодившая собака в ожидании порки. Кляча тихонько трусила по мерзлой дороге, делая вид, что бежит рысью. Телегу сильно трясло, и Пацеплис еще больше разозлился, но сорвать злобу можно было только на лошади, — той и попадало.

Старый Рейнхарт умер несколько лет тому назад, теперь обязанности пастыря прихода исполнял его сын, унаследовавший отцовскую должность. Немного старше сорока лет, высокого роста, плотный, с гладко выбритым лицом, жидковатыми волосами и совершенно коричневыми от курения зубами, молодой Рейнхарт мало походил на покойного отца, — тот был худощавый, с маленькой бородкой клинышком. Когда жена сказала, что прибыл какой-то крестьянин, Рейнхарт для пущей важности заставил посетителя подождать минут десять, облачился за это время в поношенную визитку, раскурил трубку и только тогда вышел в свой кабинет. Почтительно зажав подмышкой шапку, по возможности сгорбив свою рослую фигуру, Антон Пацеплис смиренно предстал перед слугой господним.

— Преподобный отец, со мной стряслась большая беда... — начал Антон жалобно, — дети оставили меня одного на старости лет, сейчас мир хочет совсем разорить меня. Право, не знаю, чем заслужил такую немилость божию.

Рейнхарт сел за письменный стол, заваленный книгами и разными атрибутами культа, показал Пацеплису рукой на стул и спросил:

— Чем могу быть полезен?

Антон рассказал все: как он не пошел в колхоз, как из-за этого поссорился со своими детьми, как сейчас без его согласия мир хочет разорить его луга и пастбища.

— Разве на других участках места нехватает? Когда им так нужно, пусть роют через свои участки, а мою землю оставляют в покое. Я там хозяин и могу распоряжаться своим имуществом, как хочу. Если бы вы дали мне какой-нибудь благой совет, я бы вас по гроб жизни благодарил.

Пастор погрузился в раздумье, посмотрел, как бы обращаясь за советом, на небольшое настольное расписание и торжественно вздохнул.

— Крест свой надо нести терпеливо. Не теряйте надежд, добрый христианин.

— То есть как это, преподобный отец? — смутился Пацепис. — Как мне это понимать?

— Еще предки мудро советовали: не борись с сильным, — продолжал пастор. — Попробуйте добром. Может быть, они признают вашу правоту.

— Нечего пытаться! — Пацепис ударил кулаком по столу с такой силой, что упало расписание. — Им нужна канавка, а мне земля, и тут я прав. Если вы можете дать только такой совет, не стоило и приезжать.

Рейнхарт пожал плечами и встал.

— К сожалению, именно так. Внешиваться в мирские споры не мое дело. Господь поручил мне пасти своих овец.

— И это все, что вы можете мне сказать? — Пацепис сделал удивленное лицо и тоже встал.

— Это все, добрый человек, — сказал Рейнхарт, спокойно посасывая трубку. — Но вы не огорчайтесь: всё будет так, как предвидел господь.

— Этого я никак не ожидал... — пробормотал Пацепис. — Прощайте, преподобный отец...

— Прощайте, да будет с вами господь...

Смущенный Пацепис вышел от пастора. Уже сидя в телеге, он досадливо сплюнул и погнал лошадь в сторону волысполкома.

— Тьфу... чучело... — злобно бормотал он. — А еще считается христовым воином... Трусливый заяц! Хитрая лиса! Хорошо, что не взял с собой кошелку яиц и старого петуха — за что ему давать? Не борись с сильными... такой мудростью можно дураков пичкать, но не меня. Поборемся! Я не боюсь! До Москвы дойду, а не поддамся. Они еще увидят, кто такой Сурум!

В воинственном настроении подъехал Пацепис к волыстному исполкому. Привязав лошадь, он направился к Анне.

В кабинете парторга были только Анна и Айвар, который зашел проститься перед отъездом в Ригу.

— Ага, очень хорошо, что и вы здесь, — сказал Айвару Пацепис. — У меня с вами серьезный разговор.

— Добрый день, отец... — Анна напомнила, что он не поздоровался.

— Добрый день, — резко ответил Пацепис и сразу стал выкладывать все, что было у него на сердце. — По какому праву вы суете нос в мою землю? Кто вам разрешил проскитываться отводную канаву на моем лугу?!

— Через ваши луга лежит кратчайший путь от Змеиного болота к Раудупе, — спокойно ответил Айвар. — В другом месте пришлось бы рыть в обход или через холмы, а это удорожает строительство. От этой канавы польза будет в первую очередь вашей земле. Я бы на вашем месте радовался.

— Я вам порадуюсь! — Пацепис повысил голос. — Я расстрою весь ваш проект. Ройте, где хотите, только не на моей земле.

— Почему ты противишься, отец? — спросила Анна. — Садись. Поговорим обо всем спокойно.

— У меня нет времени сидеть и торговаться с вами, — отрезал Пацепис. — Земля эта моя, я на ней хозяин. И как я говорю, так тому и быть. Никаких канав вы у меня рыть не будете!

— Да тебе же польза от этого... — возразила Анна. — Каждый разумный человек сказал бы спасибо, что ему помогают осушить луга и поля. Не понимаю, чего ты упорствуешь?

— Яйцо журицу учит! — Пацепис насмешливо посмотрел на Анну. — Побереги свою мудрость, доченька, к старости, а я обойдусь без твоих советов.

Анне было стыдно, что отец в присутствии Айвара выказывает свою тупость и безрассудное упрямство, терпение ее истощилось.

— Делай, как знаешь, — ответила она отцу. — Если не хочешь принять мой совет, потом не жалуйся. Запомни одно, отец: коллектив не позволит тебе без конца капризничать и мешать ему. Если ты не вступишь в колхоз и будешь противиться рытью отводной канавы через твою землю, мы переселим тебя из Сурумов в другое место. В том конце волости имеются бесхозные усадьбы. Одну из них отведут тебе, а земли Сурумов присоединят к колхозу. Не удивляйся моим словам, я говорю совершенно серьезно. Мы не позволим тебе мешать жизни всей округи.

Пацепис понял, что Анна действительно не шутит. Он испугался: ноги похолодели, лоб вспотел.

— Ты... ты меня выгоняешь из дома? — растерянно пробормотал он. — За то, что вырастил, сделал человеком? — Он молитвенно сложил руки, поднял их и громко воскликнул: — Господи, прости им их прегрешения, ибо сами не ведают, что творят! Не оставь меня, великий господь бог Саваоф!

Но его ханжеские крики ни на кого не подействовали, и, поняв, что борьба проиграна, Антон Пацепис насулился, горестно покачав головой, и вышел.

— Видал, какой крепкий орех мой отец? — сказала Анна, когда Пацепис вышел из комнаты. — Но сейчас, мне кажется, я его раскусил.

— Да... это орешек... — покачал головой Айвар. — Какое ему дело до логики, лишь бы настоять на своем!

...Приехав домой, Пацепис выпряг лошадь, закатил телегу под навес, разыскал старые вожжи и с помрачневшим лицом вошел в избу.

В кухне его встретила Лавиза.

— Ну как, Антон? — вялым голосом спросила она. — Куда несешь вожжи, разве под навесом нет крюка?

Не проронив ни слова, угрюмый, как прозовая туча, подошел хозяин Сурумов к жене, схватил ее за волосы и начал безжалостно стегать вожжами:

— Ты... ты, злой дух, довела меня до этого!.. Твое науськивание, твой змеиный язык отнял у меня детей!.. Теперь отнимут еще усадьбу! Зачем только живет такой человек!

— Зверь! — кричала не своим голосом Лавиза. — Люди, спасите! На помощь! Этот изверг больного человека убивает!

Никто не слышал ее отчаянных криков и не пришел на помощь. А Пацеплис не унылся, пока не устала рука.

11

Приехав в Ригу, Айвар узнал от отца, что его разыскивала какая-то молодая женщина. Не представляя, кто это, он не утруждал себя догадками и очень удивился, когда однажды вечером к нему на квартиру явилась Майга Стабулниеке.

— Правда ведь, не ожидал! — рассмеялась Майга, заметив смущение Айвара. — Испугался, будто увидел воскресшую из мертвых. Не веришь? На, потрогай. Такая же живая, как раньше.

Она весело захохотала, не отрывая настойчивого взгляда от лица Айвара.

— Удивляться есть чему... — ответил Айвар. — Люди говорили, что ты... за далекими морями.

— А вот, оказалось, жива и здорова, хожу по латвийской земле, как и ты, Айвар!

Айвар помог ей снять пальто и провел в свою комнату. Майга похудела, и это было ей к лицу. Судя по одежде — темносинему добротному шерстяному костюму и модным туфлям, — Майге жилось неплохо.

«Что ей надо от меня!» — думал Айвар. Он сожалел, что отец еще не вернулся с работы, — при нем быстрее можно было бы отделаться от непрощенной гостьи.

Майга рассказала Айвару о своей жизни за прошедшие шесть лет. О братьях она ничего не знала: когда немецкая армия капитулировала в Курземе, они служили в латышском легионе. Старик Стабулниеке с Майгой оказались в западных областях Германии и там, в каком-то лагере для перемещенных лиц, умерли прошлой осенью от тифа. Оставшись одна, Майга вернулась на родину и третий месяц жила в Риге, работала в ресторане заведующей буфетом.

— Я не жалею, — жить можно... Когда узнала, что ты в Риге, мне захотелось тебя встретить, поговорить... — закончила свой рассказ Майга.

— О чем именно? — спросил Айвар.

— Во-первых, об усадьбе отца. Я слышала, что там теперь колхоз. Как ты думаешь, Айвар, могу ли я надеяться, что мне, как наследнице, вернут хоть часть земли, строений и движимого имущества? Стоит ли об этом хлопотать?

— В усадьбе Стабулниеки теперь молочно-товарная ферма, — сказал Айвар. — Если бы ты приехала раньше... Я думаю, что тебе не стоит поднимать этого дела. Все сроки пропущены.

— Жаль... — вздохнула Майга, — надеялась, мне, как наследнице, вернут хоть что-нибудь из мебели. Когда устрою свою жизнь, всякая мелочь пригодится. У нас ведь была хорошая мебель. Если ты считаешь, что не стоит с этим возиться, я не буду ничего предпринимать.

— Устроишь свою жизнь, обойдешься и без старой мебели, для новой жизни нужно все новое, — пошутил Айвар.

— Понятно, так было бы лучше. Ты, как видно, устроился довольно хорошо.

— Как умели с отцом, так и устроились. А какие у тебя еще вопросы?

Майга помешкала, стала серьезной и, уставившись в пол, сказала:

— О нас... о тебе и обо мне, Айвар. Когда-то мы были близки, и все так складывалось, что мы... ну, ты сам понимаешь. Теперь, конечно, времена другие, мы оба стали другими. Может быть, ты никогда серьезно не думал... Если бы я знала, что ты... что у тебя серьезные намерения, я могла бы еще подождать.

Айвар давно не испытывал с такой силой чувства нежности. Для него было ясно, что Майга все еще надеется. Он понимал, что самое правильное и честное — откровенно сказать Майге, хотя это могло показаться и жестоким, что он никогда ее не любил, что ей следует искать свое счастье в другом месте.

— Я никогда не любил тебя, — сказал Айвар.

— Может быть, ты вообще не любил женщины? — спросила Майга. В ее глазах вспыхнула робкая надежда.

— Любил и люблю, но другую, — ответил Айвар.

— Понимаю... — Блеск в глазах Майги потух. — Прошло столько времени... жизнь требует свое. А она... хорошая? Лучше меня? Очень любит тебя?

— Она не знает о моих чувствах.

Майга, покачивая головой, сказала с грустной усмешкой:

— Ах ты, несчастный влюбленный! Значит, тебе все еще приходится обходиться без женской ласки. Сочувствую...

Айвар молчал.

Майга поднялась.

— Хорошо, Айвар, я все понимаю. Тебе не легко. Но если когда-нибудь тебе станет очень тяжело, вспомни меня. Я никогда не упрекну тебя, не буду просить того, чего ты не захочешь и не сможешь дать, но тебе будет со мной хорошо. Помни об этом, Айвар! А чтоб не пришлось меня разыскивать, вот мой адрес.

Она написала на клочке бумаги несколько строк, грустно улыбнулась Айвару и быстро ушла. Айвар не держивал ее.

Оставленную Майгой бумажку с адресом он разорвал, не прочитав. Потом сел за стол и, прежде чем раскрыть учебник, долго думал об Анне.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Антон Пацеплис постепенно разорялся, в Сурумах все разваливалось. Этот развал начался уже давно. Даже Кристина не могла приостановить его. Затормозить, временно замедлить неминуемое разорение — вот все, чего ей удалось добиться своим нечеловеческим трудом.

Хозяйство было запущено до последнего предела.

Скрежеща зубами, работал Пацеплис в ту зиму на лесозаготовках, выполняя свою норму. Только сейчас он понял, как много потерял, оттолкнув от себя детей. Лавиза с трудом управлялась со скотиной и на кухне, все полевые работы приходились на долю хозяина.

Да, теперь он сетовал, наживал мозоли и проклинал весь свет, но себя считал безгрешным, как агнец божий. После разговора с пастором Пацеплис убрал со стола библию и больше не пел по вечерам. Антон чувствовал себя обманутым и одураченным, на этом и кончилась кратковременная вспышка ханжества.

И, наконец, грянул последний удар, который, однако, Пацеплис перенес с редким спокойствием и мужеством: похоронив несколько месяцев, умерла Лавиза. В Сурумах, под крышей амбара, уже лет десять хранился сосновый гроб, приготовленный хозяином для себя: так когда-то делали его дед и отец, и так, по старой традиции, поступил и он. Теперь это посмертное обиталище пришлось уступить Лавизе. Кикрейзиене помогла обмыть и уложить в гроб покойницу, пономарь отзвонил на колокольне, а в воскресенье после обеда третью жену Антона Пацеплиса отвезли на кладбище. Надгробную речь произнес Рейнхарт. Провожающих было мало: Кикрейзис с женой да несколько любопытных старух, не пропускавших ни одних похорон.

У могилы Пацеплис долго тер глаза, пока они не покраснели и не стали слезиться. Лавизу похоронили рядом с Кристиной, а между Кристиной и Линой Мелдер было оставлено свободное место для самого Пацеплиса. Когда умрет, его похоронят здесь, между трех жен, чтобы близость его костей могла осчастливить покойниц.

«Как странно бывает в жизни... — думал Пацеплис, глядя на три могильных холмика, два старых и один еще пахнувший свежей землей. — Вот ты, человек, живешь, надрываешься, суетишься, строишь воздушные замки и добиваешься неизвестно чего, и вдруг тебя нет и ничего тебе не нужно... Другие продолжают надрываться, гоняться неизвестно за чем, а ты лежишь в своем ящике, и память о тебе постепенно исчезает. Но еще удивительнее, что они все три уже похоронены, а ты еще живешь, бодрый, здоровый, как крепкий дуб, с которым ничего не может поделать никакая буря. Наверно так нужно, иначе так не случилось бы. Ты должен жить, ты нужен этому грешному миру».

Ни Жан, ни Анна не пришли проводить в последний путь мачеху. Им, наверно, не понравилось, что хоронили с пастором, ведь коммунисты этого не признают, иначе пришли бы, если не ради Лавизы, то ради отца.

После похорон Пацеплис со старым Кикрейзисом выпили бутылку водки и закусили мороженым свиным салом, поминая покойницу и рассуждая о своей жизни.

— Так вот и выходит, что ты опять стал женихом, — шутил Кикрейзис, когда водка ударила в голову. — Уже в четвертый раз. Ну и везет тебе, Сурум.

— У каждого человека своя судьба, сосед, — ответил Пацеплис, тяжело вздохнув, и сделал печальное лицо. — Иной, так сказать, всю жизнь проживет гладко, а другой

живет, как на волнах. От судьбы не уйдешь. Как скорлупку какую, бросает тебя по житейскому морю.

Изрядную часть пути они проехали вместе и, сидя каждый в своих саниах, переговаривались.

— Эх, Сурум, не умеешь ты жить... — говорил Кикрейзис. — Дети твои вершат делами, а тебе от этой новой власти ничего не перепадает. С такой родней я бы на твоём месте сейчас управлял всей волостью. А теперь кто я... кулак... вредный элемент — сиди смирно да гляди, как бы с тобой чего не случилось. Я даже сказать ничего не могу: за каждое плохое слово против большевиков отвечать придется. А ты можешь говорить смелей, и молодец, что говоришь полным голосом. Сейчас ты для нас, старохозяев, вроде заступника. Но жить ты все-таки не умеешь, это я тебе говорю от души, как хорошему другу сердца.

— Кто как умеет, так и живет... — отозвался Пацеплис. — Не у всех одинаковая сноровка.

Дома хозяин Сурумов задал корму коровам, свиньям и разогрел себе еду, — прямо срамota, чего только ему не приходилось теперь делать. Поев, он достал старый семейный альбом и принялся разглядывать фотографии. Мать и отец... друзья молодости... знакомые девушки в день конфирмации — в белых платьях, с молитвенниками или евангелиями в руках... лихой парень — Антон Пацеплис, статный, молодцеватый, с подкрученными усами и серебряной часовой цепочкой на белом жилете... веселые компании на летних вечеринках, на свадьбах, крестинах... Дети Пацеплиса — Бруно, Анна, Жан...

И перед глазами Пацеплиса прошла вся его жизнь. Из разорванного конверта выпало несколько забытых фотографий, неизвестно как очутившихся в этом хранилище семейных реликвий, — Пацеплис и не подозревал, что они еще сохранились. С одной на Пацеплиса серьезно и немного грустно смотрела задумчивыми глазами красивая девушка.

«Ильза Лидум... — прошептал Пацеплис. — Самая красивая из всех девушек, которых я знал. Сколько времени прошло с тех пор, как я ее видел в последний раз, сколько времени...»

Он вспомнил зимний день, свадебный поезд, лошадей с бубенцами, счастливую, влюбленную Лину Мелдер, крепко прижавшуюся к его плечу... и молодую женщину с маленьким мальчиком в санях на краю лесной дороги. Много воды утекло с тех пор. Не было больше Лины, не было Кристины, нет больше Лавизы, но есть еще Пацеплис, есть Ильза и ее сын. Было время, когда они нуждались в твоей милости, но ты их не пожалел, у тебя были другие заботы. Теперь не мешало бы, чтобы кто-нибудь пожалел тебя, но кто это сделает? Кто, Антон Пацеплис? Какой мерой ты мерил, такую мерой возместится и тебе...

И Пацеплису стало жалко себя.

Он знал, что Ильза одна вырастила их сына; от чужих людей он узнал, что теперь Ильза работает заместителем председателя уездного исполкома (боже праведный, кто мог ожидать этого от тихой, простой девушки) и что ее сын — видный партийный работник, секретарь укома партии. Да, это он знал давно, но только сегодня пришло

ему в голову, что Ильза и Артур — близкие люди и что от них может перепасть что-нибудь и ему. А что, если он, жалкий и разоренный, наказанный грозной судьбой, предстанет перед Ильзой и своим сыном? От Анны помощи ждать нечего, она только и знает, что доставляет родному отцу всякие неприятности, но те двое, одинокие и обиженные... может, у них другие сердца в груди? Силы и власти у них гораздо больше, чем у Анны, может, жалости и нежности тоже хватит.

Чем больше думал об этом Пацеплис, тем больше зрела его уверенность в том, что в его жизни еще осталось неиспользованным важное обстоятельство, которое могло полностью изменить его положение. Разжалобить, пробудить в сердце Ильзы давнишние чувства, вызвать в сыне любовь к отцу и взлететь во второй половине жизни на такие высоты благополучия, какие ему никогда еще не снились, разве это не было благодарной и стоящей задачей?

Он уже вообразил себя в роли любимого отца и уважаемого друга молодости: его ласкают, балуют, усаживают в кресло перед затопленной печью и укутывают старые, уставшие ноги в теплое шерстяное одеяло, чтоб он не мерз... Больше не надо будет заниматься тяжелым и грязным трудом, ведь он достаточно надрывался на работе. — Отдохни, дорогой отец, ты это честно заслужил... Не выпьешь ли стакан грога или коньячку?

Пацеплис наслаждался картинами будущего благополучия, и ему казалось, что он действительно достоин его.

Всю ночь он не мог уснуть, ворочался с боку на бок и уже в три часа поднялся с кровати.

— Теперь ничто не мешает мне сделать это... — разговаривал он сам с собой, расхаживая из угла в угол. — Пока Лавиза была жива, неудобно было появляться им на глаза. Сейчас все изменилось, теперь я могу это сделать. Лавиза умерла в самое подходящее время, как подобает разумному человеку. Я не умею жить? Посмотрим, Кикрейзис, кто теперь будет выше: ты или Сурум?

Он набил полные ясли сена, чтоб коровам хватило на целый день (дойти — не надо было, недели за две до отела дойка прекращалась), насыпал свиньям полные кормушки мелкой картошки, разбросал зерно курам и собрался ехать в город. Он надел лучшую одежду, начистил до блеска сапоги, а к жилету прицепил старую часовую цепочку. Заперев все двери и приказав собаке сторожить усадьбу, Антон Пацеплис еще до рассвета выехал со двора.

Через несколько часов он уже сидел в парикмахерской и приказывал сбрить бороду, постричь волосы. На вопрос парикмахера, каким одеколоном побрызгать, Пацеплис ответил:

— Самым крепким и самым стойким. У меня сегодня торжественный день.

2

В последнюю поездку по волостям и поселкам Ильза Лидум простудилась и первый раз за свою жизнь осталась дома на правах больной. Ей казалось смешным и несправедливым, что человек, у которого температура чуть

выше тридцати семи градусов, вынужден лежать в постели, принимать лекарства и ничего не делать. Но ни врач, ни Артур не хотели и слушать ее возражения. Председатель уисполкома Пилаг даже побранил ее, когда она в понедельник утром заявила по телефону, что думает после обеда выйти на работу.

— Пока не разрешит врач, я запрещаю вам появляться в исполкоме, — сказал Пилаг тоном, не допускающим возражений.

— Но проверка готовности волостей к весеннему севу... — пыталась заикнуться Ильза. — Такой ответственный момент...

— Проверим без вас. Когда начнется весенний сев, вы будете уже на работе. Неужели вы не можете нам ничего доверить, товарищ Лидум? Как будто мы никуда не годимся.

Ильза сдалась. Хотя врач велел лежать в постели, она сама готовила обед, убирала квартиру — ведь легкое головокружение не могло служить поводом для полной бездельности.

Шел снег — вероятно, последний за эту зиму.

Снег сыпал, как из решета, белой шерстяной шалью покрывал землю, скапливаясь на крышах и голых ветвях деревьев. Скрипели полозья, фыркали заиндевелыми ноздрями лошади, последний зимний мороз румянил людям щеки. Снаружи по подоконнику прохаживался сизый голубь, время от времени поглядывая, не растворит ли Ильза окно, не насыплет ли ему корму?

Ильза думала про свою поездку. В Айзупской волости, где бывать ей как члену исполкома приходилось часто, вступила в строй новая школа, и теперь дети могли заниматься в хорошо оборудованных помещениях. Какое это было радостное событие, лица школьников светились счастьем, когда они впервые вошли в светлые классы и сели за новые парты. А что за концерт устроили в красивом Айзупском Народном доме! Какой хор, какой хореографический кружок! Не стыдно было бы показать их даже в Риге. Добрую половину участников концерта Ильза встретила на следующее утро на большаке в длинном обозе возчиков бревен.

С каким напряженным интересом люди слушали доклад о великих победах советских людей за второй год послевоенной Сталинской пятилетки... За примером ходить недалеко: здесь же в уезде было достаточно таких побед, на примере которых каждый мог сам наглядно убедиться в творческой силе советского строя. Жизнь с каждым днем становилась светлее, лучше, быстро заживали нанесенные войной раны, груды развалин уступали место вновь воздвигаемым заводам, дворцам культуры, жилым домам. Вместо взорванных мостов были построены новые, более крепкие и более красивые. Снова гудели телефонные провода, а электрический ток нес свет и энергию. Как радостно работать, отдавая свои силы расцветающей жизни, видеть, как на твоих глазах вырастает новый советский человек. Его труд одухотворен, всем его стараниям присуща глубокая целеустремленность, каждый миг он знает себя членом большого коллектива и действует с той уверенностью и смелостью, которая отличает только советского человека.

Хорошо жить в такое время и в таком обществе. Пусть за морями и далекими горами шипят темные силы, куют оружие, кричат о новой войне. Не испугают, не смутят они советского человека, он не сойдет со своей светлой дороги, ибо он тот, чья работа и сила обеспечат мир человечеству, в самом факте существования которого все честные люди мира черпают веру в будущее и силы для сегодняшней борьбы.

Погрузившись в размышления, Ильза не слышала, что в дверь постучали. Она очнулась, когда стук повторился громче и настойчивее. Ильза вышла в переднюю и открыла дверь.

Вошел человек высокого роста, в заснеженном полушубке, в заячьей шапке с опущенными ушами, с инеем на седеющих усах. В руке он держал мешок.

Ильза узнала этого человека, хотя не видела его больше двадцати пяти лет.

И разом рассеялось приподнятое настроение Ильзы, померк солнечный мир, который она мысленно создала. Будто смрадом пахнуло на женщину от призрака прошлого, так неожиданно вставшего перед ней...

Антон Пацеплис поставил мешок в углу передней, снял шапку и, не зная куда ее деть, мял в своих больших руках.

— Здравствуй, Ильза... — сказал он, неловко улыбаясь. Потом он протянул руку, но Ильза руки не подала.

— Здравствуй, — сквозь зубы процедила она. — Что тебе здесь нужно, Антон Пацеплис? Не перепутал ли ты адрес?

— Нет, не перепутал, — ответил Пацеплис осмелев: если Ильза не прогнала его сразу, то дело совсем не так безнадежно. — Мне надо было повидаться с тобой. Был в исполкоме, разыскивал по всем комнатам... там сказали, что сегодня ты на работе не будешь, поэтому пришел сюда. Секретарь исполкома дал мне адрес.

— Что тебе нужно, Пацеплис? — снова спросила Ильза. — Двадцать девять лет я тебе была не нужна, а теперь вдруг понадобилась.

— У меня серьезное дело, в одну минуту не расскажешь, — сказал Пацеплис. Его взгляд, как луч прожектора, ощупывал лицо и фигуру Ильзы, в глазах вспыхнуло удивление: она хорошо сохранилась, женщина как картинка, хотя ей уже за пятьдесят... каждому лестно иметь такую жену.

А Ильза думала:

«Стоит ли выслушивать этого чужого человека, может быть лучше сразу показать на дверь? Нет, она ведь не просто Ильза Лидум, а заместитель председателя уисполкома. Может, Пацеплис пришел по какому-нибудь общественному делу? Едва ли хватило бы у него нахальства навязываться со своими личными делами».

— Заходи в комнату... — холодно и сдержанно сказала она.

Пацеплис снял полушубок, повесил его, затем покопался в мешке в углу: сейчас развязать или немного подождать? Подумав немного, оставил мешок в передней и вошел в комнату. Сел без приглашения и долго с грустью смотрел на Ильзу (немного играть он умел). Закутав плечи

шалью, Ильза села у окна и стала смотреть на улицу. Пацеплис первым нарушил тишину:

— Так вот мы и встретились через много лет... Кто бы подумал, что пройдет столько времени, пока мы увидим друг друга? Быстро пролетела жизнь. (Какая она все же приятная и свежая...) Что я в своей жизни видел? Только горе да невзгоды. И теперь такая пустота, что жить не хочется... — Он тяжело и громко вздохнул.

— Пацеплис, что тебе нужно? — сурово спросила Ильза. — Какое мне дело до твоей пустоты?

Пацеплис, снова вздохнув, сделал постное лицо:

— Не будем вспоминать про старое. Что было, прошло. Человеку надо жить будущим. А мне жить тяжело. Один я, как надломленное дерево, и никому до меня нет дела.

— Не ври! — не выдержала Ильза. — У тебя есть дети — Анна и Жан. Хорошие дети. Ты не достоин таких детей.

— Какой в них прок, когда они бросили отца на произвол судьбы, — продолжал Пацеплис. Его голос становился все плаксивее. — Оставили усадьбу, живут по чужим людям. Я сейчас в Сурумах совсем один. Недавно похоронил жену. Хорошим человеком ее нельзя было назвать. И тогда я подумал так... Ведь у меня есть еще один сын... наш сын, Ильза...

— У тебя нет сына, Пацеплис! — воскликнула Ильза. — Выбрось из головы эту мысль. У меня есть сын, но он никогда не будет твоим. Ты от него отказался, когда ему был нужен отец. Теперь он обойдется без тебя.

— Но отцовская любовь ему нужна, как и всякому человеку, — не смутился Пацеплис. — Зачем ему жить всю жизнь сиротой? Нехорошо, конечно, что я не исправил свою ошибку раньше. Сейчас меня нужно бранить, я это вполне заслужил. Но исправить ошибку никогда не поздно. Этого так нельзя оставить, нашему сыну, Ильза, надо вернуть отца. Я готов искупить свою вину.

«Что он хочет сказать этим?» — Ильза впервые за весь разговор посмотрела на Пацеплиса, и в ее глазах было такое удивление, такая ледяная насмешка и ненависть, что у Пацеплиса пробежали по телу мурашки.

— Вот что... — произнес он. — Наши жизненные пути раз уже скрестились. Сама судьба указала, что мы подходим друг другу... ты и я. Если посмотреть, каковы мы сейчас, то надо признать, что сегодня мы даже больше подходим друг другу. Ты одинокая, я тоже. Два свободных человека. Исправим свою жизнь... Сложим наши косточки вместе. Старая любовь, говорят, не ржавеет.

— Ты... ты... — Ильза не могла говорить от негодования.

— Я делаю тебе предложение, Ильзит, предлагаю свою руку и сердце, — торжественно произнес Пацеплис. — Будь моей женой перед богом и людьми.

— Это все, что ты хотел мне сказать? — спросила Ильза, с трудом сдерживаясь.

— Все, моя дорогая, — подтвердил Пацеплис.

— И ты осмелился? — Ильза встала. — У тебя хватило наглости предложить мне подобное? Негодай, хоть бы постыдился ты. Ведь ты не человек, а животное. Исправить жизнь... Мне свою жизнь исправлять не надо,

а если бы нужно было, то не такой грязной заплатой, как ты. Уходи отсюда! Пацеплис, навсегда. Я не хочу тебя видеть. Ты мне противен!

— Не надо волноваться, Ильзит... — успокаивал ее Пацеплис. Он пытался приблизиться к ней, дотронуться до ее руки, но она оттолкнула его! — Не волнуйся. Ведь я пришел к тебе с любовью, как кающийся грешник... Попробуй простить меня. Подожди минутку.

Он выскочил в переднюю и вернулся со своим мешком.

— Я кое-что привез тебе. Может, пригодится.

Вытащив из мешка завернутый в тряпку кусок окорока, он посмотрел, куда его положить. Стол был накрыт чистой скатертью, — туда нельзя. Тогда Пацеплис постелил на стул старую газету, положил на нее окорок, потом достал кадочку с маслом и поставил рядом с окороком.

— Погляди, Ильзит, какой жирный, разве на базаре такого мяса достанешь! А это — маслице. Это все тебе. Только не сердись, твой старый Антон совсем не такой плохой, как ты сгоряча подумала. Мы еще заживем, Ильзит.

У Ильзы на языке было какое-то безжалостно-насмешливое слово, но она не успела его произнести, так как в комнату вошел Артур, — он пришел пообедать. Заметив незнакомого мужчину, сын вопросительно посмотрел на мать.

— У тебя гость, мама?

Пацеплис быстро повернулся к Артуру, лицо его расплылось в широкую улыбку, и он с удовольствием посмотрел на молодого человека.

— Какой рослый, Ильзит, прямо молодой дуб! — воскликнул он. — На такого сына отец с матерью не нарадуются.

— Гм... — Артур удивленно смотрел то на Пацеплиса, то на мать. Незнакомый мужчина доброжелательно улыбался Ильзе, а ее лицо было угрюмым.

— Что здесь происходит, мама? — спросил Артур. — Что это за окорок и кадушка?

— Этот человек... — Ильза показала пальцем на Пацеплиса. — Этот человек хотел купить нас обоих за окорок и кадушку масла. Посмотри внимательней — это твой отец.

— Правильно, молодой человек, такой он и есть, — проговорил Пацеплис. — Отец остается отцом. У каждого человека есть отец, один-единственный на свете. Дай я прижму тебя к груди, милый сын.

Он широко раскрыл объятия, но никто не собирался кинуться к нему на грудь. Смущенно и враждебно Артур смотрел на этого человека. Как-то в детстве Ильза рассказывала ему про отца, он уже точно не помнил, что именно, — наверное, что-нибудь плохое, — а больше об этом человеке ни разу не упоминалось. Артур вспомнил, как Лудис Трей и другие мальчишки прозвали его «Ильзиным сыном» и как ему было больно, когда чужие люди насмехались над его происхождением, над его любимой матерью. Так вот каков он, этот негодяй, искалечивший ее жизнь.

— Что ему здесь нужно? — спросил Артур. — Кто ему разрешил притти сюда?

— Никто не разрешил, — сказала Ильза. — Явился нас осчастливить. Говорит, ты якобы не можешь обойтись без его любви... и я тоже, — усмехнулась она мрачно. — Сделал мне предложение, понимаешь, Артур, этот негодяй предложил мне руку и сердце!

— Что ж тут плохого? — вмешался Пацеплис. — Почему я не имею права делать предложение матери своего сына? Ведь это доброе дело.

— Артур! — не выдержав, крикнула Ильза. — Будь добр, выброси этого негодяя за дверь.

Артур выразительно посмотрел на Пацеплиса и показал рукой на дверь.

— Вы слышали? Уходите отсюда. Берите свое масло, окорок и... убирайтесь! — Его голос дрожал от еле сдерживаемого гнева.

— И это называется сын... — шептал Пацеплис. Улыбка сошла с его лица; сейчас он выглядел жалким. Глазами полными слез смотрел хозяин Сурумов на своего сына. — Я пришел к вам с любовью, с глубокими и сердечными чувствами, а вы так меня встречаете...

Он вздохнул, сунул в мешок кадочку и окорок и, опустив голову, вышел из комнаты. Артур последовал за ним в переднюю, дождался, пока он надел полшубок, шапку, и выпустил его.

— Боже мой... боже мой... — шептал Пацеплис. — Что теперь со мной будет? Отчего ни один человек не понимает меня и не хочет любить?

Двери закрылись, щелкнул замок, и в квартире наступила тишина.

Артур вернулся в комнату, сел на диван рядом с матерью и нежно обнял ее за плечи. Когда Ильза немного успокоилась, Артур спросил:

— Кто он, мамочка? Расскажи что-нибудь... если тебе это не трудно. Мне все-таки надо что-нибудь знать о нем, каков бы он ни был.

3

И Ильза рассказала сыну печальную историю своей молодости — до того момента, когда они, перебираясь к Яну Лидуму в Лавари, встретили в лесу свадебный поезд.

— Ну, а дальше говорить не стоит, Артур, ты и сам все знаешь. Только запомни одно: этот человек ни разу не вспомнил о тебе и не попытался помочь. Он для тебя чужой, больше чем чужой, потому что чужой человек ничем тебе не обязан, а он не выполнил своих обязанностей. Он отказался от тебя еще до того, как ты появился на свет. Ты можешь считать, что у тебя нет отца, и никто не упрекнет тебя за это. Ты будешь прав, если от него отвернешься. Его собственные дети — те, которых он признавал своими, — ушли от него, ибо ничего, кроме батрацкого ярма и равнодушия, он им не дал.

— Как его зовут, мама? — спросил Артур.

Ильза погрузилась в раздумье.

— Почему ты молчишь, мама? — спросил Артур. — Разве тебе так трудно назвать его имя? Кто бы он ни был, я все равно всегда останусь Артуром Лидумом.

Ильза посмотрела на сына и грустно улыбнулась.

— Не сомневаюсь, Артур. У меня только одно желание: чтобы, узнав его имя, ты не стал плохо относиться к человеку, с которым ты дружишь.

— Неужели ты думаешь, я способен на такую нязность?

— Его зовут Антон Пацеплис. Он хозяин усадьбы Сурумы в Пурвайской волости и отец Анны Пацеплис, — твердо произнесла Ильза.

— Отец Анны?.. — Артур встал и взволнованно заходил по комнате. — Отец Анны...

— Так оно выходит, Артур. Но Анне тоже, как и тебе, нехватало отцовской любви, с той лишь разницей, что она рано лишилась и материнской ласки. В этом отношении ты счастливее ее.

— Жаль, я не знал этого раньше, — сказал Артур.

— Тебе следовало бы поехать к ней и обо всем поговорить.

— Поеду, сегодня же вечером. Мне все равно надо ехать в ту сторону.

После обеда Артур вернулся в уком партии, несколько часов поработал, а потом сел в старый «газик» и поехал в Пурвайскую волость. Дорога была сильно занесена снегом, местами машина буксовала, поэтому Артур доехал только поздно вечером. Оказалось, что Анна уже ушла домой.

— Ничего, сегодня не буду ее беспокоить, — решил Артур. — Утро вечера мудренее.

Он попросил делопроизводителя волисполкома открыть кабинет председателя Бригиса, улегся на старом просиженном диване и долго за полночь читал захваченный с собой роман Фадеева «Молодая гвардия».

Анна пришла на работу ровно в девять. Артур уже встал, успел умыться, побриться и позавтракать. Он сейчас же отправился к парторгу.

Анна с первого взгляда поняла, что произошло что-то серьезное: обычно уравновешенный и уверенный, секретарь укома был чем-то смущен, ходил по комнате и не мог начать разговора.

— Что случилось, Артур? — спросила Анна, с беспокойством глядя на раннего гостя. — У тебя неприятности? Может, мы сделали что-нибудь не так?

— Кое-что действительно случилось... — сказал Артур. — Но я еще не знаю, приятное или неприятное.

— Почему ты не сядешь?

— Ничего, мне так лучше, но ты сиди, Анныня.

Наконец он остановился у письменного стола, посмотрел в окно, о чем-то думая, затем повернулся к девушке и неловко улыбнулся.

— Ты знаешь, что я вырос без отца. Ничего о нем не знал и привык думать, что у меня его нет. А вчера я имел честь увидеть его.

— Правда? — воскликнула Анна. — Это чудесно. Ты нашел отца... Воображаю, какая это для тебя большая радость.

— Да, большая радость... — В голосе Артура прозвучала ирония. — У тебя тоже есть отец, а ты очень рада этому?

Анна смутилась и опустила глаза.

— Не все отцы, Артур, похожи на моего... — прошеп-

тала она. — Есть среди них люди честные, и таких большая часть.

— Но наш принадлежит к дурному меньшинству.

— Наши — хочешь ты сказать... — поправила Анна.

— Нет, именно наш, — сказал Артур. — У нас один отец, Анныня, Антон Пацеплис из Сурумов. Вчера на мою долю выпало, наконец, счастье впервые увидеть его своими глазами — он приезжал к нам и сделал предложение моей матери.

— Не может быть! — вырвалось у Анны. — Только позавчера он похоронил жену. Нет ли тут какого недоразумения, Артур?

— Недоразумения нет. Вчера твой отец был в городе и совершенно официально предложил руку и сердце моей матери. Конечно, он был отвергнут, а мне стало известно то, о чем я сейчас тебе рассказал. Выходит, мы родственники, — я имею в виду тебя, Анныня, а не его, конечно. Он никогда не будет моим родственником.

— Брат и сестра по отцу? — Анна с радостным изумлением посмотрела в глаза Артуру.

— Да, выходит так, — улыбнулся тот. — В конце концов в этом нет ничего плохого. Мы до сих пор были хорошими друзьями, думаю, ими и останемся. Мы дети одной судьбы, вернее падчерица и пасынок. О чем ты думаешь, Анныня? Как бы там ни было, нам не стоит ни грустить, ни отдаляться друг от друга.

— Ты... ты слишком добр, Артур... — сказала Анна. — Ведь тебя ограбили, и тебя и Ильзу. И я тоже, сама того не зная, повинна в этом.

— Неверно, Анныня. Ты никого не грабила. И если хорошенько поразмыслить, разве мы что-нибудь потеряли? Чего он стоит, наш так называемый отец? Любой чужой человек дороже его. Хорошо, меня он просто забыл, но ты-то выросла у него на глазах. Скажи: что он тебе дал? На много ли больше моего получила ты от него? Я ни на минуту не завидовал тебе. Наоборот, ты можешь позавидовать мне, что я не рос в атмосфере того ужасного эгоизма, жестокости и равнодушия, как ты. Мы случайно нашли друг друга, и сама жизнь сделала нас хорошими товарищами и друзьями. Теперь будет еще лучше: вместо одного брата у тебя будут два, а я приобрел сестру, которой у меня не было.

— Если бы ты знал, Артур, как я хочу, чтоб так было, — ответила девушка. — Как я сейчас богата... богата твоей дружбой.

— А как нам быть с отцом? — спросил немного погодя Артур. — Он, конечно, человек неважный, но дать ему погибнуть не хочется.

— Я согласна с тобой, Артур...

Зазвонил телефон, Анна сняла трубку.

— Товарищ Пацеплис? — раздался не то встревоженный, не то радостный голос Регута. — Мне надо сообщить вам одну приятную новость...

— Я слушаю, товарищ Регут... — отозвалась Анна. — Что за новость?

— По телефону говорить неудобно, — ответил Регут. — Вы еще побудете немного у себя?

— До обеда никуда не пойду.

— Ладно, тогда я сейчас приеду. Только не уходите. Эта новость очень обрадует вас.

Анна положила трубку и улынулась.

— Регут хочет чем-то удивить меня. По всей вероятности, что-нибудь серьезное, если не хочет говорить по телефону. Подожди, Артур, пока он придет, — может, и тебе будет интересно услышать. А пока подумаем, как нам быть с отцом. Может, и впрямь применить самые крутые меры и выставить его из Сурумов?

4

После обеда поднялась настоящая метель.

Почуяв, что хозяин забыл про нее, лошадь перешла с рыси на спокойный шаг и лениво тащила сани по занесенной дороге, временами косясь назад. Хотя шкура клячи испытала и удары кнутом и пинки ногой, — все же мало приятного, когда завязанные на кнуте узлы жалят бока. Хозяин бил жестоко — прямо по ногам, где меньше мяса и потому больнее всего.

Но сейчас Пацеплису не было дела до лошади. Погрузившись в глубокое раздумье, он не видел и не слышал, что происходило вокруг него.

Такой позор, такой позор... родной сын выставил за дверь, как назойливого нищего, — нехватало только, чтобы схватили за шиворот и выбросили на улицу. Куда девались прекрасные мечты о совместной жизни в любви и дружбе? Куда делось мягкое кресло и стакан грога? Прикрикнули, как на собаку, и показали на дверь. За что? Почему?

Он пытался обидеться, рассердиться, выразить протест, но нехватало злости. «Почему все люди отворачиваются от меня и презирают? — снова и снова спрашивал он себя. — Что я такого плохого сделал? За всю свою жизнь не присвоил ни крошки чужого добра и жизни никого не лишил. Откуда такая ненависть? Анна... Жан... теперь Ильза и Артур — все сторонятся, как от прокаженного. Даже чужие люди, и те отворачиваются. Только Бикрейзисы... но у тех свой расчет: стараются натравить на весь свет, как старую собаку, чтоб потом посмеяться над тобой. Почему? Разве ты грешнее своих соседей? Почему их оставляют в покое? Или ты проклят нечистой силой?»

Он почувствовал себя отверженным, одиноким. Мозг тщетно искал объяснения этой загадки и не мог найти, ибо слишком самоуверен и себялюбив был Пацеплис.

«Двадцать девять лет я тебе не нужна была, а теперь вдруг понадобилась...» — звучали в ушах безжалостные слова Ильзы. «Может, я неправильно вел разговор? Надо было терпеливо подготовить почву, немного польстить, сильнее покаяться в старых грехах... Дать посердиться, успокоиться и только тогда заговорить о своем предложении...»

Но нет, в глубине его души уже зародилось сомнение. Он уже не верил, что иными словами и действиями можно было достичь иного результата. Ошибка произошла не сегодня, ее нельзя было исправить ни словами, ни обещаниями. Следовало начать жизнь сызнова, но это так же невозможно, как невозможно родиться второй раз.

Стемнело. Ветер разогнал тучи, в небе замерцали звезды. Мороз крепчал, и Пацеплис стал пробирать холод. Он вылез из саней и зашагал пешком. Как на грех утром он надел сапоги, и теперь сильно мерзли ноги. Прямо смех: будто лоск сапог мог кому-нибудь ослепить глаза! Наверно, даже не посмотрела на твои блестящие голенища, а ты прихорашивался и душился, как старая обезьяна.

Почти к полуночи приехал домой Пацеплис. В хлеву беспокойно мычала и визжала проголодавшаяся скотина. Жалобно скулила собака. Неприветливо встретила хозяйина пустая, неоплавленная изба. Пацеплис разделся и, не поужинав, забрался в холодную постель, но сон не шел. В окно глядела яркая луна, призрачный полумрак царил в комнате. Провалившись около часа без сна, хозяин сел на край кровати, затем оделся и, как лунатик, заходил по комнатам. Вышел в кухню, зачерпнул ковшом воды и долго пил, хотя пить совсем не хотелось. Коровы продолжали мычать. Теперь и собака завывала. Хоть бы скорее утро...

Пацеплис набросил на плечи полушубок и, разыскав кусок хлеба, вышел во двор.

— На, жри и перестань выть! — крикнул он собаке и бросил ей хлеб. Собака тотчас умоляла и, схватив кусок, легла на порог и стала жадно глотать его.

Пацеплис пошел в хлев, набил ясли сеном, налил воды, а свиньям насыпал картошки. И, как призрак, заходил по двору, освещенному луной. Станным казалось, что никто его не окликнет, не позовет в избу. Собака, покончив с хлебом, медленно ходила за хозяином, аппетитно пожевывая и виляя хвостом, хотя Пацеплис не обращал на нее внимания.

«Что теперь будет? — думал Пацеплис. — Как я буду жить? Кто мне станет варить обед, убирать избу, ходить за скотиной? Буду сидеть в своей норе, как зверь. Никто ко мне не зайдет, и никому я не нужен. Если куда-нибудь пойдешь, усадьба останется без присмотра... все растащат, без рубашки находишься. За что такая ужасная кара?»

Он остановился у амбара, посмотрел на дорогу. «Ах, хоть бы какой прохожий появился, — все равно кто, лишь бы человек, — можно было бы поговорить, услышать человеческий голос. Все бы легче стало. Ужасно быть одиноким.

Пацеплис вернулся в избу. Он ходил из угла в угол, будто что-то искал.

В бывшей камерке Анны он долго смотрел на пустую кровать и прислушивался, как возятся под полом мыши. Воздух здесь был спертый, и чувствовался запах плесени, — помещение не проветривалось со дня ухода Анны.

«В таком воздухе нельзя жить, — подумал Пацеплис. — Задохнешься».

Немного спустя он стоял в тесном углу Жана и снова смотрел на пустую кровать. Здесь так же, как и в камерке дочери, пахло плесенью и под полом возились мыши. Когда Антон вернулся в большую комнату, ему показалось, что и здесь нечем дышать. Грудь сдавило, на сердце легла какая-то тяжесть. Сев на скамейку, хозяин заплакал. Он знал: никто не придет его утешить и никто его не пожалеет. Ужас неизбежного одиночества навис над ним, как черные крылья гигантской птицы.

Да, наконец он все понял. Понял, что всю жизнь был скрягой и никому ничего не дал: ни крупницы сердечности, ни капли ласки, ни бескорыстного дружеского слова. Поэтому нет у него сейчас права на любовь и ласку.

Стоит ли вообще дальше жить? Сухостойные деревья рубят на дрова и жгут, чтобы человеку было теплее; а на что пригодится твоя скупая и черствая душа?

Антон еще раз поднялся, вышел в кухню, разыскал вожжи, которые лежали в углу с того раза, как он избил Лавизу. Словно заколдованный, сжимал он грубую веревку, ища глазами на стенах подходящий крюк. Но не было ничего подходящего, что выдержало бы тяжесть его тела. Надо пойти в клеть, там под навесом вбит в стену железный шкворень — тот выдержит...

Шкворень, возможно, выдержал бы, но не выдержал человек; весь свой век Антон Пацепис крепко держался за жизнь. Пальцы разжались, вожжи упали на земляной пол, хозяин вздохнул в последний раз и вошел в комнату. Он сел у окна, стал смотреть на освещенный лунным светом двор, ожидая утра. А когда рассвело, все было продумано — что делать и как жить.

Пацепис запряг лошадь и рано поутру уехал в правление колхоза. Он прибыл туда, когда никого из работников правления еще не было. Ему пришлось прождать почти целый час, пока появилась счетовод Марта Клуга. Девушка подивилась на раннего посетителя и спросила, что ему нужно.

— Председателя Регута. Он сегодня будет?

— Должен скоро притти, — сказала Марта и занялась бухгалтерскими книгами.

Через полчаса явился Регут. Увидя Пацеписа, он удивился еще больше, чем Марта, но не дал ему заметить это.

— Что у соседа на сердце? — спросил Регут.

— Мне надо с вами поговорить по важному делу, — сказал Пацепис. — Но только без свидетелей.

— Раз надо поговорить, поговорим, — пробасил Регут. — Пойдем в мою комнату.

«Наверно, опять пришел ругаться по поводу отводной канавы», — подумал председатель колхоза и начал прикидывать, каким образом лучше утихомирить упрямого крестьянина.

— Я слушаю, товарищ Пацепис... — сказал Регут, когда оба вошли в его комнату.

Пацепис выпрямился во весь рост, подошел поближе к столу, за который уселся Регут, и пристально посмотрел ему в глаза.

— Товарищ Регут, я пришел просить, чтоб меня приняли в колхоз... — заговорил он тихо и торжественно. — Дальше я так жить не могу. Что я должен сделать, чтобы меня приняли членом в вашу артель?

...Такова была радостная новость, о которой Регут хотел рассказать в то утро партгруппе. Когда он, наконец, прибыл в волисполком и обо всем рассказал Анне и Артуру Лидуму, лицо Анны просияло.

— Вот теперь я должна поспешить к отцу, — сказала она. — Если он решился на это, то нельзя его оставлять одного.

Общая земельная площадь колхоза «Сталинский путь», включая усадьбы Меллеров и Стабулиниевых, составляла около восьмисот гектаров. Пахотной земли было почти пятьсот гектаров, остальная состояла из лугов, пастбищ, леса и поросшего кустарником болота. Из пятисот гектаров пахотной земли примерно одна треть находилась в низине и начала заболачиваться. В середине общего массива небольшими разбросанными островками выделялись десятка два индивидуальных хозяйств, земли кулаков и середняков — в том числе земли Кикрейзиса и Сурума. Эти земли можно было считать резервом артели; поэтому при разработке планов землеустройства, введения севооборота и перспективного хозяйственного развития колхоза Айвар Лидум, Римша и Регут брали в расчет и эти земли. Уже сейчас можно было предположить, что до осени к колхозу присоединится не меньше половины этих хозяйств.

На новой конеферме колхоза было сорок восемь рабочих лошадей и двенадцать жеребят, а на молочно-товарной ферме — сорок шесть дойных коров и два породистых быка-производителя, полученных от сельскохозяйственного кооперативного товарищества. В колхозе на первых порах организовали одну скотоводческую и две полеводческих бригады, их закрепили за участками, снабдили сельскохозяйственным инвентарем и тяглом.

Анна нашла среди комсомольцев волости подходящего человека на должность счетовода — дочь бригадира Клуги, Марту. Девушка только в прошлом году окончила среднюю школу и работала в волисполкоме. Бухгалтер МТС обязался помогать ей советом и первую неделю проработал вместе с Мартой в правлении колхоза.

Вскоре после объединения скота начались коллективные работы. В амбар засыпали зерно для весеннего сева, новые колхозники завезли на обе фермы сено, клевер, солому. Небольшая строительная бригада начала ремонт и переоборудование конюшни, коровников, амбара и других построек. Работа находилась для каждого, кто хотел трудиться.

Первую неделю после объединения коров двор усадьбы Стабулиники по вечерам был полон женщин. Гандриене приходила проводить, как живет ее Буренушке, то же желание приводило сюда многих молодых и старых жен и матерей колхозников. Критически наблюдали они за работой доярки и проверяли, чем заполнены ясли их любимой скотины, правильно ли разбросан подстил, щупали коровам ребра, гладили их и бормотали ласковые слова:

— Ну, как ты теперь живешь, моя коровушка? Достаточно ли получаешь корма? Не бодают ли чужие коровы, не лежишь ли в навозе?

Для особых нареканий причин не было: Ольга Липстынь оказалась довольно хорошей и строгой хозяйкой фермы и с первого дня старалась приучить доярку к настоящему порядку. Скотину всегда во время кормили, поили и доили, в коровнике всегда было чисто. Но виданное ли дело, чтобы многоопытной крестьянке, любившей свою скотинку, как родных детей, не бросилось что-нибудь в глаза и чтобы она не нашла повода для горестного вздоха

и критического замечания. Ольга Липстынь примирилась с этими посещениями фермы, терпеливо выслушивала замечания колхозниц и все дельное принимала во внимание. Этот добровольный общественный контроль, по правде говоря, помог поставить ферму на ноги и установить нужный порядок. Скоро число посетителей стало уменьшаться, придирок становилось меньше, колхозницы успокоились и перестали печалиться о «горькой судьбушке» своих коров.

Почти то же самое происходило первое время и на конеферме. Никто не сомневался, что Петер Гандрис кое-что понимает в лошадях и что он честный парень, но разве он мог один как следует уследить за всеми сорока восемью лошадьми и двенадцатью жеребятами, во-время заметить, в чем нуждается каждый конь.

— Лошадь, Петер, лучший друг и помощник человека, — напоминали колхозники заведующему конефермой. — С лошадью надо обходиться, как с человеком. Животина не может сказать, что у нее болит, нет у нее языка. Или наколода ногу, или седелка натерла хребет, или надорвалась — все надо видеть и понимать человеку. Одним кнутовищем коню силы не подбавишь, самое главное — не дать надорваться, не обижать животное.

Они хорошо понимали, что Петеру Гандрису все это так же ясно, как им самим, а все-таки на душе у них было спокойнее, когда они высказывали свои заботы и еще раз напоминали всем известные истины, — лишним напоминанием и хорошим советом никогда и ничего не испортишь.

Так же, как Ольга Липстынь, Петер Гандрис терпеливо выслушивал замечания колхозников и обещал все принять во внимание.

Работая в поле, колхозники старались получить своих бывших лошадей, а кому приходилось работать без лошади, тот пытался поговорить с Петером с глазу на глаз и шопотом уговаривал его:

— Мой Анцис не такой уж сильный, ты не посылай его на тяжелую работу. У других рослые, крепкие лошади, — пусть они и пашут.

Или так:

— Моя кобылка еще молода и горяча, дай ее хорошему колхознику, иначе надорвется и пропадет.

Один старичок, которому давно пора было сидеть дома и рассказывать внукам сказки, до тех пор не давал покоя правлению, пока его не назначили на конеферму конюхом. А там были две лошади его сына. Когда вечером лошади возвращались в конюшню, старый крестьянин так внимательно осматривал своих бывших лошадей, ощупывал копыта, проверял, не болтаются ли подковы, точно был членом закупочной комиссии. Если колхозник-возница оставил что-либо без внимания, старик стыдил и бранил его так, что того бросало в жар. Вечером, когда лошади ели в своих стойлах сено и овес, старичок незаметно подкладывал в ясли «своим» лишнюю охапку клевера, засыпал лишнюю горсть овса, и поило с мучной подболткой у его лошадей всегда оказывалось гуще, чем у прочих.

Граница между «мой» и «наш» еще не была уничтожена. Вчерашний единоличник продолжал смотреть на

бывшую свою собственность глазами частного владельца, в его сознании она оставалась чем-то более близким, дорогим и ценным, чем общественное имущество.

Регут был прав: ветхий Адам еще крепко сидел в сознании многих колхозников, и надо было хорошо поработать над перевоспитанием людей, пока они не сбросят с себя путы былого, пока понятие «наш» не сольется с понятием «мой». Колхозники понимали, что теперь смешно держаться за обломки старой жизни, стыдились этого и, как умели, скрывали свои переживания от других. Все это походило на болезнь, которой надо переболеть, чтобы потом стать вполне здоровым.

«Выздоровление» быстрее всего протекало в тех семьях, где не было наслоенных поколениями традиций, — вчерашние батраки, исполщики, новохозяева и мастера-вые меньше оглядывались назад и с первых шагов коллективизации стали смело и уверенно смотреть в будущее. Их не притягивал, как магическая сила, «свой уголок, свой клочок земли». Им было все равно, какое поле пахать и где сеять, — всюду они работали с радостью и любовью. Середняк, между которого уничтожил трактор МТС, просил бригадира, чтобы тот разрешил ему хоть эту весну поработать на своей бывшей земле.

— Колхозу ведь все равно, а мне здесь привычнее. Каждая пядь земли исхожена, каждый камень посреди поля знаком. Разве вам не безразлично, где я свой трудодень заработаю?

Регуту и Клуге приходилось немало потрудиться, чтобы добыть рабочих для посылки на другой конец колхоза, где нехватало рабочих рук. У одного сразу заболел живот, у другого занемогла жена, у третьего появлялись неотложные дела в городе. И пока они препирались, время шло, лучшие сроки посева прошли и почти восемьдесят гектаров ярового клина остались незасеянными. Положение спасли комсомольцы: они заявили о своем желании работать на дальних участках, им удалось увлечь за собой и часть остальной молодежи. В бригаде Клуги организовалась особая молодежная ударная группа. Задание было выполнено, и вместе с тем молодежь провела глубокую борозду в сознании родителей. С уничтожением межевых знаков и слиянием мелких земельных участков в крупные поля постепенно отмирали и старые представления в сознании людей.

Когда новохозяину Яну Липстыню осенью 1944 года отвели пятнадцать гектаров земли, он работал на них до седьмого пота, но когда он вместе со всей полеводческой бригадой вышел впервые на колхозное поле, он уже не утруждал себя, не горячился, не торопил лошадей. Медленно и спокойно шагал он за плугом, а в конце борозды обязательно останавливался и закуривал трубку. Если случалось, что поблизости находился пахарь соседнего участка, Липстынь подходил к нему, и они долго болтали о жизни, хвалились своими женами, обсуждали волостные сплетни. Они не спешили, будто кто-то им говорил: нечего спешить, пахать успеется — не своя ведь земля...

Липстынь первое время чувствовал себя на колхозном поле, как поденщик. Не работать нельзя было — ведь он для этого вступил в колхоз, — но нехватало той напряженной озабоченности, которая заставляла вставать до

света и постоянно думать о том, как бы во-время вспахать, засеять, скосить и убрать все со своего небольшого клочка земли. Ему казалось — не его дело думать, что станется с полями артели: об этом должны заботиться Регут, Клуга, правление колхоза, — ведь для этого их и выбрали. Свою приусадебную землю он, конечно, успеет обработать и выжмет из нее все, что можно.

В конце недели, когда бригадир Клуга обмерил вспаханное и записал в книжку трудодни, результат заставил Липстыню задуматься: в среднем он вырабатывал не больше восьмидесяти процентов дневной нормы. Он, известный всей волости своим трудолюбием, — и восемьдесят процентов! Ведь это скандал. Когда Ольга Липстынь узнала об этом, она крупно поговорила с мужем.

— Скажи, Ян, есть у тебя стыд или нет? — воскликнула она. — Восемьдесят процентов... это же курам на смех. Завтра в правлении колхоза вывешат таблицу с выработкой. Люди будут пальцами показывать и насмехаться. Говорят, и вспахан твой участок неважно. Ты что — пахать разучился?

— А ты хочешь, чтоб я разорвался на этой артельной работе? — огрызнулся Липстынь, избегая взгляда жены. — Ко всему надо привыкнуть... и к артельной работе. Нормы, качество, трудодни... об этом раньше никто и понятия не имел. На глазок пахали и сеяли, кто как умел, и ладно было. Теперь приходит какой-то там Клуга и начинает копать в моей пахоте: и это нехорошо, и то никуда не годится. Разве я агроном...

— Постыдись, Ян, не пристало так говорить активисту, — сказала Ольга. — Ты должен другим пример показывать, и ты это можешь, надо только захотеть. Не на чужого работаешь, сам на себя, на свой колхоз. Поменьше думай о приусадебном участке. Не там источник нашей зажиточности, не там наше будущее, а вон там, за околицей усадьбы, на колхозных полях.

Липстынь понимал — жена права, но ему было неприятно, что она так говорит, поэтому он спорил и ничего не обещал. Однако на следующей неделе он уже работал иначе и ежедневно выполнял норму, а на третьей неделе начал давать по сто двадцать и более процентов. Только тогда он набрался храбрости и завернул в правление колхоза посмотреть на большую доску, где среди прочих было вписано и его имя. На его счету уже было двадцать семь трудодней. Это было неплохо. Правда, у Ольги было немного больше, но она ведь работала на определенном месте, где надо находиться ежедневно, даже по воскресеньям.

Еще были такие колхозники, которые не особенно полагались на хозяйственные успехи артели и первый год ее существования не верили, что из колхозного дохода что-нибудь получится, когда его разделят на трудодни, — неизвестно, можно ли будет на это прожить. Некоторые колхозники трудились на коллективной работе ровно столько, сколько нужно для того, чтобы их не вызвали в правление и не называли саботажниками, а в остальное время понемногу спекулировали, закупали у единоличников масло, мясо, картофель, зерно и возили продавать на базар. Нашлись даже двое таких умников, которые обзавелись батраками и, выдавая их за своих родственников, посылали на колхозные работы, трудодни записывали на

свое имя, а батракам платили деньгами. Так продолжалось недели две. Когда Регут узнал об этом, обоих ловкачей вызвали на заседание правления.

— Что же, соседуськи, или в колхозе жить надоело? — спросил Регут. — Хотите действовать по-кулацки; заниматься эксплуатацией? Кто разрешил вам держать наемную рабочую силу и присваивать себе трудодни, которых вы не заработали?

— Какая там наемная рабочая сила, — оправдывались те. — Близкие родственники. У них нет пристанища, поэтому временно живут у нас. Их никто не посылает на работу, сами попросились немного поразмять руки, а заодно отработать за кров и харчи.

— Смотрите, как вы нас исключили из колхоза, — сказал Регут. — Не знаю, можно ли будет оставить вас в артели. Пользы от вас никакой, работать не хотите, занимаетесь эксплуатацией. Таких людей нам не надо.

Смекнув, что дело принимает серьезный оборот, оба предприимчивых крестьянина обещали сделать все, чтобы искупить свою ошибку, только бы их оставили в колхозе.

— Это может решить только общее собрание, — сказал Регут. — Как коллектив решит, так и будет.

И лишь только после того, как оба провинившихся усердно потрудились со своими семьями в полеводческой бригаде, общее собрание оставило их в артели, ограничившись основательной головомойкой и предупреждением. Этот случай положил конец попыткам возобновления кулацких повадок.

Однако рядом с этими проявлениями отмирающего прошлого в колхозной жизни было много нового, хорошего, обещающего. Большинство колхозников с увлечением принялись за работу и не жалели сил для общего дела. На каждом шагу проявлялась забота о коллективном имуществе, сознательное отношение к своим обязанностям, непримиримость ко всему уродливому, отсталому и корыстному. Люди были бдительны и стояли на страже интересов колхоза, смело обличали каждое замеченное безобразие, нерадивость, беспечность и общими усилиями добились того, что жизнь колхоза «Сталинский путь» сравнительно быстро потекла по правильному руслу.

Анна неустанно следила за всем, что происходило в колхозе, и, как умела, помогала Регуту — учила, воспитывала колхозников и в то же время сама много читала и училась. Она помогла организовать мичуринскую лабораторию, где в свободное время занимался с колхозниками агроном Римша, а позже — Айвар. Почти каждый комсомолец и пионер в ту весну завели по маленькому опытному участку.

6

В колхозную собственность перешла часть имущества, принадлежавшего ранее кооперативному сельскохозяйственному товариществу: небольшая пилорама, грузовик и разные сельскохозяйственные машины. Для колхоза удалось достать несколько вагонов суперфосфата, и когда в самое горячее время весенних работ иссякли запасы кормов для скота, а на пастбище трава еще не подросла,

Пилаг получил в Риге разрешение на покупку нескольких тонн сена из запасов заготовительного пункта.

— Что мы в первый и последний раз кормили свою скотину чужим сеном, — объявил Регут. — Хоть кровь из носу, а сено и клевер в этом году заготовим. Обкосим края всех канав, наполним все силосные ямы. Клевера посеём столько, чтоб в нашей артели больше не было разговоров о нехватке кормов для скота.

В середине апреля Регут, Анна и бригадир мелиоративной группы Алкснис были вызваны в Ригу на заседание экспертной комиссии, где рассматривался технический проект осушения Змеиного болота и прилегающих к нему земель. Проект был утвержден с небольшими изменениями. После этого колхоз заключил договор с мелиоративной строительной конторой, которая взялась провести все осушительные работы, а колхоз обязался дать необходимое для этого количество рабочих.

На большом дворе Пурвайской МТС появились новые машины: два экскаватора, бульдозер, грейдер и несколько тракторов. Машины и инвентарь, нужные для дальнейших работ, решено было доставить позже, когда мелиоративные работы значительно продвинутся. Вместе с машинами появились и новые люди — машинисты, мотористы и прочий персонал.

Самой большой мечтой Жана Пацеплиса было сесть на экскаватор и участвовать в рытье магистрального канала. Драва вначале ворчал, что МТС сама нуждается в таких рабочих, но когда Финногенов напомнил о данном Айвару Лидуму обещании всячески помогать мелиораторам, директор разрешил Жану перейти на работу в мелиоративную строительную контору.

Старший машинист экскаватора Дудум — старый, опытный специалист, полжизни проработавший на осушке болот, — взялся познакомить Жана с экскаватором и подготовить его к самостоятельной работе.

— Смотри в оба и наматывай на ус, — сказал Дудум. — Я только в самом начале смогу быть рядом, а как пустят на работу второй экскаватор, мне придется работать на другой стороне болота, на второй магистрали. Стыдно будет, если такой славный парень не выполнит норму. Ну, подумай сам, что составляет для такой машины двадцать пять кубометров в час?

— За первую смену я не ручаюсь, но если, начиная со второй, не дам нормы, гоните меня в шею и скажите, что из меня экскаваторщик не выйдет, — довольно самоуверенно ответил Жан. Кое-какое представление о предстоящей работе у него было: прошлой осенью, уезжая на курсы, он по дороге завернул на какое-то болото и с полчаса наблюдал за работой экскаватора, поэтому был уверен, что дело пойдет.

Вернувшись с курсов, Жан опять поселился в Сурумах. С тех пор как отец вступил в колхоз, Анна тоже жила с отцом, и благодаря ее заботам здесь воцарился известный порядок: в комнатах стало чисто, уже не пахло сыростью, отец не ходил оборванным, в грязном белье. Пацеплис оставил себе только одну корову, всю прочую скотину, включая свиней и овец, отдал в колхоз. Он хотел даже избавиться от домашней птицы: кто будет с ней воз-

зиться? Но Анне удалось убедить его, что десяток кур — не слишком тяжелое бремя для Сурумов.

Первое время после вступления в колхоз Антон Пацеплис был задумчив и сосредоточен. Вначале он возил сено и суперфосфат, а затем его послали на конеферму помогать Петеру Гандрису, потому что в хозяйстве Антон Пацеплис с юных лет интересовался только лошадьми. Изю дня в день работал он теперь в бывшей конюшне Мелдеров и часто думал о превратностях судьбы, которые обыкновенный человек никогда не может предвидеть. Разве он не надеялся провести свою старость в Мелдерах вместе с Бруно? Наследник Мелдеров давно уже лежал где-то в Ауреком бору — собаке собачья смерть; старые Мелдеры вместе со Стабулниексами скитались неизвестно где — или в Швеции, или в западной зоне Германии, и грехи их так велики, что они не смеют и показаться на родине, — а Антон Пацеплис хозяйничает на конюшне Мелдеров, и ничего больше ему в жизни не надо. Надломилось давнишнее упрямство, успокоилась душа, и жить стало спокойнее; только изредка тревожили его мысли: ведь ты мог быть владельцем этой усадьбы, одним из самых крупных земле-владельцев в волости! А сейчас?

Пацеплис отгонял эти мысли и начинал в таких случаях думать о своих детях. Они были на правильной дороге, и люди уважали их. Артур пользовался большим влиянием в уезде, без участия Анны в волости не начинали ни одного дела, а Жан уже давно твердо стоял на ногах и, наверное, пойдет далеко. Когда люди и заводили о них речь, Пацеплису никогда не приходилось опускать глаза, наоборот, он мог гордиться ими. Да, новая жизнь помогала трудовому люду, и каждый, кто прилежно трудился, мог стать зажиточным, а против такой жизни, если подумать, не было причин роптать и Пацеплису.

Но роптали другие — вчерашние воротилы. Узнав, что Пацеплис вступил в колхоз, старый Кикрейзис среди ночи прибежал в Сурумы.

— Антон, да ты в уме? Куда ты лезешь, чего ты ищешь в колхозе? Чего тебе нехватало?

Он стыдил, страшил Антона всякими злобными предсказаниями, пытаясь уговорить его выйти из колхоза, пока еще не поздно.

— Колхоз за год вылетит в трубу, и ты разоришься вместе с ним, — твердил Кикрейзис. — Ты хочешь на старости лет пойти с сумой?

— Что сделано, то сделано, — ответил Пацеплис. — Раз я дал слово, я обратно его не беру.

— Пустая гордость, — не унимался Кикрейзис. — Вот и получается: был у меня друг и надежный сосед, а теперь его нет. Кому теперь поведать свои беды, когда на сердце тяжело?

— Ты не очень печалься, — поучал его Пацеплис. — Учись жить. Примирись с тем, что произошло. Старых времен все равно не вернуть.

— Тебе легко сказать — примирись. Влезь в мою шкуру, тогда узнаешь, сладко ли это, когда из-под ног уходит земля. Наваливают такие налоги, что дух захватывает. Кулак!

Пацеплис терпеливо выслушал дытте Кикрейзиса, сказал несколько утешительных слов и не мог дожидаться, когда друг молодости, наконец, покинет его.

Через несколько дней его навестил Марцис Кикрейзис. Тот не плакался, а пришел поиздеваться.

— Как ни старайся, Сурум, — председателем колхоза тебя все равно не выберут, даже бригадиром не поставят. Так конюхом всю жизнь и останешься, а Регут и молодой Гандрис будут командовать тобой с утра до ночи. Будет на что посмотреть, когда всякие голодранцы начнут распоряжаться хозяином Сурумов, а ты станешь носиться, как ошпаренный, и из кожи вон лезть, чтоб угодить новым господам. Вот что я хотел бы видеть.

— Ты, Марцис, ничего не смыслишь в колхозных порядках, оттого и болтаешь всякий вздор, — защищался Пацеплис. — Ну что бы я стал делать один с землей в Сурумах? Только маялся бы, не знал бы, как со всем управиться. А теперь я спокоен, — отработал день и свое заработал. Придет осень, и клеть у меня будет полнее, чем раньше.

— Кто тебе напел это — не Анна ли? — смеялся Марцис. — Ты только развесь уши, тогда далеко пойдешь. Вот что, Сурум, я тебе скажу: на твоей Анне я теперь ни за какие деньги не женюсь, пусть она мне хоть на шею вешается.

— А разве она тебе вешалась на шею? — съязвил Пацеплис. — Я что-то не замечал.

— Ну и слава богу, а то связался бы с нею и теперь не знал бы, как отделаться. Скоро у меня будет другая невеста. Приедет из-за границы Стабулниеки вместе с англичанами и американцами, и ему будет нужен зять. Чем плоха Майга? Земля Стабулниеков да Кикрейзисов — целое имение будет.

— Значит, все в порядке, тогда жди Стабулниека и англичан, — сказал Пацеплис. — Только смотри не со старшей ожидаючи.

— Эх ты, старая дурья башка, — вздохнул Марцис. — Хотел из тебя сделать человека, но ничего не выходит. Давай выпьем водочки по случаю расторжения сватовства и пойдем каждый своей дорогой. Только ты не очень сердись, Сурум, что я бросаю твою красавицу Анну. Такому, как я, одной красоты мало, — надо, чтобы у жены было бы что-нибудь и за душой.

К великому удивлению Марциса, Пацеплис отказался от водки и попросил гостя поскорее убраться. Когда Марцис ушел, Пацеплис достал из шкафа бутылку и хватил порядочный глоток.

«Подавись своей водкой, — мысленно сказал он Марцису. — У нас найдется что выпить».

Жить совсем всухую он все-таки не мог, — слишком сильна была старая привычка.

Однажды ночью люди из окрестных домов заметили в усадьбе Кикрейзисов огонь. Петер Гандрис и несколько колхозников, добравшись до усадьбы, увидели, что горит большой коровник. Второй очаг пожара был в конце жилого дома, но там огонь только занимался. Сильно пахло керосином. Колхозники стали стучаться в дверь, окна, но им

никто не отвечал. Тогда прибежавшие взялись за дело и в подчас потушили пожар. Жилой дом почти не пострадал, а у коровника сгорела крыша с одного конца — хорошо, что огонь не дошел до другого конца сеновала, где лежало сено, иначе бы сгорело все строение.

Усадьба, по всем приметам, была оставлена еще прошлой ночью, так как на дороге не было видно свежих следов скотины, а в коровнике не оказалось ни одной коровы. Уложив на подводы самое ценное добро, Кикрейзис, как вор, удрал ночью из своей усадьбы, оставив только то, чего нельзя было взять с собой. Единственным живым существом в Кикрейзисах был старый серый кот. В доме валялись изрубленные стулья, кровати, шкафы. Зерно в клетях было перемешано с битым стеклом, навозом, ржавыми гвоздями и обито керосином. Убегая из усадьбы, взбешенный кулак хотел хлопнуть дверью, но ему это не удалось. Пожар в усадьбе был захвачен вовремя.

Сгоревшую часть крыши восстановили и в бывшей усадьбе Кикрейзисов организовали отделение молочно-товарной фермы колхоза. Землю Кикрейзисов присоединили к колхозному массиву.

Позже, когда в усадьбе поселились люди, одна из доярок нашла в саду приколотую к яблоне записку Кикрейзиса:

«Если у меня нет, пусть ни у кого не будет!» С трудом можно было разобрать расплывшиеся буквы. Хотя записка была без подписи, все понимали, кто ее написал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В начале апреля в Пурвайскую волость приехали Айвар Лидум и работники проектного бюро. Они должны были перенести на местность технический проект — отметить столбиками и колышками трассу будущих каналов, отводных канав и линии мелкой сети.

Снова были пущены в ход разные инструменты — теодолит, нивелир, гониометр и лента. Трассы канала и отводных канав разделили на пикеты.

Работа была закончена в несколько недель. Главный канал от Змеинового болота до реки Раудупе начинался возле усадьбы Сурумы, от поросшего кустарником берега болота, и прелегал по бывшим лугам и пастбищам Пацеплиса. Кустарник рос и на самой трассе и по обеим сторонам ее. Как только проект «перенесли» на местность, к работе приступила мелиоративная бригада «Сталинского пути». Вооруженные лопатами и топорами колхозники во главе с бригадиром Алкснисом направились к старой раудупской мельнице и принялись вырубать кустарник по берегам реки выше мельничного озера, расчищая место для экскаватора. После того как бригада в двенадцать человек проработала там несколько дней, стало очевидным, что бригаде одной не справиться с заданием.

Работами на берегах болота интересовалась вся волость и особенно комсомольцы. Когда Гайда Римша узнала от Жана Пацеплиса об этой трудности, она поговорила с Анной и в тот же вечер созвала комсомольское собрание.

— Нам надо притти на помощь осушителям болота, — сказала Гайда. — Одни мы, конечно, ничего существенного не сделаем, так как нас мало и у каждого есть своя работа. Я предлагаю устроить в следующее воскресенье большой воскресник, на который созовем молодежь со всей волости. Все, возможно, не придут, но изрядная часть все же откликнется. А если такая сила выйдет на работу, к вечеру немного останется от кустарника на берегах Раудупе.

— А как же с репетициями кружков, Гайда? — спросил кто-то. — Они назначены на воскресенье.

— Разок можно пропустить или устроить среди недели, — ответила девушка.

Комсомольцы оповестили всю молодежь, ходили от усадьбы к усадьбе и беседовали с каждым в отдельности. Редко кто отказывался, большая часть с радостью соглашалась.

В воскресенье рано утром у машинно-тракторной станции начала собираться молодежь и школьники. У каждого была с собой лопата или топор. Всего собралось около двухсот человек. Прибыли Анна Пацелис и почти все коммунисты, не занятые в тот день неотложной работой.

— Целая армия! — воскликнул Айвар, когда Анна показала на собравшихся. — С такой силой можно штурмовать крепости.

— Тогда становись во главе и начинай командовать, — смеялась Анна.

— Если доверят, буду командовать, — отшутился Айвар. — Я считаю, что людей надо разделить, примерно, на десять бригад — по двадцать человек, и каждой бригаде отвести определенный участок... и...

— И начать соревнование — какая бригада раньше очистит свой участок от кустарника! — воскликнула Гайда.

Так и сделали. Молодежь разбили на десять бригад с таким расчетом, чтобы во всех бригадах были приблизительно равные силы, и веселая армия с песнями направилась к Раудупе. Айвар дал каждой бригаде участок метров в сто, а где кусты были гуще — немного меньше, и поэтому у всех бригад были одинаковые шансы на победу.

Жан Пацелис скинул пиджак, взял топор и, не теряя ни минуты, стал показывать пример своей бригаде. Песни на время умолкли. Слышался только стук топоров, звон лопат и треск ломающихся кустов. Парни срубали кусты, а девушки относили ветви подальше от берега и складывали в кучи. Более толстые стволы, которые могли пригодиться для укрепления берегов канала, складывали отдельно. По временам кто-нибудь из бригады уходил к соседям разведать, как у них спорится работа. Если результаты разведки были благоприятны, в передовых бригадах затягивали песни; если угрожала опасность отступить от товарищей, лица становились серьезней, чаще и тревожней стучали топоры. Тех, что хотели сочетать работу с флиртом, товарищи брали на зубок, и им волей-неволей приходилось всерьез приниматься за дело.

Жану хотелось работать в одной бригаде с Гайдой, но это зависело не от него: Гайда наметила его бригадиром

шестой бригады, а сама руководила четвертой и сейчас работала на двести метров ближе к мельнице. Анна Пацелис со второй бригадой вырубала кусты ближе к мельнице.

«Как там дела у Гайды? — думал Жан, когда примерно двадцатиметровая полоса его участка была очищена от кустарника. — Ведь она не привыкла к такой работе. Быстро натрет себе мозоли. Надо осмотреть ее лопату, нет ли на черенке трещин, а то за полчаса будет испорчена самая крепкая кожа».

Проработав еще с полчаса, Жан, наконец, не вытерпел и пошел по берегу посмотреть, как работает четвертая бригада. Когда он увидел в кустах Гайду с топором в руках, у него от удивления раскрылся рот. Лицо ее разругннилось, прядь волос выбилась из-под клетчатого платка и спала на глаза. В теплых лыжных брюках и тонкой полосатой кофточке девушка работала как заправский лесоруб.

— Что скажешь хорошего? — спросила она, повалив средней толщины ольху. Жан едва успел отскочить в сторону.

— Разве в вашей бригаде нехватает парней, что девушкам приходится работать топором? — ответил вопросом Жан.

— Разрешите спросить, какое до этого дело шестой бригаде? — отрезала Гайда.

— Скажи, где ты так научилась рубить? — переменил тон Жан.

— Дома колола дрова, где же еще, — засмеялась Гайда. — Физкультурник ведь не должен бояться физической работы.

— Смотри какая... — пробормотал Жан.

То, что он увидел на участке четвертой бригады, встревожило его: здесь было вырублено заметно больше, чем на участке шестой. Еще неизвестно, какая бригада сегодня победит в соревновании? Но правде говоря, ему надо было спешить обратно и поднажать, пока Гайда со своими товарищами не слишком опередила его бригаду. Но как он мог уйти, когда такая сильная и ловкая девушка стояла перед ним, лукаво улыбаясь.

— А как дела у вас? — спросила Гайда, выбирая новую жертву для своего острого топора.

— Вырублено примерно столько же, — соврал Жан.

— Вот как? — Гайда вытерла лоб рукой и начала рубить.

Жан с удовольствием наблюдал, как врезался топор в ствол ольхи почти у самого корня, как после второго удара отскочил белый душистый кусок древесины, а после третьего удара с другой стороны дерево покачнулось и начало валиться. Но слишком долго любоваться ловкостью Гайды не было времени, и поэтому Жан поспешил исчезнуть так же незаметно, как появился.

— В лужу мы сядем, если не поднажмем, — сообщил он своим товарищам. — Четвертая бригада почти половину участка вырубил, а у нас самое большое треть.

— У них, наверно, кустарник не такой густой, — заявился кто-то.

— Кустарник такой же, — возразил Жан. — Только

люди по-другому работают. Нечего смотреть, ребята, поплюем на ладони да покажем, какие мы работники.

Через час шестая бригада догнала четвертую. Установив это, Жан с товарищами решили позавтракать и закурить. Но пока они ели и курили, четвертая бригада снова ушла вперед, и «шестым» пришлось нажимать почти целый час, чтобы снова догнать ее. До пяти часов обе бригады еще два перегоняли друг друга, но последний куст на своем участке первым срубил Жан. Громкое «ура» возвестило о победе шестой бригады. Захватив топоры и лопаты, они пошли вдоль реки к мельнице, чтобы поработать на новом месте, пока остальные бригады закончат свои участки. Проходя мимо четвертой бригады, они видели, что ей осталось вырубить кустов двадцать.

«Вот так номер... — подумал Жан. — Еще немного, и Гайда оставила бы нас на втором месте».

— Поздравляю! — крикнула Гайда и, выйдя на встречу, крепко пожала Жану руку.

Парень покраснел и не знал, что ей ответить. Он чувствовал себя так, будто его наградили орденом.

К вечеру молодежь очистила от кустарника почти полтора километра берега реки. На долю бригады мелнораторов осталось очень мало, и Айвар сказал Анне:

— Дальше ждать нечего, надо разобрать мельничную запруду и пустить раудупские воды в море, чтоб экскаватор мог скорее выйти на линию огня. Если у тебя будет время, приходи завтра утром на мельницу, посмотришь, что здесь произойдет.

— Обязательно приду, — ответила Анна. — Такой случай пропустить нельзя.

В вечерних сумерках звучали песни расхившейся в разных направлениях молодежи. Жан Пацеплис ушел вместе с Гайдой. Он вслушивался в ее голос, восхищался ею. Он гордился ее достижениями больше, чем своей победой.

«Хоть бы чаще устраивали воскресники, — думал он. — Вот бы жизнь была. Только чтобы Гайда обязательно участвовала, иначе... будет не то».

Айвар и Анна ушли последними. Анна расспрашивала о жизни в Риге, о Яне Лидуме.

— Как хорошо, что вы в конце концов нашли друг друга, — заговорила она, когда Айвар кончил свой рассказ. — И встретились на поле боя, где человек раскрывается до конца. По правде говоря, я тоже начала тебя узнавать только там. До того ведь мы были совершенно чужие друг другу.

— Я для тебя — возможно... — тихо сказал Айвар, хотя поблизости не было ни души. — А я тебя знал... еще со дня твоей конфирмации.

— Вот как... — Анна посмотрела на него и смутилась. — Я только сейчас это услышала. Мы тогда ведь обменялись лишь несколькими словами?

— Я много думал о тебе, Анна...

Анна снова взглянула на Айвара, опустила глаза и замолчала. «Почему Айвар говорит так? Что он хочет этим сказать? Много думал обо мне...» Анна вспомнила их встречи, начало дружбы, стыдливую задушевность Айвара в обращении с ней. В дивизии, да и потом после войны у него не было ни одной подруги, во всяком случае Анна

об этом ничего не знала. Не значит ли это, что он и сейчас продолжает думать о ней.

Анне очень хотелось еще раз взглянуть на Айвара — может быть, она прочтет на его лице подтверждение догадки, смутившей ее. Но теперь у нее не было силы сделать это, она уже не могла быть такой непринужденной с ним, как раньше. Странная тревога, сладкая щемящая боль охватила сердце Анны.

«Что он хотел сказать этим? — все спрашивала и спрашивала себя Анна, когда осталась одна. — Неужели он... нет, это невероятно, неужели я для него что-нибудь значу. А он для меня?»

Никогда она об этом не думала, поэтому сейчас, задав себе впервые этот вопрос, не сумела сразу найти ответа. Но отчего она сегодня так неспокойна, как будто ей чего-то нехватает? Может быть, всему виной дыхание весны? Ведь во всей природе пробуждались новые силы...

2

Старую раудупскую мельницу уже лет десять как следовало капитально отремонтировать или закрыть. Тауринь не хотел делать ни того, ни другого: он чинил только самое необходимое и продолжал эксплуатацию старой мельницы, где все давно изношлось и трещало. Недаром люди говорили, что мельничный постав держится молитвами да скупостью Тауриня. Когда мельницу национализировали, она проработала еще некоторое время, пока паровая мельница не обзавелась новым приводным ремнем вместо похищенного гитлеровцами и пока не починили локомобиль. После этого только редкий крестьянин заворачивал сюда со своим возом. Уздному промкомбинату эта мельница приносила одни убытки.

Теперь судьба ее была решена.

В понедельник утром у раудупской мельницы собралось довольно много народу: Айвар Лидум, Анна Пацеплис, мелиоративная бригада колхоза и любопытные из соседних усадеб. Они не отрывали глаз от зеркальной поверхности полного озера и поросших водорослями затворов, зная, что видят эту картину в последний раз. В разных местах сквозь узкие щелки между бревнами просачивалась вода и тонкими струйками стекала в лежащее метра на два ниже русло речки. Уровень воды в озере был так высок, что она перекатывалась через верхние бревна запруды бурным потоком. Расплавленным серебром блестели в лучах весеннего солнца брызги, в водяной пыли вспыхивали крошечные радуги. Укрывшись за плотиной, угрюмо стояло серое каменное строение мельницы с замшелой черепичной крышей.

«Вот оно — преступление рода Тауриней», — думал Айвар, глядя на запруду и широко разлившиеся воды озера. Как живое воплощение нелепой и преступной власти частной собственности, глядели на него темные мутные воды озера, а тихий утренний ветерок доносил какой-то приторный запах — гнилостное дыхание огромного болота. Айвару чудилось, что сюда стекли из черных лесных речек и темных подземных ключей вся алчность и жесто-

кость старого мира. Проклятые поколения... благополучие одной семьи и разорение сотен других... Теперь этому будет положен конец. Ему, Айвару Лидуму, советские люди доверили почетное дело уничтожить это зло. Бесконечная радость и гордость заполнила его существо, глаза сияли, каждый мускул дрожал от нетерпения.

Анна, может быть единственная из присутствующих, заметила и поняла душевное состояние Айвара. Она с восхищением наблюдала за ним.

— Это большой день в твоей жизни, Айвар... — тихо сказала она, став рядом с ним. — Я рада, что именно на твою долю выпало то, что сегодня здесь будет сделано.

— Да, большой день... — едва слышно отозвался Айвар. — И хорошо, что ты рядом со мной, ведь это не только мое, но и твоё желание.

— Это воля народа, Айвар, мы только ее исполнители, — сказала Анна.

Айвар повернулся к людям, стоявшим на мельничной плотине с топорами, баграми и крючьями.

— Пора приниматься за дело, товарищи.

И люди начали действовать. Разделившись на небольшие группы, они встали по обе стороны запруды и взялись за верхнее бревно. Подняли его из гнезда, но не успели затащить на плотину — бревно подхватил поток, хлынувший через запруду.

— Ничего, оно больше здесь не понадобится, — сказал Айвар.

Обтесанное с двух сторон бревно уперлось в берег и под напором воды перегородило русло. Двое колхозников спустились и вытащили его.

— Высохнет, хоть на дрова пригодится, — посмеялись они.

А воды озера, внезапно вырвавшись на свободу, рокоча и пенясь, устремлялись в речку. Стоявшие на плотине люди с радостным волнением смотрели, как бурлила вода и как там, внизу, моментально наполнилось до краев узкое русло речки. Каждый камень, каждая застрявшая на дне коряга образовывали пороги, возле которых вихрились и пенились водовороты, а озеро постепенно отступало от берегов.

Наглядевшись, часть колхозников из бригады Алксниса ушла вырубать оставшиеся кусты. На плотине остались Айвар, Анна и колхозники, которым надо было вынуть остальные бревна запруды. Они ждали, когда уровень воды в озере спадет и позволит сделать это. Разобрать всю запруду сразу было опасно: огромное количество освобожденной воды могло разрушить основание мельницы, повредить берега, а в нижнем своем течении снести мосты. Поэтому озеро спускали постепенно.

Через час вынули второе бревно заслона. К этому времени на берегах озера собрались почти все дети из соседних усадеб, с нетерпением ожидая, когда обнажится дно озера и можно будет собрать не успевшую уйти рыбу. Но им пришлось ждать несколько часов. В тот день маленькие рыбаки поймали голыми руками много щук и налимов.

К вечеру разобрали запруду. Мельничного озера больше не существовало. Раудупе, притихшая и уставшая, спокойно текла в своем русле, унося к морю воды верховья.

Анна ушла раньше, когда запруда была разобрана только наполовину. Айвару почему-то казалось, что она сегодня избегала оставаться с ним наедине, чувствовала себя неловко в его присутствии. После вчерашнего короткого разговора он тоже не мог свободно и просто подойти к Анне. Может быть, он несвоевременно высказал свое туманное признание? А может быть, надо было высказать все до конца? Возможно, Анна с полуслова поняла, и ее молчание означает отказ. А может быть, не поняла, и все осталось попрежнему... Айвар хотел, чтобы было так, — тогда по крайней мере остается хоть небольшая надежда. Как тяжела неизвестность, а сердце не в силах переносить одиночество.

Уровень воды в реке медленно спадал, и Айвар ушел домой.

«Что ты теперь скажешь, Рейнис Тауринь? — мысленно спрашивал он. — Если бы ты видел это, ты бы позеленел от злости. Справедливость восторжествовала, прожорливый Тауринь, ты можешь шипеть и беситься сколько угодно».

...Подождав несколько дней, пока Раудупе увесла последние полые воды и уровень воды стал нормальным, не выше полуметра в самых глубоких местах, работники мелiorативно-строительной конторы принялись за дело. Экскаватор должен был углубить и выровнять русло речки от раудупской мельницы до устья магистрального канала на три километра. Трудились в две смены и надеялись закончить работу в течение месяца.

Чтоб облегчить работу экскаватора, в речке метров на полтора выше участка работ строили перемычку. Ниже запруды русло становилось сухим, и машинист экскаватора хорошо видел, куда направлять ковш, — не приходилось черпать и выливать на берег вместе с землей и водой.

Пока углубляли русло реки, Дудум работал на экскаваторе первую смену, а Жан Пацепис помогал ему и внимательно присматривался к работе старого мастера. Научиться обслуживать машину, опускать и поднимать ковш, поворачивать стрелу не представляло труда; самое главное, от чего зависела производительность экскаватора, состояло в том, чтобы в нужном месте и в правильном положении опустить ковш так, чтобы он, вгрызаясь в землю, равномерно скользил вперед в сторону экскаватора и целиком наполнялся. Приятно было смотреть, как работает Дудум. Он не делал ни одного лишнего движения, и со стороны казалось, все идет слишком медленно. Поворачивая экскаватор в нужном направлении, подтягивая одни тросы и ослабляя другие, Дудум раскачивал ковш, выбрасывая его вперед и опуская именно там, где это было нужно; ковш наполнялся и поднимался в воздух. Экскаватор поворачивался вокруг своей оси, стрела направлялась к берегу, и ковш опорожнялся. На все это Дудум тратил не более двадцати секунд, только изредка, когда ковш не заполнялся сразу, экскавация затягивалась до тридцати секунд.

Бригада колхозников, закончив рубку кустарника, теперь очищала русло от больших коряг и занесенных

песком деревьев. С помощью особого крюка экскаватор поднимал их на берег. Вечером, после окончания второй смены, перемичку вынимали, давая уйти накопившейся воде. Утром в другом месте снова устраивали перемичку с таким расчетом, чтобы экскаватор мог работать на обозначенном участке целый день.

Понаблюдав несколько дней за работой Дудума, Жан попросил разрешить ему испробовать руку. Еще раз выслушав советы старшего машиниста, он сел в машину и начал действовать.

— Только не торопись, пока привыкнешь ко всем движениям, — советовал Дудум. — Торопливостью тут ничего не добьешься.

Первые четыре-пять экскаваций были сплошной потехой: ковш не опускался на землю там, где хотелось Жану. Он валился набок и скользил по дну, не забирая и четверти нужного количества земли, а когда Жан поднял ковш и пытался повернуть его к берегу, экскаватор со всем ковшом описал полный круг, и стрела снова повисла над серединой реки. Пришлось сделать новый поворот, чтобы остановить стрелу над берегом и высыпать содержимое ковша на землю.

— Полторы минуты... — сказал Дудум, когда Жан закончил первую экскавацию. — Не смущайся. Я думаю, будет еще хуже.

Жан даже вспотел от волнения. Еще немного, и он бы заплакал. Он понимал, что главное сейчас — это хладнокровие и спокойствие. А внизу на берегу стоят Дудум с Айваром, дальше колхозники из бригады Алкениса, и все с улыбкой смотрят на мучения молодого машиниста. Стыд и позор. Хорошо, что хоть Гайда не видит это.

Стиснув зубы, Жан продолжал работать. Он не торопился, сначала спокойно обдумывал, что нужно сделать, и, только уяснив обстановку, производил следующее движение. Экскаватор уже не делал полного круга, поворачивая стрелу к берегу. Жану казалось, что прошла целая вечность с начала второй экскавации, поэтому он не поверил своим ушам, когда Дудум объявил:

— Одна минута и пять секунд.

В третью экскавацию Жану опять не повезло — пришлось дважды вгрызаться ковшом в землю. Но зато четвертую Жан проделал в пятьдесят секунд, а начиная с седьмой, приобрел некоторый навык. Многие движения он начал делать автоматически, не обдумывая, как вначале, и в конце первого получаса ему удалось трижды подряд произвести экскавацию за тридцать секунд. Дудум сказал:

— Теперь ты почти освоил ремесло. Если у товарища Лидума не будет возражений, можно разрешить тебе самостоятельно поработать на экскаваторе вторую смену.

Нет, у Айвара возражений не было. Жан проработал самостоятельно на экскаваторе целых восемь часов — от двух до десяти вечера. Только после этого он почувствовал, что не провалится и ему не придется с позором возвращаться на трактор в МТС.

Когда русло реки было очищено и углублено до устья магистрального канала, Дудум перешел работать на второй экскаватор, по другую сторону болота у берега Илистого озера. На этой стороне остались Жан и второй моторист, ставший на место старшего машиниста Дудума.

8

Пока углубляли русло Раудупе, любопытных всегда хватало. Школьники, возвращаясь из школы, обязательно заворачивали к землекопам и наблюдали за работой экскаватора. С окончанием весеннего сева берег каждый вечер был усыпан народом, а позже, в конце мая и в начале июня, когда экскаватор начал рыть магистральный канал от реки к Змеиному болоту, любопытных стало еще больше.

Однажды вечером Жан Пацелис, работая во второй смене, заметил в толпе своего отца. С напряженным вниманием наблюдал Антон Пацелис за работой сына, внимательно следил, как колхозная бригада, разделившись на две группы — по три человека в каждой, — очищала магистральную трассу от кустарника и укрепляла берега вырытого канала. В одних местах было достаточно выровнять лопатой откосы берегов и дно, в других приходилось делать крепление подпорками, хворостом, дерном и даже камнями. Из верхнего торфяного слоя, как из-под пресса, просачивалась вода, скапливалась на дне канала и мутной струйкой стекала к речке.

Ковш экскаватора легко вгрызался в мягкую почву, потом его поднимали, и через его края стекала бурая вода. По обе стороны канала тянулись насыпи вырытой земли, так называемые «кавалеры», — колхозники в шутку прозвали их женихами. Когда канал был прорыт примерно на полкилометра, в работу пустили бульдозер — мощный гусеничный трактор с широким ножом впереди. Как огромный дикий кабан, с яростным ревом, лязгая гусеницами, набрасывался он на кавалеры и раздвигал в стороны землю. Мощный нож, подобно громадному рубанку, срезал кучи земли и торфа и не унимался до тех пор, пока вместо многочисленных бугров по обе стороны канала не образовались ровные, гладкие берега.

В одном месте магистраль пересекла полоса плывуна. Айвар наткнулся на нее еще прошлым летом, исследуя окрестности болота, поэтому сюда заранее был доставлен материал для крепления стен и дна канала. Одним дерном и хворостом здесь нельзя было обойтись, требовались камни и крепезный лес.

Антон Пацелис долго наблюдал за работой, и чем дольше он присматривался, тем сильнее охватывало его беспокойство и непреодолимое желание принять участие в ней. После двух-трех недель магистраль должна подойти к бывшим лугам усадьбы Сурумы — каково тогда будет старому хозяину смотреть, как чужие люди копошатся в его земле? Нет, ему самому надо присутствовать при этом, все видеть и своими руками сделать так, чтобы на земле Сурумов канал был в самом лучшем порядке, — ведь именно там потекут накопившиеся в Змеином болоте запасы воды.

Он дождался окончания второй смены и вместе с Жаном отправился домой.

— Когда ты думаешь добраться до болота? — спросил Антон.

— Не раньше середины июля, — ответил Жан. — Сам видишь, как подвигается работа. Сегодня вырыл всего триста шестьдесят кубометров, только иногда удается вырыть больше четырехсот, больше из этой старой машины не выжмешь. В среднем продвигаемся вперед на шестьдесят — семьдесят метров в день.

— А потом, когда доведете канал до болота, что тогда?

— Тогда придется немного подождать, чтобы болото осело. Пока можно будет рыть каналы, создавать мелкую сеть. Мне, наверно, придется прорывать отводную канаву в том конце, от реки Инчуне до болота.

— Гм... — проворчал Пацеплис и больше ничего не сказал.

Следующий день, как обычно, он проработал на конферме, а вечером, возвращаясь домой, завернул в правление колхоза и разыскал Регута.

— Мне надо с тобой поговорить, товарищ председатель, — сказал Пацеплис.

— Я слушаю, — отозвался Регут.

— Только, чур, не смейся и не подумай чего плохого, — продолжал Антон. — Я уже не малое дитя и пустяками не занимаюсь. Хочется мне поработать на большой канаве, пока ее не проруют до болота. Нельзя ли зачислить меня в бригаду к Алкенису? У него в бригаде один болеет ревматизмом, ему тяжело бродить по грязи и воде, а у меня ничего не болит. Разреши попробовать. Если не сумею, отзовешь.

— Придется уважить, — усмехнулся Регут. — Твоя усадьба рядом с каналом, по утрам не придется так рано вставать.

— Я спать не собираюсь, Регут, и не о сне забочусь, — обиделся Пацеплис.

— А ты не дуйся, — успокоил его Регут. — Я вполне серьезно думаю, что нет ничего плохого, если тебе не придется тратить время на лишнюю ходьбу, а ты сразу: бур-бур-бур. Ну ладно, я скажу Алкенису. С утра отправляйся на канал.

— Большое спасибо, Регут, — сказал Пацеплис и поспешил домой, чтобы засветло вставить в лопату новую рукоять: старая была сделана много лет тому назад и никакуда не годилась.

Не только его бывшие луга и пастбища влекли Пацеплиса к работе на магистральном канале, — все близкие его активно участвовали в этой неповторимой работе. Для Артура, Анны и Жана это было кровное дело, только он, Антон Пацеплис, до сих пор стоял в стороне и смотрел, как работают другие. Каково ему будет, когда победят болото и отпразднуют это событие, а он, как не приложивший руки к этому огромному делу, останется в стороне? Если бы это было только общественным делом, тогда можно бы и в стороне остаться, но это было семейным делом Пацеплисов — как оно могло происходить без участия главы семьи?

На следующее утро в четыре часа Пацеплис вышел из дому. Почти час простоял он в одиночестве у экскаватора и от нечего делать осматривал старую, но еще мощную машину. Механизмы никогда не интересовали его,

даже обычная косилка казалась ему чем-то очень сложным и неистовым для простого человека.

«Чорт, а не парень... — думал он про своего сына. — Как только он справляется со всеми этими рукоятками, тросами и ковшом? Откуда у него берется смекалка?»

В половине шестого пришел Алкенис со своей бригадой, без четверти шесть явился экскаваторщик, а ровно в шесть началась работа.

Весь день проработал Пацеплис на большой отводной канаве, ровнял стены, дно и крепил ненадежные места. Он облип грязью, сапоги начали пропускать воду, и ноги промокли, но ничто не могло нарушить его приподнятого настроения. Когда первая смена закончила работу и на экскаватор сел Жан, Антон Пацеплис договорился с Алкенисом, что, начиная с сегодняшнего дня, будет работать в одной смене с сыном. Вышло так, что в первый день он проработал две смены, а на следующий день вышел на работу вместе с Жаном.

За это время магистральный канал продвинулся на несколько пикетов ближе к лугам Сурумов.

Айвар как производитель работ должен был присутствовать всюду, где происходило что-нибудь новое и важное. Дважды в день он навещал оба экскаватора, проверял качество сделанных работ и был нетерпим ко всякой неряшливости в работе. Он часто сам спускался в канал, брался за шаблон и проверял, правильно ли выведены откосы стен магистралей, соблюден ли требуемый уклон дна, чтоб на пути к реке вода не встретила препятствий. Долог был сейчас рабочий день Айвара, а в редкие свободные часы, когда не надо было думать о горячем, механизмах и крепежном материале, он садился за книги и готовился к последнему экзамену за второй курс Сельскохозяйственной академии.

Если бы Анна не вспоминала о нем и не навещала иногда его на большой магистральной, — они, наверно, не виделись бы целыми неделями. На деревьях распустились листья, все зацвело цветами, в гнездах уже пищали птенцы скворцов, воробьев и соловьев, но прекраснее цветущей весны был труд человека.

4

Около середины июня землекопы отводного канала наткнулись на новую полосу плавбуна. Она была шире первой. Мелиоративной бригаде при креплении стен и дна пришлось немало потрудиться и применить всевозможный крепежный материал.

Антон Пацеплис в последнее время был выдвинут старшим своей смены. По вечерам, после окончания работ, он тщательно проверял каждую пядь вырытого и укрепленного за день участка. Если что-нибудь ему не нравилось, он не уходил, пока сомнительное место не было исправлено. По утрам, до начала работ, он еще раз обходил вчерашний участок.

Однажды утром землекопы увидели печальную картину: в полосе плавбуна, где вчера работал со своими товарищами Пацеплис, все крепления были разрушены, стены обвалились, камни и крепежный лес были сброшены

в кучу на дно канала, а поверх кучи накопилось по колено воды.

Колхозники немедленно принялись за работу, но прошло почти два часа, пока удалось очистить дно и заново укрепить стены. Это не был обычный обвал, который мог случиться в результате неряшливой работы.

— Дело рук негодя... — мрачно сказал Пацеплис. — Кому-то не нравится то, что мы здесь делаем. И как раз в том месте, где я своими руками крепил...

Со злости он работал за троих, чтобы успеть поправить разрушенное до прихода Айвара Лидума, но в то утро Айвар пришел на магистраль раньше обычного.

— В чем дело? — удивился он, застав Пацеплиса в том же месте, где тот две смены назад кончал крепежные работы.

— Какой-то гад пакостит, — отозвался из канала Пацеплис.

Узнав о происшедшем, Айвар помрачнел.

— Так, так... пришли на помощь болоту. Значит, теперь придется бороться не только с водой и грязью, но и с людьми. Ну ладно, бороться так бороться. Справимся и с людьми. Без ответа этого вызова мы не оставим, — сказал Айвар.

Вечером, когда вторая смена кончила работу, один колхозник из мелиоративной бригады остался сторожить экскаватор и вырытый за день участок. В два часа ночи его сменил другой. Далеко от экскаватора сторожа уходить не могли, поэтому большая часть вырытого канала оставалась попрежнему без охраны.

Утром рабочие обнаружили новое разрушение: снова руки вредителя разобрали крепление на одном из самых важных участков, а на дне канала сделали запруду из дерна и крепежного леса. На гладкой стене канала печатными буквами было нацарапано:

«Напрасно стараетесь! Болото было и останется!»

И опять разрушение совершили именно там, где работал Пацеплис. Он стал темнее тучи. Сгиснув зубы, восставливал он разрушенное, обдумывая тайный план.

«Не случайно эти подлости происходят именно на моем участке. Знает гад, что делает. Меня ненавидит, против меня все это направлено. Кто же это так обозлился на старого Пацеплиса? Кого берет зависть, кого я чем обидел?»

После обеда, окончив работу, Пацеплис вместе с товарищами по смене ушел домой. Весь вечер он был занят у себя на дворе: рубил хворост, прилаживал к косе новое косовище, оттачивал топор. Жан в ту неделю тоже работал в первой смене, сейчас он ушел в Народный дом обменять книги, заодно немного поболтать с Гайдой. После работы в библиотеке можно будет проводить девушку домой. От такой перспективы забывались усталость и трудности предстоящей завтра работы.

У Анны в тот вечер было совещание с руководителями политкружков, и хотя она могла за четверть часа доехать до дому на купленном недавно велосипеде, раньше полудня ждать ее не было смысла.

Выждав, когда начало смеркаться, Антон Пацеплис закрыл двери, спрятал ключ в условном месте под плоским камнем у колодца и окольным путем, через кустар-

ник, растущий на пастбище, направился к отводному каналу. Он хотел добраться до канала так, чтобы сторож, охранявший экскаватор, не заметил его, поэтому двигался с большими предосторожностями, как браконьер, хоронящийся от зоркого глаза лесника.

5

Была теплая летняя ночь. При лунном свете в лужиках спокойно поблескивала вода. В кустах какая-то птица пела тысячекратно слышанную песню — точно так же, как пели ее древние предки и как, возможно, через тысячу лет будут петь ее потомки, ничего не изменяя и не совершенствуя, будто песня эта была само совершенство и к ней не относятся никакие законы эволюции.

По узкой тропинке, которую даже при луне трудно было разглядеть на однообразном фоне большого болота, медленно шагал человек. Временами его темная фигура сливалась с силуэтами кустов и болотных карликовых сосенок, иногда, попав на открытое место, выделялась на окружающем фоне, скользя по земле, словно черная тень большой летящей птицы.

Через каждые пятьдесят — шестьдесят шагов одинокий путник останавливался, оглядывался по сторонам и напряженно прислушивался, пытаясь в летней ночной симфонии теплой ночи, созданной монотонным кваканьем лягушек, стрекотанием насекомых, шелестом листьев, бульканьем невидимых ручейков да голосами ночных птиц, расслышать что-нибудь такое, что могло указывать на присутствие другого человека. Не заметив ничего подозрительного, он продолжал путь и шаг за шагом приближался к краю Змеиного болота. Там он еще раз остановился и дольше обычного простоял на одном месте. Луна освещала его лицо; сейчас любой житель Пурвайской волости признал бы в нем Марциса, сына сбежавшего кулака Кикрейзиса.

Он выглядел не очень нарядным в охотничьих сапогах, серых домотканых брюках и черной блузе с застежкой «молния». Рыжая борода была давно не брита. Лицо, искаженное злой язвительной гримасой, выглядело усталым и кислым, как у невыспавшегося человека: в темной берлоге за болотом, где он в последнее время жил со старым Тауринем и другими членами бандитской шайки Стелла, нельзя было похвастаться комфортом.

«Чем плохо им, проклятым, они могут спокойно спать у себя дома... — думал Марцис. — Никто им не угрожает, шаги на дороге не потревожат их сна». Даже старому Бикрейзису живется лучше. Как тогда удрал ночью из усадьбы, не уплатив за два срока сельскохозяйственный налог, так в один прием проехал через всю Видземе и осел в одном из отдаленных городков. Старый знакомый устроил его дворником в каком-то домоуправлении. Бывший хозяин усадьбы с отросшей за последние месяцы бородой, сильно изменившей его внешность, каждое утро и после обеда выходит на улицу в брезентовом переднике с метлой и выполняет свою дворничью работу. Когда крестьяне везут на рынок раннюю картошку и поросят, дворник заговаривает с ними и выспрашивает обо всех

новостях в их округе, а сам сетует на дороговизну и бедствия от ожидаемой в скором времени войны.

— Не стоит выращивать скот и корчевать пни. Наступит война, все опять пойдет прахом.

Он не спорил, когда кто-нибудь не соглашался с ним, но яд сомнения и неверия капал в каждую беседу.

После неудавшегося поджога усадьбы Марцис последовал за своими родителями и несколько недель прожил в незнакомом городке, но скоро ему все это надоело. Как только потеплело, он установил связь с бандой Стелна и перебрался в лес. Ему хотелось действовать в родных местах, поэтому Стелл зачислил его в группу Таурина, которую неизвестно почему именovali батальоном, хотя там было не больше восьми бандитов и из них двое не умели держать в руках оружия. Тауринь был командиром, а Марцис всего лишь рядовым. Когда в банде стало известно, что на раудупской мельнице разрушена запруда и вся накопленная поколениями вода ушла в море, Тауринь ходил темнее грозовой тучи и, казалось, лишился ума.

— Так это оставить нельзя! — повторял он сотни раз. — Мы не можем допустить, чтобы они прорылись до болота. Будь я моложе, взорвал бы все их машины, а на землекопов нагнал бы такой страх, что они боялись бы и подойти к болоту. А теперь что... тоды не позволяют, а у кого силенка, у того душа в пятках. Только и знают, что спать да жрать.

Марцису Кикрейзису захотелось доказать этому ворчуну, что есть в лесу один настоящий мужчина. В то время экскаватор уже начал прорывать магистральный канал от Раудупе к болоту. Несколько дней Марцис издали наблюдал за землекопами и однажды ночью взялся за выполнение своего плана. После второй диверсии Тауринь советовал сделать небольшую передышку, но Марциса, окрыленного удачей, нельзя было удержать. В эту ночь он хотел разрушить крепления канала на обоих участках, проходящих через полосы плывунов, и, если обстоятельства позволят, покончить со сторожем у экскаватора, а после этого перенести свои диверсионные действия на ту сторону болота, где работал на другом экскаваторе Дудум.

«Эх, если бы удалось отправить на тот свет сторожа, вот была бы паника, — думал он, глядя туда, где должен был находиться экскаватор. — Тогда никакими калачами, никакими угрозами не выгнать ночью ни одного пурвайчанина к отводному каналу. Самому Лидуму и Анне с ее коммунистами пришлось бы сидеть тогда у канала, а я... мне бы уж удалось отправить кого-нибудь из них в праотцам».

Марцис нащупал в кармане брюк пистолет и медленно двинулся в сторону канала. Сначала он хотел разрушить крепление стен в полосе плывунов и только после этого подкрасться к экскаватору и покончить со сторожем.

Был второй час ночи, когда Антон Пацеплис, спрятавшись между двумя кавальерами, заметил в лунном свете какую-то темную фигуру. Она скользнула через кучу вырытой земли и медленно спустилась в канаву. Их разделяли метров тридцать. До экскаватора, где прохаживался сторож, было примерно с полкилометра.

Пацеплис задрожал всем телом. Возмущенные до крайности нервы воспринимали острее каждый звук. Мускулы напрягались до предела.

«Все-таки явился... — удовлетворенно подумал Пацеплис. — Теперь ты получишь по заслугам, проклятый гад».

Прячась за кучи вырытого песка, он медленно подполз к своему противнику.

«Гад... опять разрушает... — думал Пацеплис, и его охватила тревога. — Надо поторопиться. Но теперь он получит... из моих рук ты, птичка, не вырвешься».

Подобравшись поближе, он приподнял голову над кучей песка, чтоб лучше видеть диверсанта. Прямо под ним, метра на два ниже, торопливо действовал какой-то человек: выламывал из стен канавы крепкий лес, камни и складывал в кучу на дно.

Луна светила Пацеплису в спину, его голова и плечи отбрасывали неестественно длинную тень на противоположный откос канавы. Он немного шевельнулся, шевельнулась и тень на откосе. В тот момент, когда он вскочил на ноги, чтобы броситься на вредителя, тот заметил движение тени и быстро обернулся.

Пацеплис узнал Марциса Кикрейзиса.

— Ах, это ты? — крикнул он, и внезапно ярость переросла в бешенство.

Антон бросился вперед, прыгнул на Марциса и повалил его на землю. Как клещи, сжали пальцы Пацеплиса шею Марциса. Он тряс своего противника и тыкал его лицом в тряпь канавы.

— Негодяй... теперь я знаю, почему на моем участке...

Марцис хрипел, брыкался, пытаясь вырваться из рук Пацеплиса. Он уже стал терять сознание, в ушах звенело, перед глазами поплыли белые огненные круги. Почувствовав, что тело Марциса делается вялым, Пацеплис, наконец, разжал пальцы, снял брючный ремень и крепко скрутил руки своего противника.

Через два часа пойманный бандит сидел в грузовике МТС и в сопровождении двух истребителей ехал в уездный городок, так как капитан Цимдынь хотел его допросить возможно скорее.

После этого Пацеплис долгое время был героем дня. О его подвиге много говорили, кое-что даже преувеличивали.

— Что ж тут особенного — осилить одного придурковатого парня... — обычно отвечал на похвалы Пацеплис. — Главное ведь в том, что теперь он оставит в покое мой канал. А если еще кто вздумает браться за такие дела, пусть заранее закажет себе гроб — второй раз такой гад живым от меня не уйдет.

Никто после этого не пытался вредить, и угроза Пацеплиса так и осталась угрозой.

6

В канун Иванова дня, 23 июня, к Айвару приехал в гости отец. В начале года происходили выборы в Верховный Совет республики, и Ян Лидум был избран депутатом, а вскоре после того назначен министром. Он побывал в своем избирательном округе — в том уезде, где до войны работал первым секретарем укома, выступил на несколь-

ких собраниях, побеседовал с избирателями и в заключение, решив провести вечером традиционное празднество Иванова дня — «лиго» вместе с сыном, заехал в Пурвайскую волость. На следующий день ему надо было снова вернуться в свой избирательный округ и встретиться в двух волостях с избирателями. Записная книжка Лидума была исписана вопросами, которые задавали избиратели-крестьяне. Чего только там не было: и споры по поводу налогов, и жалобы на неправильные действия отдельных советских работников, и просьба обеспечить деталями сельскохозяйственные машины, и предложение построить новую школу. На одном из молочных заводов приемщик, очевидно, надувал крестьян, определяя слишком низкий процент жирности сдаваемого молока. В другом месте крестьяне сигнализировали, что директор лесхоза берет взятки и тайком продает древесину спекулянтам. Надо было все проверить, устранить безобразия, помочь простым советским людям добиться правды. Словом, работы депутату хватало.

Предприятия министерства в этом году работали лучше, чем в прошлом году, хотя производственная программа была больше. Яну Лидуму отнюдь не приходило в голову приписывать эти достижения себе, своим организаторским талантам: залог успеха скрывался в спаянной и дружной работе коллектива, в оперативности аппарата министерства, быстро реагирующего на все запросы и предложения предприятий; новый министр уже успел приучить к этому своих сотрудников.

Как старый партийный работник, Ян Лидум привык интересоваться всем, что попадалось на его пути. Такое предприятие, как машинно-тракторная станция, как будто не имело отношения к его теперешней работе, но, приехав в Урги, он тотчас нашел Драву и просил показать все хозяйство. И от его острого взгляда не укрылся ни малейший пустяк. Первое замечание Драва получил за подъездную дорогу — от большака до двора МТС, — разбитую гусеницами тракторов.

— Скоро вы отсюда не выберетесь иначе как на самолете, — сказал Лидум. — Разве допустимо, чтобы дорога в МТС была в таком состоянии?

— Ничего не поделаешь, товарищ Лидум, — пытался оправдаться Драва, — эти гусеницы ужасно разрушают грунт. Если бы замостить булыжником...

— Почему же не замостите? Ведь сущие пустяки, не больше трехсот метров будет.

— Если бы министерство отпустило деньги и материалы...

— Надо просить, тогда дадут. Министерство само не будет навязываться с деньгами и материалами.

После этого у Дравы отпала охота показывать Лидуму все то, что было здесь интересного, но гость не отступал, и волей-неволей пришлось водить его по всем местам. Не везде Лидум замечал только плохое. За механическую мастерскую и общежитие Драва услышал не одну похвалу. И он снова приободрился.

— А что, Лидум, не отпразднуешь ли сегодня вечером у меня свои именины? — заикнулся Драва, когда осмотр был окончен. — Мог бы оказать честь старому боевому товарищу.

— Благодарствую. Поговорю с Айваром. Неизвестно, какие у него планы.

— Айвар... — Драва развел руками. — Где уж нам, старикам, угнаться за молодыми? Пусть они танцуют, а мы посидим, поговорим о жизни и осушим по кружке пива.

Но из замысла Дравы ничего не вышло. Пришел Айвар, сразу завладел отцом и потащил в колхоз: колхозники «Сталинского пути» сообща справляли праздник «лиго». От имени правления Регут пригласил в гости работников мелиоративно-строительной конторы и МТС.

Переодевшись, Айвар вместе с отцом, Дравой и Финогеновым направились к центру колхоза.

Колхозники устроили складчину и приготовили праздник на славу. В клету стояли две бочки домашнего пива. В саду за домом правления были накрыты праздничные столы. На блюдах лежали толстые ломти ивановского сыра с тмином. От только что испеченных пшеничных лепешек еще поднимался пар, аппетит возбуждали пирожки с копченой грудинкой, с луком и холодец. Не одному петуху и цоросенку пришлось расстаться с жизнью в честь этого празднества.

В канун «лиго», как обычно, работы закончили раньше, чтоб дать возможность мужчинам еще засветло соскрести с лица недельной давности щетину и переодеться в чистые льняные рубашки, а женщинам и девушкам нарядиться в праздничное платье. Ворота, двери, праздничные столы утопали в зелени и цветах. Головы девушек украшали венки из полевых цветов, а целая куча больших дубовых венков лежала на веранде правления колхоза: они ждали, когда их возложат на головы главных виновников вечера «лиго» — Янов. Повязав белые передники, около столов суетились жены и дочери колхозников, расставляя еду и вынося из клетки большие кружки с пивом. В конце сада на ровном возвышенном месте уже был приготовлен длинный шест с бочонком смолы наверху, а на земле лежали еще несколько шестов со старыми жестяными ведрами, набитыми березовой корой и смоченными керосином тряпками, — их должны были зажечь позднее, с наступлением темноты.

Довольно большими группами, распевая песни «лиго», стали прибывать гости. Первый венок возложили на голову Регута, как хозяина и главного Яна-батюшки, которого, кстати сказать, на самом деле звали Яном. После этого стали чествовать обрядовыми песнями всех прочих Янов. Узнав, что среди них находится член правительства Ян Лидум, колхозники спели и ему «лиго» и надели на голову дубовый венок.

В нарядных национальных костюмах, во главе с директором школы Жагаром и Гайдой Римша, появился хор и коллектив танцоров волостного Народного дома. Одна за другой полились хоровые песни, затем запела Ольга Липстынь, к ней присоединились все собравшиеся колхозники. Завязалось соревнование — бей песен. В веселых, остроумных стихах народ высмеивал скупых, лентяев и нерадивых, прославлял добросовестных тружеников.

Ян-батюшка Регут пригласил всех к столу — дошла очередь до запасов ивановского сыра, пирожков и пшенистого пива.

Одним из самых примечательных гостей этого вечера был Антон Пацеплис: еще все помнили о его схватке с Мардисом Кякрейзисом. Поэтому Антону еще и еще раз пришлось во всех подробностях рассказать о своем поединке. И он это делал с видимым удовольствием, особенно после того, как осушил с подюжины кружок пива. Ян Лидум с явным интересом слушал Пацеплиса, временами поглядывая на него пристальным оценивающим взглядом: теперь и он знал, какую роль сыграл этот человек в жизни его сестры... «Сложный тип... — думал Лидум. — С одной стороны, мерзавец, которому не хочется и руки подать, с другой стороны, есть в нем и кое-что человеческое».

Анна сидела за столом между Регутом и Айваром. Когда языки развязались, полились шумные оживленные разговоры, она обратилась к Айвару с вопросом:

— Помнишь, Айвар, как мы летом тысяча девятьсот сорок второго года впервые встретились на фронте?

— Очень хорошо помню... — ответил он.

— Ты мне тогда что-то обещал, — сказала Анна.

— И не выполнил обещания? — Айвар посмотрел на Анну с тревогой: он не мог вспомнить, что тогда обещал Анне. — Неужели что-нибудь важное?

— Даже очень... — улыбнулась Анна. — Но срок ведь тоже был дан порядочный.

— Прости, у меня такая плохая память, ей-ей не помню.

— Ты сказал, что после войны расскажешь мне, почему ушел из дому и эвакуировался.

Айвар смутился, потом сказал:

— Теперь вспоминаю. Ты хочешь... чтоб я это сказал сегодня вечером?

— Война ведь давно кончилась!

— Верно, война кончилась. Обещание надо выполнить. Ладно, Анныня, скажу. — Айвар нагнулся и сказал так тихо, что Анна скорее по движению губ поняла, что он сказал: — Ради тебя ушел... мне хотелось быть там, где ты...

Анна больше не задавала ему вопросов. Смущенная, порозовевшая, она сидела рядом с Айваром, потупив глаза, и думала о чем-то, ничего общего не имеющем с веселой толчеей праздника «лиго».

Опять зазвучали песни. Колхозное трио — скрипка, флейта и гармоника — заиграло танцевальную музыку. И стар и млад оставили столы и начали плясать. Ян Лидум пригласил жену Регута. После этого и Пацеплису стало невозможно сидеть за столом — куда это годится, если он, один из самых молодцеватых танцоров и кавалеров своего времени, не проявит свой талант. Ольге Липстынь выпала честь стать первой дамой, которую удостоил своим вниманием Антон Пацеплис.

Понскав глазами среди толпы гостей своего партнера по танцам, Гайда Римна поняла, что один из сегодняшних именинников, Жан Пацеплис (ведь он тоже был Яном), еще не кончил работы, и если его не поторопить — навряд ли он вообще придет на вечер. Она пошепталась с девушками и парнями и, сказав что-то Жагару, скрылась с толпой молодежи за углом сада.

Экскаватор рыл первые метры отводного канала на бывшем лугу усадьбы Сурумов. В промежутки, когда мо-

тор и валы переставали шуметь, до Жана Пацеплиса доносились песни «лиго». По правде сказать, и он мог сегодня кончить работу несколько раньше, но парню хотелось дорыть канал до луга Сурумов. Земля здесь была довольно мягкая, ковш легко заполнялся, и Жан за минуту успевал делать три экскавации.

«Иванова ночь ведь длинна, — думал он. — Поработаю, как положено, до десяти часов, а там успею поспазновать до утра. Спать, конечно, не придется, но это ничего — завтра день свободный».

И звенел металл, тяжелый ковш острыми зубами вгрызался в торф, рядом с каналом вырастали кучи земли.

В половине десятого, когда экскаватор надо было отвести на несколько метров назад, Жан услышал вблизи громкую песню. Со стороны колхозного центра через луг к нему шли друзья — в национальных костюмах, украшенные цветами и венками. В середине медленно шагала Гайда, держа в руках большой дубовый венок.

Сердце Жана забилося.

«И про меня вспомнили... — взволнованно подумал он. — Какие славные ребята. Только плохо, что я такой чумазый...»

Певцы подошли совсем близко и начали петь про одинокого землекопа. Гайда знаками пригласила Жана сойти с экскаватора, и когда он, смущенный и недовольный, с вспотевшим лицом и испачканными в масле руками, стал перед ними, она надела на голову ему большой венок, а парни подхватили его на руки и стали качать.

— А сейчас, по приказу всей общественности, кончай работать и пойдем с нами на праздник, — сказала Гайда.

— Упаси бог! — воскликнул Жан. — Так ведь я не могу пойти. Разрешите хоть умыться и переодеться.

— Придется разрешить, только собирайся не особенно долго, — ответила Гайда. — Иначе огни «лиго» отгорят без нас.

Жан взял пиджак и вместе со всеми поспешил в Сурумы. Навряд ли кто еще в тот вечер так глубоко чувствовал праздничное настроение, как он.

В это время в колхозном центре дети приветствовали песнями гостей: на своем газике прибыл Артур Лидум и начальник уездного отделения Министерства государственной безопасности Цимдынь. Вместе с ними приехала и Валентина Сафронова. Поздоровавшись с колхозниками, Артур отозвал в сторону Анну, Регута и Айвара. К ним присоединился и Цимдынь. Валентина осталась с Яном Лидумом и колхозниками.

— Сегодня надо быть начеку, — тихо заговорил Артур. — Утром к Цимдыню явился какой-то бандит, которому надоело жить в лесу. Он сдал автомат, четыре ручных гранаты и рассказал, что этой ночью банда собирается напасть на колхозный центр, — хочет отомстить за Марциса Кякрейзиса.

— Думают, что мы здесь перепьемся и всех можно будет взять голыми руками, — проворчал Регут. — Но мы вовсе не такие простачки. Этой ночью у всех ферм дежурят по двое вооруженных колхозников, а часть наших истребителей находится среди нас.

— Это хорошо, товарищ Регут, — сказал Цимдынь. — Пусть люди веселятся, как будто ничего особенного не

ождается, но надо выставить посты. Конечно, секретно. Если среди колхозников и гостей и находится их человек (что трудно предположить), он не должен заметить наши приготовления. Через час, когда стемнеет, прибует группа бойцов — пусть тогда кто-нибудь попытается подойти к нам.

Музыка продолжала играть, люди танцевали и пели, и в праздничной сутолоке никто не заметил, как поодиночке исчезли несколько молодых людей. Айвар помог Цимдыню разместить вокруг колхозного центра секреты, а Анна с Регутом вернулись к остальным, и праздник «лиго» продолжался, как будто ничего не случилось.

Регут отмахивался от комаров, которые в большом количестве непрошенными явились на праздник и тоненькими голосками старались разнообразить жизнерадостный хаос звуков.

— Попищи, попищи еще... — смеялся Регут, убив на щеке одного комара. — Долго вам здесь не пищать. Вот победим болото, куда вы тогда денетесь, кровопийцы...

Со двора доносились согласные стройные песни. Вернулась Гайда Римша со своей молодежью. В мощном хоре молодых голосов теперь зазвучал и сочный баритон Жана Пацеллиса.

Настало время зажигать огни ночи «лиго». Парни подняли шест с горящим смоляным бочонком, и вскоре, как бы в ответ, то там, то здесь, на дальних пригорках зажглись другие огни «лиго». По всей Латвии в эту ночь горело несчетное число костров, округа перекликались ликующими возгласами песен, людям было хорошо.

7

Когда в колхозном центре загорелись огни «лиго», Стелп решил, что пришло время действовать.

— У всех сейчас глаза будут обращены только на смоляной бочонок, — сказал он Тауриню, сидевшему рядом с ним на кочке у опушки леса. — Пока мы не подойдем к ним вплотную, нас никто не заметит, а мы будем их видеть издали.

Стелп только несколько дней как прибыл в «батальон» Тауриня с заданием: активизировать деятельность банды. Узнав про арест Марциса Кикрейзиса, он страшно рассердился на Тауриня.

— Возиться около отводной канавы, портить канал — разве это настоящая борьба? — набросился он на него. — Подразнивание, чистое мальчишество и больше ничего! Даже дурак понял бы, что нельзя одну и ту же диверсию повторять три ночи подряд.

— Я пытался отговорить его, но разве этому лопухому втемляешь, — оправдывался Тауринь.

— Какой вы командир, если подчиненные вас не слушают? — сердился Стелп. — Чтoб сохранить в войсковой части дисциплину, непослушных надо расстреливать.

— Сколько у меня этого войска — восемь человек. Если начнем расстреливать своих, скоро нечем будет командовать. А что касается канавы, дело это совсем не мальчишеское. Это было ответом на разрушение моей мельницы. Если они разбирают запруду, как я могу оста-

вить это без ответа, господин Стелп? Сомневаюсь, чтобы вы на моем месте удержались.

— Ответать надо так, чтобы почувствовали. Подорвали бы их машины, покончили бы с каким-нибудь работником — вот это было бы дело. Те несколько метров, которые удалось молодому Кикрейзису выломать на дне канавы, ничего не стоят.

— Так-то оно так, господин Стелп, но что ж делать... пролитую воду не соберешь.

Вместе со Стелпом их было семь человек. Восьмой ушел накануне к родным в уездный город и должен был вернуться только после праздника. Стелп и не подозревал, что тот уже давно явился к Цимдыню и рассказал о планах банды. Вожак банды надеялся, что предстоящее нападение на колхозный центр усилит воинственное настроение бандитов, — в последнее время они больше напоминали мокрых куриц. Некоторые втихомолку подумывали о легализации, — если их не скомпрометировать сейчас несколькими террористическими актами, навряд ли удастся удержать их в лесу. Стелп решил не только сжечь колхозный центр и расстроить праздник, но и убить всех ведущих работников колхоза, коммунистов, которых захватят врасплох на празднике. Приготовленные для праздника продукты и прочее добро им пригодятся. А когда будет пролита кровь советских людей, участники банды сожгут за собой все мосты, и никому из них не придет в голову уходить из лесу.

«Батальон» разбили на две группы. Четверо, во главе со Стелпом, должны были пробраться со стороны сада, а Тауринь с двумя бандитами получил приказание приблизиться к колхозному центру со стороны дороги и отрезать колхозникам путь к отступлению, — когда те после первых выстрелов побегут по направлению ко двору, их останут пули людей Тауриня. Поднимется паника; после этого Тауринь крикнет: «Руки вверх» или: «Ложись лицом к земле!» — и тогда семеро бандитов смогут делать с ними все, что только вздумают. За малейшую попытку сопротивляться — пуля. Некоторых можно будет пристрелить на месте, а самых главных взять с собой в лес и постепенно замучить. Стелп жаждал крови, но и Тауринь в этом отношении не отставал от него. Сегодня ночью они надеялись утолить свою жажду.

В каждой группе один из бандитов хорошо знал окрестности. Тауринь, дожидаясь, когда Стелп со своей командой исчез в полутьме летней ночи, медленно двинулся в сторону дороги по меже между двумя большими полями. Достигнув дороги, он внимательно прислушался, но ничего подозрительного не заметил. Впереди, на пригорке, за домом правления колхоза, раздавались песни, — наверно, собрались вокруг купальских огней и до остального им и дела нет.

— Пошли... — шепнул Тауринь и первым выполз из ржи на дорогу.

Медленно, бесшумными воровскими шагами приближались бандиты к группе строений. Проскользнув мимо машинного сарая, нырнули в широкий двор. Один бандит пошел к северному углу жилого дома, второй следовал за Тауринем к воротам, которые вели в сад. Это были последние согласованные шаги группы.

— Стой! — прорезал тишину повелительный окрик. — Руки вверх!

Одновременно послышались выстрелы по ту сторону дома правления колхоза и еще дальше, в поле, по которому Стелп приближался к саду. Позади Тауриня кто-то застонал, и когда бандит оглянулся, то увидел, как двое колхозников разоружали его спутника. Мысль о дальнейшей борьбе в один миг испарилась из головы Тауриня. Он вбежал в сад и, бросившись на землю, пополз.

Автомат мешал; забросив его в густую траву, Тауринь, подобно громадному насекомому, полз на четвереньках вдоль забора, пока не нашел щель, через которую ему с трудом удалось выбраться из сада. Погони не было. Тауринь пролежал несколько мгновений, встал и бросился в колосившуюся рожь.

«Вот будет взбучка от Стелпа за брошенный автомат...» — озабоченно подумал он. Но он быстро забыл об этом, стараясь уйти как можно дальше от места стычки.

В колхозном центре вновь наступила тишина. Выстрелы прекратились, на вершине шеста ярко горел смоляной боченок.

Напрасно опасался Тауринь упреков Стелпа: нарвавшись на секрет истребителей и не послушав их окрика, тот был ранен в ногу и взят живьем, даже не успев выстрелить. Кроме Стелпа, в плен попали еще два бандита, троих бойцы Цимдыня убили во время стычки. За всю перестрелку был ранен в плечо только один истребитель.

Седьмого бандита, оружие которого нашли в саду у забора, поймать не удалось. Разбившись на несколько групп, истребители-бойцы и колхозники почти до рассвета искали его по всем закоулкам. Следы убежавшего были видны в истоптанной ржи, но затем он вышел на дорогу, и дождь, непрерывный спутник ночи «лиго», сделал невозможными дальнейшие поиски.

Среди убитых бандитов колхозники опознали младшего сына Стабулинека, из живых они знали только Стелпа, остальные, наверно, были издалеска. Когда у пленных спросили, кто был убежавший, Стелп поспешно ответил, что это латгалец по фамилии Спрудзан.

Догорали купальские огни. Женщины убрали со столов посуду. Участники праздника с песнями расходились по домам. Айвар, Анна, Жан, Артур и Валентина шли впереди, в некотором отдалении следовали Ян Лидум, Драва и Финогенов. Пиво ударило Драве в голову, и он громко рассказывал, как, по его мнению, надо было организовать охрану колхозного центра.

— Почему они не поговорили со мной, со старым фронтовиком? — сердился он. — Теперь одного из наших ранили в плечо, а можно было сделать так, чтобы никто не пострадал.

Тауринь, выбравшись на дорогу, торопливо зашагал в Змеиною болоту. Вскоре пошел дождь.

«Теперь они не найдут меня даже с собаками, — подумал он. — Пусть льет — чем сильнее, тем лучше. Нельзя сказать, что старому Тауриню не везет».

Он не знал, какая участь постигла остальных бандитов, но понимал, что нападение на колхозный центр провалилось. Может, Стелпу удалось добраться до леса, и он сейчас вот так же бродит в темноте, а возможно, один из

выстрелов, раздавшихся за садом колхозного центра, настиг его и... уличтожил. Трудно сказать, что Тауриню было больше по душе.

«Куда деваться? Итти обратно в лесную землянку? Если кто-нибудь из бандитов схвачен, землянку ночью посетят непрощенные гости, и тогда худшего укрытия нельзя себе представить. На базу батальона возвращаться нельзя. Завтра обыщут все окрестные леса и болотные кустарники. Поблизости спрятаться невозможно, а до ближайшего пункта связи больше тридцати километров — до утра туда не добраться. Что делать?»

Как загнанный зверь, сверлил он взором темноту, оставившаяся и прислушивалась. Казалось, каждый придорожный куст грозил ему, каждый звук нагонял на него ужас. Тауриню чудилось, что вокруг него слышатся шаги: то здесь, то там в темноте что-то шевелилось. Вдруг шагах в двадцати он увидел трех мужчин, стоявших у обочины дороги. Тауринь ясно расслышал, как один из них тихо сказал:

— Ты, Клуга, останься здесь, а мы пойдем по той меже и посмотрим, не помята ли рожь.

Тауринь бросился в другую сторону и стал ползком пробираться по канаве, чтоб удалиться от дороги. Добравшись до кустарника, он поднялся на ноги и осмотрелся. Снова послышались шаги по обе стороны от него. Невдалеке двигался темный силуэт.

«Окружают... — сообразил Тауринь. — Напали на след. Неужели конец?»

Он, продолжая прятаться, перебежал небольшой луг, некоторое время полз по картофельным бороздам, а когда поднялся на колени и посмотрел вокруг, страх снова пригнул его к земле: слева и за спиной двигались человеческие фигуры.

«Конец...» — звучало в ушах, и ему казалось, что кто-то громким голосом сказал это слово. Он полз дальше, шаг за шагом приближаясь к Ургам. Вот и большой машинный сарай и дом рабочих. Тауринь некоторое время смотрел туда и о чем-то думал, если в его положении вообще можно было связно думать. По рассказам Марциса Бикрейзиса он знал, что Айвар поместился в той же комнате, где жил в детские годы. Окно выходит в сад... если ставни не закрыты, выдавить стекло пустячное дело.

Последняя надежда... последняя отчаянная попытка ускользнуть от преследователей... Может, в сердце Айвара еще тлеет искорка благодарности? Получить убежище только на день... до вечера... может быть, даже на несколько часов, пока преследователи обыщут все углы в Ургах...

Другого выхода у Тауриня не было, остался только этот последний, который сулил ему спасение или западню. Хорошо зная все вокруг, он пробрался в сад усадьбы и на цыпочках приблизился к окну комнаты Айвара. Встал, прижался лицом к мокрому стеклу и силился разглядеть что-нибудь. На дворе слышались чьи-то шаги. В доме рабочих пели.

Тауринь больше не мешкал. Он выдавил стекло, открыл окно и пролез в комнату. Когда глаза привыкли к темноте, он разглядел кровать, стол и несколько стульев.

В углу рядом с дверью висели дождевой плащ и рабочий костюм Айвара.

Тауринь задернул окно занавеской и, сев на край кровати, стал ждать. От сапог и намокшей одежды на полу образовалась лужица.

Прошел час, может быть больше, хлопнула наружная дверь, и в коридоре раздались осторожные шаги — видимо, кто-то шел на цыпочках, опасаясь разбудить соседей. У двери, за которой тихо, как мышь, сидел Тауринь, человек остановился, и слышно было, как он возится с ключом. Через несколько секунд дверь отворилась. Щелкнул выключатель, и маленькая комнатка озарилась ярким светом.

Тауринь встал и тихо сказал, сияясь улыбнуться:

— Доброе утро, Айвар... Извини, что без твоего ведома вломился в комнату. Погода такая неприветливая. Не хотелось будить чужих людей, поэтому...

И он показал на окно.

Айвар остолбенел от неожиданности.

— Что вы ищете здесь, Тауринь? — спросил он, немного придя в себя. Он сделал вид, что не замечает протянутой руки.

— Искал тебя, — ответил Тауринь. — Думал, что не откажешь отцу в ночлеге. Мне иначе ночью некуда деваться.

Его глаза настойчиво изучали лицо Айвара, ожидая ответа на вопрос, мучивший его все время, пока он сидел в этой комнате. И нашел его. Мрачный взгляд, крепко сжатые губы и сжатые в кулаки руки сказали яснее всяких слов, что Айвар не пощадит его. Правая рука Тауриня нырнула в карман пиджака и нащупала рукоятку револьвера.

Айвар понял: Тауринь готов на все и без борьбы не сдастся. Только крайнее отчаяние могло загнать его в Урги, в эту комнату. «Если я сейчас выскочу в дверь и запру его, — думал Айвар, — удастся ли поднять людей и окружить сад, пока он не успеет удрать?»

На дворе уже рассвело. «Скоро должен притти отец вместе с Дравой и Финогоновым. Как предупредить их, чтобы не входили?» — Айвар опасался за жизнь отца.

— Почему вам некуда деваться? — спросил он, оставившись у двери и откидывая назад пряди мокрых волос, упрямо спадавших на глаза. — У всех людей есть пристанище, только у вас его нет.

— Потому, что они... — Тауринь кивнул в сторону коридора, — отняли у меня все. У меня нет больше ни дома, ни семьи. Приходится, как зверю, скрываться в чаще леса.

— Не надо было становиться зверем, не приходилось бы скрываться, — сурово ответил Айвар.

— И это говоришь ты, кому я сделал столько добра! — плачущим голосом воскликнул Тауринь, но его глаза горели по-волчьи... — Так ты благодаришь за то, что я тебя вырастил, дал образование, сделал человеком!

— Не человеком старались вы сделать меня, а зверем, — ответил Айвар. — Если сегодня я действительно человек и мне не стыдно смотреть в глаза народу, я этим обязан не вам, а тем честным людям, которые во-время

вырвали меня из-под вашего влияния и избавили от вашего общества.

— Что я тебе сделал плохого? — удивился Тауринь, но пальцы его правой руки судорожно сжимали рукоятку револьвера.

— Вы искалечили мою юность, замарали меня в глазах честных людей! — воскликнул Айвар. — Я вас ненавижу, Рейнис Тауринь! Запомните это навсегда!

— Я тебя воспитывал в духе наших лучших традиций, — шипел Тауринь. — Какое мне дело, что большевики не признают моей правды? Точно так же и я не признаю их правды.

— Правда может быть только одна — это та правда, которой я отдаю всего себя, до последней капли крови и до последней искорки моего разума, — ответил Айвар. Он был так взволнован, что не слышал шуршания в передней. Не расслышал его и Тауринь. — Если желаете, обманывайте себя, — продолжал Айвар. — Убеждайте себя, что вы с вашей черной душой и обгаженными кровью руками правы и невинны, но не пытайтесь внушать это другим. В моих глазах вы — преступник, и я поступлю с вами как с преступником.

Сверкающими от ярости глазами Тауринь уставился на Айвара. В уголках его тонких, жестоких губ скопилось пена.

— Итак... ты не позволишь мне остаться здесь, спрятавшись до вечера? — спросил он.

— Нет, я не позволю вам уйти, — ответил Айвар. Он быстро подошел к окну и заслонил собою темную дыру, через которую в комнату врвался сырой ночной воздух. Они смотрели друг на друга мрачно, с вызовом и открытой угрозой. У обоих от волнения кровь прилила к вискам, в ушах звенело.

Лицо Тауриня страшно перекосилось.

— Не дашь уйти? — злобно усмехнулся он. — Еще неизвестно, кто из нас уйдет и кому придется остаться на месте. Получи, проклятый!

Он хотел вытащить револьвер, но Айвар заметил это движение и на несколько десятых секунд опередил Тауриня. Сильные пальцы Айвара схватили руки Тауриня выше кистей и крепко сжали их. Пальцы бандита разжались, револьвер упал на пол. Отбросив ногой револьвер, Айвар повалил противника на пол. Тауринь кусался, царапался, пытался выбить Айвару глаз. В борьбе они опрокинули стул и сдвинули стол. Наконец Айвару снова удалось схватить обе руки Тауриня, и он плотно прижал своего противника к полу.

Приоткрылась дверь, и в щели появилось лицо Яна Лидума, голубые глаза его серьезно и напряженно глядели в комнату.

— Что здесь творится? — сказал он входя. Заметив валявшийся на полу револьвер, Лидум понял, что здесь происходит что-то достаточно серьезное, чтобы воздержаться от шутки по поводу необычной обстановки в комнате сына.

Спрятав револьвер и связав Тауриню руки полотенцем, Ян Лидум спросил:

— Что это за человек, Айвар?

— Это он — Рейнис Тауринь... — ответил Айвар.

Ян Лидум долго смотрел на скорчившегося бандита, который, сощурившись, исподлобья наблюдал за ним.

— Так вот ты каков... — шептал Лидум. — Тебе мало того, что ты уже раз ограбил меня, отнял сына. Теперь ты хотел уничтожить его. Ах ты... презренный гад!

Повернувшись к Айвару, он сказал:

— Пойди, позвони по телефону в правление колхоза и волостной исполком. Может, Цимдынь еще не отправил тех трех бандитов. Пусть завернет сюда, заодно захватит в город и этого.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Неподалеку от машинно-тракторной станции находился сухой и ровный участок земли размером около двух гектаров. Здесь прежде был загон для лошадей усадьбы Урги. Финогенов обратил на него внимание с первых дней своей работы в МТС. Каждый раз, проходя мимо, он останавливался и подолгу смотрел на него, а иногда даже перелезал через изгородь загона и обходил его, проверяя, тверд ли грунт.

Машинно-тракторной станции этот старый загон был не нужен. Весной Драва хотел было вспахать его и разбить на маленькие участки под индивидуальные огороды для рабочих МТС и, наверно, сделал бы это, если бы не вмешался старший агроном Римша и Финогенов. Римша доказал директору, что под огороды куда больше годится обработанный участок рядом с домом рабочих, а Финогенов поразил всех неожиданным предложением: старый загон надо превратить в стадион.

— Стадион? — сдержанно проворчал Драва. За последнее время он стал осторожнее в своих выражениях и не высказывал скоропалительных заключений. — Для чего он нам? Где у нас спортсмены?

— Хотя бы мы, например, — пошутил Финогенов. — Чем не спортсмены? В одном углу устроим площадку для городков и будем разминать по вечерам кости. Неплохо было бы на старости лет сдать нормы ГТО и получить значок.

— Ну, уж меня-то оставь в покое, — засмеялся Драва. — Я лучше запишусь в зрители. Пусть бегают да прыгают молодые. Мое время прошло.

Тогда Финогенов посвятил его во все подробности своего плана.

— Площадь ровная, утрамбованная, приспособить ее для спортивных целей легко. Только кое-где надо сровнять бугорки, убрать камни, устроить беговую дорожку. С левой стороны, у трибун, надо обязательно сделать несколько дорожек для бега на стометровую дистанцию, а по концам поля — площадки для прыжков и метания. Поставим ворота для футбола, купим кое-какой спортивный инвентарь и начнем спортивную жизнь.

— Но спортсмены, спортсмены, Финогенов, где ты их наберешь? На пустую спортплощадку скучно глядеть.

— Будет спортивная площадка, будут и спортсмены. В МТС, в колхозе, в волости молодежи хоть отбавляй, а где молодежь, там и дух соревнования. Спортивную пло-

щадку построим общими силами для всей волости. За несколько воскресников добьемся того, что скоро сумеем устроить первые состязания, а когда наши молодые чемпионы подрастут — пригласим для них достойных противников из других мест. Чтоб дело двигалось успешнее, тебе придется взять на себя обязанности шефа и главного судьи.

— Разреши мне еще немного подумать об этом, — сказал Драва, видимо предложение Финогенова его заинтересовало.

После этого события стали разворачиваться чрезвычайно быстро. В течение двух недель, работая по вечерам и устроив два воскресника с большим количеством участников, закончили все земляные работы, проложили беговую дорожку, разбили сектора для прыжков и метания, наметили футбольное поле. Столяр МТС сделал футбольные ворота, простые скамейки для «почетных гостей», а комсомольцы волости изготовили круги для метания диска, толкания ядра и барьеры для прыжков в высоту. МТС, правление колхоза и волостной Народный дом сообща приобрели несколько ядер, большой и малый диски, копье и измерительную ленту. Гайда съездила в Ригу и договорилась с республиканским Комитетом по делам физкультуры и спорта о том, чтобы к ним в день открытия Пурвайского стадиона приехали квалифицированные легкоатлеты для показательных соревнований.

В одно из воскресений произошло торжественное открытие стадиона. В центральной ложе у финиша стометровой беговой дорожки на почетном месте сидели председатель организационного комитета Драва и члены — Регут, Финогенов, Анна, Гайда и Римша. Зрителей было больше, чем иной раз в Риге на республиканских состязаниях по легкой атлетике. Деревенские люди не были избалованы подобными зрелищами и пока не считали футбол единственным достойным внимания видом спорта, что, к сожалению, наблюдается в больших городах.

Играл духовой оркестр, участники состязаний прошли парадным маршем вокруг стадиона; после этого Драва выступил с речью, и под торжественные звуки государственного гимна был поднят флаг.

Финогенову и Гайде удалось найти среди местной молодежи не больше трех участников для состязаний по легкой атлетике: деревенские парни и девушки робели, боясь попасть в смешное положение. Сначала они хотели посмотреть на настоящих спортсменов, запомнить их приемы и только потом, без зрителей, испробовать свои силы. Иное дело велокросс, который весьма кстати был включен в программу состязаний: пурвайские парни и девушки, с малолетства исколесившие на велосипедах все проселки, узкие лесные, полевые тропинки, чувствовали себя на велосипедах как рыба в воде, поэтому без всякого увещевания почти все вызвались участвовать в велокроссе. Для парней установили двадцатикилометровую дистанцию — вокруг Змеиного болота, для девушек восьмикилометровую — по пересеченной местности от стадиона до волостного исполкома и обратно.

Первой стартовала женская команда — двенадцать девушек на обычных велосипедах во главе с Гайдой Римша. Минут через пять, когда девушки скрылись за первым пригорком, дали старт мужской команде. Скоро парни исчезли

в лесу, тогда начались легкоатлетические состязания с участием рижских гостей. Деревенские парни и девушки с большим интересом следили, как стартовали хорошо натренированные столичные спортсмены в беге на сто метров, как прыгали в высоту и длину, как дискоболы, раскачивая диск и повернувшись вокруг своей оси, красиво выбрасывали его кверху. Самое большое внимание парни уделили двум скороходам, — один из них был чемпионом Советского Союза.

Пятка — носок, пятка — носок... быстро мелькали перед глазами ноги скороходов. Только что они были у «трибуны», а вот уже на той стороне поля. Многие зрители думали про себя: «Ничего, и у меня дело пойдет...»

Жан Пацеллис жалел, что не участвует в кроссе. Когда Гайда со своим велосипедом вышла на старт и сразу после взмаха флажка вырвалась вперед, глаза у него заблестели, а сердце защемило от досады: дома у него ржавеет купленный прошлой осенью прекрасный велосипед, а он сейчас не может показать перед всей волостью свое мастерство.

Он очень смутился и обрадовался, когда на опушке леса у Змеиного болота показалась далеко оторвавшаяся от своих соперниц стройная девушка. Зрители гадали — кто же эта кандидатка в победительницы, но для Жана с первого взгляда было ясно, что это Гайда. Метров за тридцать от финиша у нее что-то случилось с цепью, но девушка не растерялась. Спрыгнув с велосипеда, она пустилась бежать и коснулась ленточки финиша на полторы минуты раньше следовавшей за ней участницы.

Гайда стартовала от коллектива МТС, и Драва был очень доволен ее победой. Он так хвастался, будто сам был победителем в женском велокроссе.

— Вот что значит правильно поставить физкультурную работу! — восклицал он. — Мы с Финогеновым днем и ночью заботились об этом. Само собою ничего не дается. Самый лучший талант может заглохнуть, если не создать ему подходящих условий.

Он еще больше обрадовался и гордился, когда узнал, что результат спортивного достижения Гайды отвечает спортивной норме первого разряда.

— Берегитесь, рижане, в будущем году мы отнимем у вас звание чемпиона в женском велокроссе! — ликовал Драва.

Финогенов добродушно улыбаясь, наблюдая за радостью Дравы: теперь физкультура пойдет в гору, если самого директора так волнуют успехи своих спортсменов. Воспользовавшись настроением Дравы, он упомянул, что не мешало бы машинно-тракторной станции иметь свою футбольную команду.

— Конечно, не мешает! — отозвался Драва. — Обязательно надо организовать команду. Кой-когда и я соглашусь быть судьей.

— Но тогда придется обзавестись парочкой футбольных мячей и по крайней мере одним комплектом бущев.

— Ну и что же? У нас ведь еще осталось несколько тысяч рублей от премиальной суммы за победу в социалистическом соревновании. Как хорошо, что не истратили все сразу. Теперь пригодятся.

В мужском кроссе победил с очень хорошим результатом представитель колхоза «Сталинский путь» — сын кла-

довщика Эвальд Индриксон. Теперь настала очередь радоваться Регуту и всей большой колхозной семье. Председатель уездного Комитета по делам физкультуры и спорта, присутствовавший на торжественном открытии стадиона, объявил, что пошлет молодого Индриксона и Гайду на соревнования в республиканском велокроссе.

«Но ведь я с ручательством обгону его, — думал Жан Пацеллис. — Если бы я принимал участие в кроссе, не Эвальда, а меня бы послали в Ригу... вместе с Гайдой».

У парня испортилось настроение, и состязания не доставили ему никакого удовольствия. Он оживился, лишь когда закончилась официальная часть и на стадионе осталась только молодежь. Предоставленные самим себе молодые люди стали пробовать свои силы в разных видах легкой атлетики.

С того дня на бывшем загоне каждый вечер царил оживление. Босиком, в одних трусах тренировалась до самой темноты окрестная молодежь. Часто на большаке можно было видеть парней, упражнявшихся в ходьбе, и почти все, у кого был велосипед, проделали маршрут кросса.

В волости организовались две футбольные команды: колхоз не хотел отстать от МТС. Нередко по воскресеньям, когда происходили товарищеские встречи между командами пурвайчан и соседних волостей, на футбольном поле можно было видеть Драву с судейским свистком в руке. Но ему было трудно было поспевать за резвой молодежью, поэтому скоро он окончательно утвердился в роли зрителя. Радоваться или рвать на себе волосы по случаю забитых и пропущенных в ворота мячей все-таки было легче, чем бегать по полю и руководить игрой. Если побеждала команда МТС, Драва весь вечер просиживал со своими футболистами, пророчил им большую будущность — чуть ли не победу в состязаниях на кубок республики, но если им случалось проиграть, он заболел от огорчения и ни с кем не хотел разговаривать.

Гайда Римша и Эвальд Индриксон участвовали в республиканских состязаниях, и не только в кроссе, но и в шоссейных гонках. В одной из шоссейных гонок Гайда вышла на третье место, а в кроссе очутилась в первой пятерке. Молодой Индриксон в последнем круге кросса, идя позади велосипедиста, занявшего второе место, наскочил на сосну и сломал руль.

Жан, узнав об этой неудаче, плюнул с досады:

— Носится, как шальной! Не видит, куда едет. Со мной бы этого никогда не случилось. Подожди, Эвальд, в будущем году увидим, про кого из нас будут говорить.

Вечерами, если Жан не работал во второй смене и Гайда была свободна, они вместе ездили по лесам и полям, выбирая самую труднопроходимую местность и самые тяжелые маршруты. Много разговаривать им в таких случаях не удавалось, но Жану достаточно было того, что он находится вместе с Гайдой.

В последнее время Жану приходилось пользоваться велосипедом не только для тренировочных поездок с Гайдой: к середине июля, как и предполагалось, раудунский отводный канал был дорыт до берега Змеиного болота у самого

выгона усадьбы Сурумы, и экскаватор перевели на новую трассу, к берегу Инчуше. За неделю до этого Дудум закончил на втором экскаваторе рытье отводной канавы от озера Илостого до болота и теперь углублял русло Инчуше. Другие машины проводили мелкую сеть по обе стороны магистралей. Огромный лемех канавокопателя, который тащили два мощных трактора, оставлял в заболоченной земле почти готовую открытую канаву, по которой вода стремительно неслась к магистральному каналу. Бульдозер и грейдер разравнивали вырытую землю, сметали все кочки и неровности, а кусторез уничтожал кустарники и заросли можжевельника. Там, где хлеба и сено были убраны, пустили в работу болотный плуг: он выворачивал и опрокидывал мощные пласты поросшей мохом и клюквой целины, открывая слои плодороднейшей почвы. Острые ножи тяжелой дисковой бороны разрыхляли ее, и колхозники получили возможность засеять отвоеванную у природы землю. До того как отправить экскаватор на Инчуше, Айвар несколько дней пытался продолжать работы на самом болоте по рытью магистрального отводного канала, но из этого ничего не вышло: тяжелая машина увязала в трясине — не помогли ни подпоры, ни двойной бревенчатый настил.

— Нечего здесь время терять, — решил Айвар. — Дождемся зимы. Сам мороз построит мост для наших экскаваторов.

Вот поэтому Жану Пацеплису и приходилось два раза в день по проселкам, сырым тропинкам выгонов спешить на своем велосипеде на работу, а каждая такая поездка была равна настоящей тренировке.

В конце июля, когда отводный канал был прорыт через землю Сурумов, Антон Пацеплис, посоветовавшись с детьми, снова поразил округу: он отказался от своей усадьбы и оставшегося скота. Передав все это колхозу, он переселился на конеферму в усадьбу Мелдеров, где ему отдели отдельную комнату. К этому его побудили многие обстоятельства. Во-первых, от строений было мало проку: коровник покосился, изба грозила обвалиться, а старую клеть, которая еще кое-как держалась, можно было разобрать и перевезти в колхозный центр. Во-вторых, ни у Анны, ни у Жана не было времени ухаживать за скотом и обрабатывать приусадебный участок. Кроме того, осенью Анна собиралась поехать в Ригу учиться, а в усадьбе некому было вести домашнее хозяйство.

Вот почему в конце июля в Сурумах наступила глубокая печальная тишина, свойственная покинутым жилищам. Жан опять перебрался в общежитие МТС, а Анна подыскала себе комнатку в одной усадьбе вблизи волостного исполкома. Жить им, со всех точек зрения, стало намного удобнее. Последнюю корову Пацеплиса передали в колхозное стадо, поросенка — на свиноферму, а старый коровник разобрали на дрова. Избу решили не трогать до зимы — разобрать ее, когда колхозники управятся с полевыми работами.

В этом году на полях «Сталинского пути» вырос обильный по местным условиям урожай.

На лучших участках, которые меньше страдали от сырости и сорняков, собрали до тринадцати центнеров пшеницы и ржи с гектара. Хорошо уродились картофель и

разные овощи, а силосные ямы были полны зеленого корма. У Регута больше не болела голова от забот о корме.

В середине сентября правление колхоза, предварительно подсчитав и обсудив виды на доходы, решило выдать колхозникам первый аванс за трудодни — деньгами и натурой.

Счетовод Марта Клуга просиживала целые ночи в конторе правления и подсчитывала, сколько полагается получить каждому колхознику.

Для кладовщика Индриксона наступили горячие дни. С утра до вечера он взвешивал и считал. В том конце волости, который прилегал к большому болоту, повсюду можно было наблюдать веселое оживление: колхозные кони с натугой тащили нагруженные доверху возы, а рядом с каждой повозкой шагал довольно улыбающийся человек; если в конце приусадебной дороги возы встречал любопытный сосед-единоличник, колхозники не торопились проехать мимо, не рассказав о причинах своей радости.

— Все это заработано в колхозе. И это только аванс — в конце года получим еще больше.

Кто не ленился и не предавался сомнениям, у того нашлось чем наполнить клеть. Случалось, что иная колхозница, усердно работавшая на молочно-товарной ферме, увозила домой больше, чем муж, который прилежно обрабатывал приусадебный участок, стараясь обеспечить себе побочный заработок. Прямо удивительно, сколько могла заработать обыкновенная женщина! Совершенно естественно, что у мужа появлялось желание сложить вместе и свой и женин заработок, — выглядело приличнее и можно было не краснеть сказать: это наш аванс...

Но случалось и так, что жена говорила:

— Не смешивай свою бедность с моей зажиточностью! Пусть люди видят, что ты лодырничал, — тогда, может, тебя проймет стыд.

Именно так сказала своему мужу Зента Карклинь. Сам Карклинь не верил, что только работой в артели можно обеспечить семью продовольствием, поэтому его чаще всего видели не на колхозных полях, а на базарах и у лавки потребительского общества, куда он сбывал ягоды, грибы и лекарственные растения.

Когда рядом с жениным зерном положили и заработанное им зерно, никто не мог сдержатъ усмешки. Послышалось многозначительное побрякивание.

— Откуда я мог знать, что так получится... — бормотал Карклинь, не зная куда глаза девать.

— Это потому, что ты вообразил себя умнее советской власти, — заметил Регут. — Верил всяким остолопам, а в общее дело не поверил. Хорошо, что жена у тебя такая рассудительная, а то неизвестно, чем бы ты теперь кормил детей.

Когда зерно стали грузить на телегу, Карклинь пытался к полным мешкам Зенты пристроить и свой мешочек, но та сурово его отстранила!

— Не порть картины! Пусть все видят, что — твое и что — мое. Если Регут даст лошадь — вези свои крохи, а не даст — неси на спине. Там не так уж много, как-нибудь донесешь.

— Ну чего ты разоряешься, Зента... — пытался утешить ее муж. — Неужели тебе нравится это пред-

ставление? Ну, разок ошибся. Больше такой картины не увидят.

— Говоришь, не увидят? — Зента стала уступчивей. — Чем ты это докажешь?

— Скоро увидишь. Подожди до конца года.

— Честное слово?

— Честное слово, не сойти с места.

Тогда Зента сжалась над ним и разрешила погрузить на воз и его долю аванса. Но по дороге Зента еще раз пробрала его:

— Ты думаешь, мне не стыдно? Было бы приятнее, если бы твой воз был больше моего. Погляди на Липстыней, те сейчас будут жить, как никогда не жили. У обоих вместе пятьсот трудодней! Разве у нас не могло быть столько же? Мужик как дуб, не знает, куда силу девать, а ходит с кузовочками по лесу, собирает ягоды да грибы. Безо времени в старики записаться хочешь.

— Тише, женушка, тише... — успокаивал ее Карклинь.

— Тыфу... — ответила Зента. — Прямо хоть плачь со стыда.

Что касается Липстыней, то Зента была права: они ни разу в жизни не были так обеспечены на зиму. Половину полученных в аванс продуктов они могли повезти на базар. После этого Ольга Липстынь сшила своим детям новые платья, а себе заказала шерстяной костюм. В доме появился четырехламповый радиоприемник и новый мужской велосипед.

Эти факты не могли пройти незамеченными для окружающих. Многие единоличники, которые все лето и осень с недоверием наблюдали за работой в колхозе, теперь стали призадумываться. Не проходило дня, чтобы в правление колхоза не заходил какой-нибудь ходок от единоличников или даже целые делегации. Как в свое время пурвайчане ездили на экскурсию в первый колхоз Советской Латвии, так сейчас к ним приезжали из ближних и дальних мест. Что-то назревало и в самой волости, и Анна Пацелис понимала, что осенью ей предстоит большая и ответственная работа. Она мобилизовала партийную организацию, комсомольцев и беспартийный актив, развернула широкую разъяснительную работу, популяризируя достижения «Сталинского пути» за первое полугодие. Семья коллективизации, посеянное в тщательно обработанную плодородную землю, приносило первые плоды. Теперь уже не надо было больше говорить о преимуществах колхозного строя, не надо было ссылаться на чужие примеры, говорить о невиданных вещах, — лучшим примером был «Сталинский путь», первый колхоз Пурвайской волости. А так как это был одновременно и первый колхоз во всем уезде, то за его деятельностью и достижениями внимательно, с любовью следило все уездное руководство.

Артур Лидум недавно стал первым секретарем укома. Беспокойный, неутомимый, он не мог усидеть в кабинете и большую часть времени проводил в волостях и поселках. Он появлялся всюду, где пробивались робкие ростки новой жизни, и, как опытный садовник, заботился о том, чтобы они скорее зазеленели, чтобы равнодушные люди не вытоптали их. С его помощью Анне удавалось два раза в месяц получать квалифицированных лекторов и устраи-

вать в Народном доме лекции: и по сельскому хозяйству, и по вопросам культуры, и по международному положению. Артур не мог все внимание посвятить только Пурвайской волости, которая во всех начинаниях шла первой в уезде, поэтому его здесь видели не больше раза в месяц, но ни одно его посещение не проходило бесследно, оно помогало многое упорядочить и разрешить, хоть на шаг вперед продвинуть новую жизнь. Весь свой разносторонний опыт он передавал Анне, а она в свою очередь делилась им с волостным активом. Неудивительно, что жизнь этого отдаленного уголка Латвии так согласованно и целеустремленно двигалась вперед, и республиканские газеты все чаще писали о Пурвайской волости. На все слеты и совещания передовиков сельского хозяйства Пурвайская волость посылала своего делегата. Обычно ездили Анна, Регут или кто-либо из передовых людей колхоза, а в последнем совещании участвовала заведующая молочно-товарной фермой Ольга Липстынь.

...После выдачи первого аванса Карклинь стал таким беспокойным, что Регуту и бригадиру Клуге почти каждый день приходилось иметь с ним дело. Каждое утро он разыскивал то одного, то другого и требовал:

— Давай работу. Что мне сегодня делать?

И не один Карклинь старался исправить до конца года баланс своих трудодней. За время осеннего сева и зяблевой вспашки можно было наверстать многое.

После уборки урожая в колхоз «Сталинский путь» вступили еще двадцать три единоличника, чьи поля клином вдавались в колхозный земельный массив или были вкраплены в него островками.

Одновременно с этим происходили и еще более значительные события: одно за другим в Пурвайской волости прошли три собрания, и после каждого рождалась новая сельскохозяйственная артель. Рядом со «Сталинским путем» в строй молодых колхозов стали коллективные хозяйства «Раудупе», «Победа» и «Комсомолец», так что почти половина всех крестьянских хозяйств волости объединились в колхозы. Кулаки, увидев, что победная волна новой жизни рано или поздно потопит их, старались пробраться в колхозы, но у трудового крестьянства было достаточно зоркости.

3

Уже второй день лил дождь. Анна стояла у окна своей комнаты и глядела на мокрую мураву двора, по которой разгуливало целое стадо гусей. Не обращая внимания на больших птиц, два воробья хозяйничали, как дома, и склевывали под носом у большого гусака почти весь корм, насыпанный хозяйкой. Перед коровником, укрывшись под навесом от дождя, сладко позевывала собака.

На диване стоял раскрытый чемодан, наполовину наполненный вещами Анны. Рядом с бельем и туалетными принадлежностями виднелись книги, несколько общих тетрадей и коробочка с янтарными бусами, которые ей подарил Жан ко дню рождения. Серое шерстяное одеяло и подушка были завязаны отдельно.

«Что еще взять с собой?» — думала Анна. Хотя все ее имущество легко могло уложиться в два чемодана, ей то одно, то другое казалось лишним. Пальто, перешитое из военной шинели, отслужило свой срок, его заменило хорошее зимнее пальто. Темнокоричневый костюм надо взять, но что делать с лыжным костюмом? При обходе разбросанных крестьянских усадеб приходилось месить осеннюю грязь, шагать зимой по снежным сугробам, и костюм был незаменим, а что с ним делать в Риге? «Пусть остается. Может быть, когда-нибудь понадобится».

Она давно стремилась поехать в Ригу учиться, но сейчас, когда вызов из партийной школы лежал на столе, было как-то жалко оторваться от родной среды и любимой работы. Анна не сомневалась, что после ее ухода в жизни волости ничего не остановится, но весь день она чувствовала себя беспокойно. С тревогой и нежностью всматривалась она в знакомую, незатейливую картину, и в ее сердце пробудилась нежность к этой однообразной, простой, овсянной осенней сыростью картине, ко всем людям, остающимся здесь.

Казалось, будто огороженные поля, маленькие рощицы тихо молят: «Не уходи, останься с нами, — ты ведь видишь, что мы нужны друг другу».

Она вспомнила Айвара, и ей стало еще грустнее: он ведь останется здесь на всю зиму продолжать работы по осушке болота. Уезжая отсюда, она уедет и от Айвара, и все опять останется попрежнему: смутные догадки, предположения, недоговоренность. После праздника «лиго» они ни разу не встретились наедине, и все, что между ними было, — это полные робкого значения слова, сказанные ей Айваром. Временами Анне казалось, что Айвар умышленно избегает ее, но в то же время девушка понимала — его отношение к ней ничуть не изменилось: если раньше поведение Айвара не вызывало мыслей о том, что он сторонится ее, то сейчас она довольно часто задумывалась над этим, и только потому, что сама стала иной. Разгадывание чувств другого человека к себе, выяснение своих чувств к этому человеку — все это накладывало печать на всю жизнь Анны: вместе с радужными мечтами пришла и нежная робость, — от нее только наглец может освободиться без особых усилий, остальным она доставляет большие трудности.

Было ясно как день, что Анна любила Айвара, и если бы он пошел дальше полупризнаний, она бы не оставила его в неведении, как бы неловко и неумело он это ни сделал, и кончилось бы их одиночество, как кончается власть тьмы с наступлением рассвета.

Сегодня Анна должна уехать. Через несколько часов она сядет в поезд на Шурвайской станции и завтра рано утром будет шагать по улицам Риги.

«Знает ли он о моем отъезде?» — думала Анна. Сообщить об этом Айвару почему-то нехватило духу. Вся партийная организация знала, что парторг уезжает учиться и ее место займет Клуга; комсомольцы приходили утром прощаться. Неужели никто не скажет ни слова Айвару? Было бы горько уехать, не пожав ему руку, не сказав несколько дружеских слов, в которых, быть может, он слышал бы еле уловимое, ему одному понятное обещание.

«Напишет ли он мне когда-нибудь письмо? А если на-

пишет, то какое? Что я ему отвечу? Как все сложно, а как бы все могло быть просто, если бы сами люди все не усложняли...»

За стеной, в комнате хозяина, часы прокуковали три раза. Через пять часов ей надо быть на станции. Через полчаса ее будут в исполкоме ждать Клуга и Бригис, чтобы в последний раз поговорить о начатых и еще не оконченных делах. Социалистическое соревнование с Айзупской волостью, рапорт руководству уезда и республики о выполнении хлебопоставок... открытие сезона в Народном доме... Ничего, все будет хорошо.

Анна кончила сборы. Вещи, которые она не возьмет в Ригу, могут остаться здесь. Жан их сохранит до ее возвращения.

В половине четвертого она появилась в исполкоме и... застыла на пороге от неожиданности: ее рабочая комната была полна народа. Айвар, Финогенов, Регут, Бригис, Гайда, Жан, еще несколько членов партии и три председателя организованных этой осенью колхозов как по уговору улыбнулись Анне. Она знала, что эти очень занятые люди только ради нее пришли сюда и, может быть, построили свои планы на субботний вечер. От их дружеских улыбок в комнате стало светлее. Волнение сдавило Анне горло. Как она могла думать об одиночестве, когда вокруг так много настоящих, надежных друзей? И Айвар — такой же сердечный и простой, как все другие, только неизвестно почему он в праздничном костюме и белом крахмальном воротничке, будто собрался на какое-то особенное торжество.

Анна поздоровалась со всеми и села у стола не в свое рабочее кресло, занятое теперь Клугой, а там, где обычно сидели ее посетители.

Девушка заметила, что на столе лежали какие-то свертки и пакеты, а присутствующие переглядывались, будто совещаясь друг с другом.

Тогда поднялся Финогенов, откашлялся и, смущенно улыбувшись, заговорил:

— Дорогой товарищ и прекрасный человек, славная Анна Антоновна... Мы пришли попрощаться с вами и пожелать вам наилучших успехов на новом пути, на который вы теперь вступаете. Но прощаемся мы с вами не надолго. Через два года будем ждать вас обратно. Можете быть уверены, что кое-что вы здесь уже не узнаете, — об этом позаботимся мы, ваши товарищи, остающиеся здесь. На прочном фундаменте, заложенном вами в Шурвайской волости, мы, совместно со всеми жителями, будем продолжать прекрасное дело построения новой жизни. Вы найдете полностью коллективизированную волость, новых, готовых к борьбе и труду людей, у которых не будет сегодняшних сомнений и шатаний, новые нивы заколосятся там, где еще сегодня виднеется болото. Всегда помните: мы ждем вашего возвращения.

Затем, развязав один из свертков, Финогенов поднес Анне двухтомник избранных сочинений В. И. Ленина и вышедшие тома сочинений И. В. Сталина.

Глубоко растроганная Анна поблагодарила товарищей.

Потом говорила Гайда — она недавно вместе с Жаном Пацелисом была принята в кандидаты партии и назначена заведующей Народным домом. Комсомольцы Шурвай-

ской волости поднесли Анне красивый альбом о послевоенных достижениях Пурвайской волости. Представители колхозов подарили красивые узорчатые варежки, шерстяной свитер и домотканую шаль.

— Как же мне все это дотащить до станции? — смеялась Анна. — Придется просить подводу.

— Если понадобится, хоть две, — сказал Регут. — Но по всей вероятности запрягать не придется. Я слышал, что ты не поедешь поездом.

— А как же я попаду в Ригу? — удивилась Анна.

— Это тебе расскажет товарищ Лидум, — сказал Клуга и как-то лукаво улыбнулся, махнув рукой в сторону Айвара.

Анна вопросительно посмотрела на Айвара. Тот улыбнулся так же странно и лукаво, как Клуга, и сказал:

— Скажу после. Есть новость, которую тебе интересно будет узнать.

Через час, поговорив обо всем, что в таких случаях принято говорить, все стали расходиться. Анна попрощалась с Гайдой, а Жана попросила пойти с ней на квартиру и взять оставшиеся вещи, в том числе и новый велосипед. Жан сейчас же привлек к этому делу и Гайдю, ей удобнее, чем мужчине, отвезти в МТС дамский велосипед.

Айвар тоже пошел к Анне на квартиру. Торопливость, с какой Жан и Гаيدا собрали вещи и ушли, показывала, что у обоих имеется определенное представление о взаимоотношениях Анны и Айвара и что они не желают расстраивать прощания.

Когда Жан и Гаيدا ушли, Анна посмотрела на Айвара и спросила:

— Что это за великая тайна, из-за которой мне не придется ехать поездом?

— Тебе придется ехать по другой дороге, — ответил Айвар. — Давеча, когда тебя еще не было в исполкоме, звонил Артур. Он искал тебя, но узнав, что я поблизости, просил позвать меня к телефону. Сегодня вечером, Анна, нам обоим надо быть в городе...

— Для чего, Айвар?

— Мы приглашены на свадьбу. Мой двоюродный брат женится. Кажется, для тебя не секрет, кто она?

— Нет, Айвар, это ни для кого уже не секрет, — улыбнулась Анна. — Как жаль, что я не знала раньше, надо было подумать о подарке.

— Я не в лучшем положении, — сказал Айвар. — Но беда эта поправимая. Свадебный подарок можно послать и позже.

— Тогда, выходит, нам надо сейчас же ехать.

— Выходит так. Мой мотоцикл в боевой готовности. Между прочим... — Айвар смущенно улыбнулся и опустил глаза: — Артур хотел прислать за нами машину, но я его отговорил.

— Почему?

— Чтобы побыть с тобой немного наедине.

Глаза Айвара смеялись, но в общем он казался почти торжественным, и Анна не могла понять: шутит он или говорит всерьез.

Вскоре она уже сидела в боковой коляске, и Айвар с такой тщательностью укутывал ее ноги шерстяным одеялом, будто они отправлялись на Северный полюс.

Они выехали засветло. На полях еще работали крестьяне. В сарае колхоза гудела молотилка, а чуть поодаль трактор-тащил большой многолемешный плуг, луштивший стерню. Дождь перестал, но воздух был насыщен влагой.

Когда поля Пурвайской волости остались позади, Анна как бы шутя заговорила:

— Ты сказал, что хотел остаться со мной наедине. Это для того, чтобы молчать всю дорогу?

— Нет, Анныня... — вздохнул Айвар. — У меня есть одно предложение, но... я не знаю, как ты его примешь.

— А именно? — Анна пыталась произнести это как можно естественнее, но голос осекся.

— Мой отец тоже будет сегодня на свадьбе, — продолжал Айвар. — Ты можешь поехать в Ригу с ним на машине.

— С удовольствием, это будет чудесно! — отозвалась Анна. — И это все, что ты хотел мне сказать?

— Нет... это не все.

Айвар осторожно объехал какую-то лужу и только тогда взглянул на Анну.

— Я думаю, тебе не стоит устраиваться в общежитии школы. У нас с отцом удобная квартира из трех комнат в центре города. Этой зимой я почти не буду дома. Ты бы могла жить... в моей комнате.

— Почему ты этого хочешь? — спросила Анна, хотя вопрос был совершенно лишним: она очень хорошо знала почему, но все же хотела, чтоб Айвар сказал это сам... очень, очень хотела.

— Тебе это неприятно?

— Я этого не сказала, но ты ведь можешь сказать причину?

— Ладно, Анныня, скажу... Только потом — когда ты согласишься поселиться в моей комнате.

— Позволь мне немного подумать, Айвар.

— Хорошо, я подожду до утра.

Остальную часть пути они оба молчали. Айвар казался совсем печальным. Анне стало жаль его, и она хотела уже признаться, что предложение Айвара доставило ей радость и она принимает его, но та же нежная робость, которая до сих пор заставляла их обоих скрывать свои чувства, не позволила произнести те искренние слова, которые мгновенно согнали бы грусть с лица Айвара.

На полпути Айвару пришлось зажечь фару. В город они приехали, когда почти совсем стемнело.

4

В рабочем кабинете Артура Лидума происходило внеочередное заседание бюро уездного комитета партии. Надо было обсудить несколько неотложных вопросов: о подготовке школ к новому учебному году, о работе уездного партийного кабинета, об организационно-хозяйственном укреплении новых колхозов, и разобрать личные дела нескольких членов партии. Дела эти возникли после недавней ревизии уездного промкомбината и требовали незамедлительного разрешения.

Заседание началось в четыре часа. Артур надеялся кончить его часам к семи, так как основные вопросы были тщательно подготовлены.

— Заседание нельзя превращать в совещание, — имел обыкновение повторять Артур совет своего дяди. — На совещаниях можно по каждому вопросу дискутировать часами, пока не будет достигнута полная ясность, а на заседании все вопросы заранее должны быть настолько ясными, чтобы участники могли сразу определить свое отношение к ним. Если этого нет, то значит, вопрос недостаточно подготовлен.

Принимая решение, он строго придерживался принципа коллегиальности и давал высказать свое мнение каждому желающему, но длинных речей не выносил, поэтому докладчики, хорошо знакомые со стилем работы первого секретаря укома, старались докладывать деловито и лаконично, сберегая свое красноречие для другого, более подходящего случая.

Но как он ни сдерживал ораторов, с некоторыми ему все-таки не удавалось справиться. Самыми опасными были двое: заведующий уездным отделом народного образования Рудзит и заведующая партийным кабинетом Эглите. Они оба обладали способностью хорошо начать любое выступление, но поставить в нужном месте точку не могли. Рудзит любил поговорить пространно и академически о самых простых вещах, нанизывая одну цветистую фразу на другую, и наслаждаться модуляциями своего хорошо поставленного голоса, как певчая птица, увлеченная собственным пением. Он никогда не говорил: «Директор школы Н. работает плохо, и его надо заменить более способным работником...» — а выражался примерно так: «Принимая во внимание индивидуальные качества директора школы Н., которые в конкретных условиях на данном этапе не соответствуют специфическим требованиям, которые выдвигает переживаемое время и историческая ситуация перед ответственными работниками наробраза, — нам следует прийти к выводу, что практическая работа директора Н. не находится на должной высоте, и было бы весьма желательно в возможно короткий срок сделать соответствующие организационные выводы, которые могли бы выразиться в выдвижении на вышеупомянутую должность другого, более подходящего работника». У Эглите было другое опасное свойство: она говорила быстро, без пауз, и прервать ее было так же невозможно, как задерживать на полпути камень, катящийся по крутому склону с вершины горы.

И как раз в этот вечер основными докладчиками по повестке дня были Рудзит и Эглите. Возможно потому, что был субботний вечер и в воскресенье утром можно было поспать подольше, или, может, просто потому, что сегодня оба чувствовали себя в лучшей форме, начало заседания не сулило Артуру ничего приятного.

Рудзит выводил свои фразы, как соловей в майскую ночь, — и с таким самодовольством, что его не сбили даже повторные напоминания секретаря укома о том, что надо говорить короче и держаться ближе к делу. Приводя положительные и отрицательные примеры, он не ограничивался одним характерным случаем, а демонстрировал их целую серию, к тому же весьма основательно, со всеми подробностями. Проговорив полчаса, он все еще не собрался перейти к выводам и предложениям, а когда, наконец, дошел до этого, Артур не выдержал и, остановив

Рудзита, сам прочел участникам заседания резолютивную часть проекта решения. Две-три минуты делового обмена мнениями, несколько дополнительных предложений и уточнений проекта — и вопрос был решен. Рудзит вытирал со лба пот и довольно улыбался; члены бюро тоже вытирали пот, но ни один из них не улыбался. Когда в конце стола поднялась Эглите с толстой папкой в руках, члены бюро, как по уговору, тяжело вздохнули, и каждый посмотрел на большие настенные часы.

О том, чтобы кончить заседание к семи часам, не могло быть и речи. В половине восьмого «опасные» пункты повестки дня были решены, Рудзит и Эглите ушли, и бюро, пробившись сквозь опасные лабиринты подводных скал, получило, наконец, возможность работать нормальным темпом. Артур уже примирился с мыслью, что его гостям придется сегодня сесть за стол без него. Дальнейшие вопросы его очень интересовали, он увлекся и больше не поглядывал на часы.

В одном из соседних домов в маленькой комнатке сидела Валентина Сафронова и читала верстку очередного номера уездной газеты. В последнюю корректуру вкралось несколько досадных ошибок, а когда все было исправлено, позвонили из Риги и сообщили, что на первой полосе завтрашнего номера надо обязательно поместить важную телеграмму. Теперь надо было освободить место для двадцати строчек, перепланировать весь материал первой полосы и ждать, когда принесут из типографии новый оттиск.

В восемь часов Валентина получила, наконец, верстку. Снова затрещал телефон. Девушка сняла трубку и услышала голос Ильзы:

— Ты, детка, наверно, забыла про сегодняшнее событие. Артур меня не удивляет, он не в первый раз забывает свои личные дела, но тебе-то следовало бы вспомнить.

— А который час? — спросила Валентина. — Батюшки, уже восемь! А я думала, что еще нет семи. Нас уже ждут?

— Все собрались: Анна, Айвар, Ян. Нехватает только главных виновников и тех, кого Артур приведет с собой. Поторопи их, чтоб не тянули. Мои слова сегодня не действуют. Может, тебя послушает.

— Ладно, мама, сейчас я ему позвоню.

Валентина прочла первую полосу и, подписав номер, позвонила в уком партии. Секретарь Артура сообщила, что на бюро начали обсуждать последний вопрос.

Через четверть часа Валентина попросила соединить ее с Артуром.

— Сейчас кончим, Валек... — быстро ответил он. — Когда освобожусь, позвоню тебе.

Валентина терпеливо ожидала обещанного звонка. Через пятнадцать минут она решила, что ждала достаточно, и позвонила опять.

— Сейчас, сейчас!.. — сказал Артур. — Можешь надевать пальто и идти сюда, я тебя подожду на улице.

Валентина так и сделала, но Артур не ждал ее, ей самой пришлось прождать его минут двадцать.

— Неужели девять? — удивлялся Артур. — Прямо удивительно, как летит время.

Взявшись под руки, они торопливо зашагали в сторону дома. Пилаг и Цимдынь, которые тоже были приглашены на свадебный ужин, зашли домой за женами.

— Валек, скажи мне правду, — шептал Артур, нагнувшись к ее уху: — ты меня еще хоть немножко любишь или уже разлюбила?

Валентина ответила в том же шутливом тоне:

— Что можно ждать от нелюбимой женщины, которую муж забывает в день свадьбы?

Они так беззаботно рассмеялись, что серый кот, вышедший в свой ночной поход, как подброшенный взметнулся на высокий забор и, сверкнув зеленоватыми глазами, исчез во дворе.

...Только в десять вечера у Лидумов, наконец, сели за стол. Гостей было немного: Ян Лидум, Анна и Айвар, Пилаг и Цимдынь с женами. Все чувствовали себя непринужденно и весело, от всего сердца желали Валентине и Артуру счастливого будущего, а Ян Лидум, наблюдая за радостными лицами молодоженов, время от времени бросал взгляды на Айвара и Анну и думал, что сегодня вполне могло бы быть две пары вместо одной, но вторая пара неизвестно почему тянет и так неумело скрывает свои чувства, что смешно на них смотреть. Позже немного потанцевали, и Ильза, вырастившая сына, но сама не изведавшая семейного счастья, выйдя на кухню, даже немного всплакнула — не от горя, конечно, а от избытка счастья. В три часа Пилаги и Цимдыни ушли, а Артур, Валентина, Айвар и Анна их проводили.

На обратном пути Артур и Валентина поспешили домой, и Анна с Айваром остались вдвоем. Медленно брели они по улицам.

— Обдумала ты мое предложение? — спросил Айвар.

— Да... обдумала, — тихо ответила Анна.

— Ну и... что?..

— Думаю, что это очень хорошее предложение.

— Правда ведь? Ты будешь чувствовать себя как дома, и никто не будет тебе мешать.

— А теперь скажи, почему тебе хочется, чтобы я поселилась в вашей квартире?

— Скажу, Анныня, но только с одним уговором.

— Опять условия? — улыбнулась Анна.

— Не условия, а дружеская просьба.

— Слушаю, Айвар.

— Обещай, что твое решение не изменится и в том случае, если тебе не понравится... если тебе будет неприятно то, что я скажу. Это тебя ни к чему не обязывает.

— Хорошо, Айвар, обещаю... — Анна знала, что он скажет; хотя еще не было произнесено ни одного слова, ее сердце чуть не выскочило из груди, и только темнота помогла ей скрыть от Айвара радостно-счастливое смущение.

— Причина очень простая, но чрезвычайно важная... — Голос Айвара дрожал от волнения. — С того часа, как я тебя увидел впервые у церкви в день твоей конфирмации, я полюбил тебя... С каждым днем ты становилась

для меня все милее и дороже... и нет у меня сил больше молчать. Прости, Анныня, что я так внезапно и эгоистично ворвался в твою жизнь. В твоей власти ответить на мое предложение или отвергнуть его, но только не лишай меня своей дружбы.

— Милый... — прошептала Анна, прижимаясь к плечу Айвара.

Айвар впервые в жизни услышал слово «милый», звучавшее такой глубокой нежностью, такой лаской, — так еще ни один человек с ним не говорил. Все воплощало в себе это коротенькое слово: и солнечную радость исполнившейся мечты, и нежный призыв, и клятву на всю жизнь, и невыразимую красоту самой великой жизни.

Они дошли до тихой окраины, до подножья старинного замка, стоявшего на холме. Сырой ветер раскачивал верхушки деревьев, безжалостно срывал целыми пригоршнями пожелтевшие листья и разбрасывал их в темноте. Кое-где еще виднелись освещенные окна, в одном доме громко играл патефон, и собака откликнулась на звуки музыки коротким прерывистым лаем.

Они еще долго не возвращались домой. Взявшись за руки, гуляли они по улицам, как бы плутая по лабиринту своего юного счастья. Для них все было новым, неизведанным. Каждый хотел узнать друг у друга все, что когда-то они думали и чувствовали при встречах. Как прекрасно было в эту ночь оглянуться на пройденный путь их любви, полной сомнений, неизвестности и одиноких мечтаний, и чувствовать, что наконец-то этот путь соединил их жизни, что они никогда больше не потеряют друг друга.

Когда они, наконец, вернулись, Валентина сказала:

— Мы уже хотели искать вас, думали, что заблудились.

Айвар посмотрел на Анну, и оба улыбнулись.

— Заблудились? — сказал Айвар. — Нет, друзья, мы нашли самый правильный путь.

— Так, так... — тихо сказал Ян Лидум, но больше ничего не добавил — он опасался сказать что-нибудь необдуманное, неподходящее, что могло нечаянно задеть эти юные души.

На следующий день Анна уехала с Яном Лидумом в Ригу. Айвар вернулся к Змеиную болоту. И хотя теперь там не было Анны, он знал — ее мысли, ее чистая любовь будут сопутствовать ему на каждом шагу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Пронзительно затрещал будильник.

Айвар нащупал в темноте часы и заглушил звонок. Обычно он просыпался сам в половине седьмого, и ему в те дни будильник был не нужен, независимо от того, когда он ложился спать. Более шести часов настоящего, крепкого сна ему не требовалось.

Два раза в неделю ему надо было вставать на час раньше, и тогда требовалась помощь будильника. Минут

десять Айвар занимался гимнастикой, потом обтирался мокрым полотенцем и одевался.

Приятно было чувствовать себя здоровым, но еще приятнее было чувство удовлетворения жизнью. В последнее время Айвар не знал никаких противоречий между желаемым и существующим. Его моральное состояние полнее всего выражало маленькое слово — счастье. Да, он был счастлив в самом подлинном значении этого слова — не околдован, не охвачен нахлынувшими чувствами, а сознательно счастлив и всегда ясно сознавал, что с ним происходит. В таком состоянии человеку свойственно искать во всех вещах и явлениях прекрасное, и он находит это на каждом шагу. Сама многокрасочная и необъятная картина жизни становится в его глазах воплощением красоты, наблюдая и осязая которую возможно прийти только к одному всеобщему выводу: жить хорошо!

Айвар сел к столу и начал писать письмо Анне. Они писали друг другу два раза в неделю, и каждое письмо отрывало что-то новое о каждом из них: то, что им не удалось заметить, распознать за долгие годы знакомства, теперь постепенно раскрывалось само собой. Переписка сближала их, помогала переносить разлуку. Позавтракав на скорую руку, Айвар отправился на трассу.

Был конец осени, в воздухе уже чувствовалась близость зимы. Земля по утрам покрывалась инеем, в канавах под тоненькой корочкой льда тихо журчала вода. Когда солнце поднималось выше, земля оттаивала и ледок исчезал, но местами ранние зимние приметы сохранялись до самого вечера. С колхозных полей убрали картофель, сахарную свеклу и все овощи, а на озимых полях всходы пшеницы и ржи покрывали землю зеленым бархатом. Все живое было вылушено, хлеб обмолочен, и наступила та спокойная пора, когда люди заняты работой, до которой раньше не доходили руки. Последние перелетные птицы — дикие гуси, утки и лебеди — улетали в теплые края. В лесах протяжно пели пилю, стучали топоры и дымились большие костры, один-другой возчик бревен уже направлялся на станцию к лесным складам или к берегу реки.

Рабочие мелiorативно-строительной конторы спешно заканчивали устройство мелкой сети каналов в тех местах, куда они не могли подойти со своими машинами до уборки урожая. На многих полях достаточно было прорыть канал, но местами, где процесс заболачивания зашел слишком далеко, приходилось поднимать слой торфа, поэтому хватало работы и болотному плугу и тяжелой дисковой бороне. Между прочим были вспаханы и все луга бывшей усадьбы Сурумы, та же участь постигла и пастбища.

На законченном участке Айвара ждали Регут и Алкнис: в этот день сдавали колхозу проделанную за прошлую десятидневку работу. Более часа обмеряли они каналы и культивированные участки земли, проверили все сооружения, дороги, мостки, сверили все с техническим проектом и составили приемо-сдаточный акт.

— Жаль, что в самом начале не остановились на дренаже вместо открытых канав, — сказал Регут, окинув взором сточную сеть. — С деньгами было туговато. Теперь

денег достаточно, но не хочется все переделывать заново. Подумай сам, товарищ Лидум, какая была бы картина — громадное поле, гектаров в пятьдесят, без единой канавы и межи. Совсем другие условия работы для трактора. Со временем можно было бы пустить комбайн.

— От этой мысли отказываться не надо, — ответил Айвар. — Дренаж можно устроить и в будущем году, а в дальнейшем, когда подступимся к самому болоту, надо предусмотреть это заранее.

— Придется подумать. Соберемся как-нибудь вечером и подсчитаем, во что это обойдется. Может, будет по силам.

— Обойдется, конечно, намного дороже, чем открытая сеть, зато наша работа пойдет на пользу целому поколению. Затраченные средства окупятся в несколько лет. Ведь мы живем не только для одного года.

— Правильно, Лидум, я тоже думаю об этом. Если сегодня сделаешь что-нибудь потруднее, завтра этого не надо будет делать. Подумать только, какая жизнь будет у наших детей!

— Но мы ведь не собираемся завидовать им, — засмеялся Айвар.

— У них тоже будут свои большие трудные задачи.

— И еще какие, Регут! Сегодня мы не можем даже представить этого.

— Эх, как хотелось бы хоть годок пожить в тех условиях.

— Поживешь и больше, только не торопись умирать раньше времени.

— Еще чего нехватает! — рассмеялся Регут. — Чем плохо мне живому?

Они закурили и расстались, уговорившись встретиться в следующее воскресенье, чтоб окончательно обсудить вопрос о дренаже. Регут пошел на молочно-товарную ферму проверять, как спорится работа у строителей нового коровника, а Айвар — на инчупскую трассу.

Там его ждал помрачневший и неразговорчивый Дудум: моторист второй смены испортил мотор экскаватора, и сейчас срочно надо достать хоть из-под земли несколько запасных частей.

— Наверно, спал за работой? — ворчал Дудум. — Как можно не чувствовать, что с мотором что-то не ладится? Посмотрел бы, прислушался... Теперь простоим несколько дней.

Айвар записал, какие нужны детали, и обещал в тот же день связаться с министерством.

— Некоторыми деталями нас выручит товарищ Драва, — не может быть, чтоб у них в МТС не было никакого запаса. Пока приведут экскаватор в порядок, надо будет побольше выжать из второй машины. Организуем третью смену, Дудум.

— Другого выхода нет, товарищ Лидум. Иначе мы здесь проканителимся до самого нового года.

«Проканителимся»... — это было сказано слишком сильно: из шестикилометровой магистрали, которая должна соединить болото с Инчуше, осталось прорыть небольшой конец — метров четырехста. Старшие экскаваторщики до сих пор зарабатывали в среднем от тысячи двухсот до тысячи пятисот рублей в месяц и до трехсот килограммов зерна, а это даром не давалось. Дудум был

настоящий труженик и, составляя семейный месячный бюджет, запланировал себе еще большую выработку. Непредвиденная неполадка взволновала его.

— Ладно, товарищ Лидум, тогда я сегодня вечером перейду в третью смену на машину Пацеплиса, а этот теленок пусть сидит у моря и ждет погоды.

«Этот теленок» — второй моторист экскаватора, молодой и жизнерадостный парень, — стыдливо держался в стороне: он знал, что любая попытка оправдаться еще больше рассердит механика.

Немного спустя Айвар уже разговаривал с Жаном Пацеплисом, который работал на втором экскаваторе.

— Как дела? Не надоело черпать это черное золото?

— А разве кому-нибудь уже надоело? — весело отозвался Жан, приостановив работу.

— Дудум больше не черпает.

— Ах, наконец и ему хватило. Удивительно. А я думал, он хочет вычерпать все болото. Да, что говорят метеорологи? Скоро ли возьмемся за болото? До сих пор мы вроде отрываем паучьи ноги, хотелось бы добраться до самого паука.

— Немного осталось ждать, — сказал Айвар. — Если метеорологическое бюро не подведет, то через несколько дней над Змеиным болотом прокатится волна похолодания и вымостит дорогу для твоего экскаватора.

— Нельзя ли поторопить метеорологов, чтобы скорее направили сюда мороз? Если бы ты знал, Айвар, как я его жду.

— Все ждем, а он делает по-своему. Тебе привет от Анны...

— Спасибо... — Жану почему-то стало неловко. Он хорошо знал, что между Анной и Айваром что-то есть... но никак не мог найти другой тон, который подходил бы к новой ситуации, и продолжал притворяться ничего не понимающим. Против дружбы Анны с Айваром (а там, наверное, было что-то больше простой дружбы) у него возражений не было, но войти в роль будущего родственника ему было так же трудно, как, например, представить Римшу своим будущим тестем. — Эх, пусть только ударит мороз, тогда держись, болото...

Экскаватор заработал снова.

Айвар взял шаблон и спустился в канаву. Проверив качество вчерашнего рытья и поговорив с рабочими из колхозной бригады, он вернулся на машинно-тракторную станцию.

— Товарищ Драва, теперь тебе снова придется помочь мне, — обратился Айвар к директору МТС.

— Выкладывай. Если смогу, торговаться не буду.

Когда Айвар изложил свои нужды, Драва вначале, как бы сомневаясь, задумался — больше, конечно, для виду, чтобы услуга показалась больше, а затем обещал узнать, есть ли в машинном сарае и в кладовой подходящие части. Оказалось, что есть. Потом Айвар связался по телефону с министерством, и ему обещали прислать недостающие части завтра же с работником, который едет в командировку.

Под вечер он снова отправился на трассу, принял работу за день и на обратном пути завернул на болото. Замшелый мох хрустел под ногами, вода между кочками

замерзла, но когда Айвар проломил каблуком лед, нога по щиколотку погрузилась в грязь.

— Плохо подморозило. Не выдержит машины. Хотя бы скорей подошла обещанная волна похолодания.

Айвар, вернувшись домой, и в этот раз, как обычно, просидел над книгой далеко за полночь.

2

Как-то ночью в начале декабря задул северо-восточный ветер; казалось, где-то за лесами и полями внезапно раскрылась замидекая дверь огромного ледника, и из нее вырывалось холодное дыхание, замораживая все попадавшееся на пути. По утрам и вечерам край небосвода вспыхивал бледнозеленым светом. Воробы нахохлились и искали убежища под теплыми стрехами; петух, выводя своих кур на очередную утреннюю прогулку, поджигал поочередно ноги, пытаясь согреть их. Трещал мороз, разрисовавший за одну ночь оконные стекла сверкающими цветами, и люди торопились со дворов в избу.

— Ну и щиплет! — говорили они, потирая замерзшие руки.

Проснувшись, Айвар бросил взгляд на сказочно разукрашенное окно и понял, что произошло то, чего он ждал всю последнюю неделю. Одевшись быстрее обычного, он поспешил к болоту и обошел всю главную трассу. Он пытался пробить каблуком лед и добраться до торфяного слоя, но лед не поддавался. Рыхлый верхний слой земли превратился в толстую прочную пятнадцатисантиметровую корку, она не прогибалась, когда на нее наступал человек.

«Скоро начнем... — сказал себе Айвар. — Если мороз продержится хоть сутки, можно будет смело пускать на болото машины».

Отводная канавка от речки Инчуле до болота была уже вырыта, второй экскаватор починен и отправлен на другой конец болота — туда, где раудупский канал упирался в трясину. Всю последнюю неделю рабочие вырубали кусты, срезали кочки и освобождали болотную землю от редких пней, свидетельствовавших о том, что когда-то на этом месте высились стройные ели. Для каждого экскаватора были заранее построены деревянные мостки.

Колхозники подвезли к трассам крепёжный материал, а Айвар проверил шикетные знаки, кой-где заменил колышки и возобновил отметины.

И вот однажды, подождя, пока солнце поднимется повыше, люди столпились у экскаватора Дудума, чтобы видеть, как старый мастер въедет со своей машиной в болото. Болото закрипело под гусеницами, как бы застонав в бессильной злобе, но не было у него больше силы засосать непростенного нарушителя покоя.

Стрела описала плавную дугу, и металлический грохот отдался далеко в просторах болота, когда могучий ковш начал вгрызаться своими гигантскими зубами в мерзлую землю. Большими кусками отламывалась твердая кора торфа, на солнце сверкали вмерзшие в поры почвы ледяные кристаллы. Сняв твердую верхнюю кору, ковш экска-

ватора очень скоро достиг незамерзшего слоя и стал легко наполняться до краев. Вместе с рыхлой землей в воздух поднималось огромное количество грязи, и по обе стороны магистрали медленно росли кучи вынудной болотной земли. Когда было вырыто несколько метров новой канавы и Дудуму стало трудно управлять ковшом, он подал машину назад, въехал на следующий настил, а первый с помощью тросов вынули из углубления и поместили позади машины.

Убедившись, что здесь все в порядке, Айвар с несколькими людьми направился к противоположному концу болота. Жан Пацелис уже был у своего экскаватора. Дождавшись Айвара и колхозников из мелиоративной бригады, Жан медленно въехал со своей машиной на установленную в конце канавы платформу и после небольшой подготовки принялся за работу. И снова хрустел лед, злобно стонало болото, как будто в его черную грудь безжалостно и неотвратно вонзилось огромное копые, острие которого нащупывало самое сердце.

«Скрипи, скрипи... — думал Жан. — Сколько ни моли — никто тебя не пожалеет, так же как ты никого не жалело на своем веку».

Резкий, насквозь пронизывающий ветер обжигал лицо, когда Жан высовывал голову из моторной будки, в мерзлом воздухе носились редкие снежинки, повсюду вокруг трассы, как черные злые глаза, мрачно поглядывали застывшие болотные окна. Одна за другой перерезались жилы болота, и на дне канавы скапливалась темная, мутная жидкость; она мелкими струйками стекала по откосам вырытого канала и, скрываясь под ледяным покровом ранее вырытой магистрали, стремительно бежала к реке.

Бульдозер спешил выровнять кавальеры, пока земля еще не застыла, а колхозники заглаживали, укрепляли участок новой канавы, поэтому на трассе царил большое оживление. Грохотали машины, и работающим приходилось громко кричать. Время от времени люди похлопывали замерзшими руками по бокам и прыгали с ноги на ногу. Рядом с трассой горел в кустах костер, к нему рабочие по очереди подходили погреться и выкурить папиросу.

Жан только на минуту оставил свою моторную будку и, присев на кочку у костра, съел кусок хлеба. На душе у него было радостно и чуть тревожно. Много поколений людей не осмеливались начать борьбу со страшным противником, и болото, как огромный дракон, разрасталось и неутомимо пожирало плодородные земли, распухая, расплываясь с каждым днем и становясь все огромное и прожорливее. Теперь человек осмелился, наконец, подняться на борьбу, и он, Жан Пацелис, находится в самом авангарде — разве это не счастье, не огромная честь? Сердце его трепетало от гордости и радости; ему хотелось по целым суткам сидеть у руля машины и не уходить, пока не будет кончена вся работа.

Айвар весь первый день провел на болоте, переходил от одного экскаватора к другому, наблюдая за их работой, помогая рабочим не только советом, но часто и руками.

Словно угадав мысли Жана, Айвар присел рядом с ним к костру и, закусывая мерзлым хлебом с жареной свиной, обратился к парню:

— Ну как, дождался?

Жан улыбнулся и кивнул головой.

— Что ты думаешь делать, когда осушим болото? Останешься здесь или уедешь с Дудумом на какое-нибудь другое болото? Ведь у тебя теперь новая квалификация. Да и заработок неплох.

— Все это верно, но когда в МТС начнут работать на комбайнах, будет еще интереснее.

— Вернешься к Драме?

— По всей вероятности. Он обещает взять меня бригадиром, и я договорился, что вернусь в МТС, когда на болоте больше не понадобится экскаватор.

— К весне мы обязательно должны все закончить.

Посев хлеба, Жан вернулся к машине. Стемнело рано. Тогда на экскаваторе засветился мощный прожектор и, как громадное золотое копые, далеко, далеко вперед рассек темноту. На противоположном краю болота вспыхнул другой прожектор, он зажигался и потухал, как огромный глаз, приветливо мигающий издали. Жан повернул кабину к другому краю болота и ответил на приветствие Дудума.

Не зная, сколько времени продержится мороз, Айвар организовал работу в три смены. В десять часов вечера Жан Пацелис сдал машину своему сменщику, но уходить не спешил. Отойдя немного в сторону, он долго наблюдал за работой сменщика и остался не совсем ею доволен.

«Халтурит, поганец... как бы не свалился с платформы... еще разобьет машину... — думал он, с тревогой наблюдая за неровными, дергающимися движениями экскаватора. — Новичок остается новичком. Словами ему ничего не вдолбишь».

Он, наверно, простоял бы еще долго, но тут подошел Айвар и предложил пойти вместе домой.

— Идем, Жан. У меня для тебя новость.

— Вот как? — Жан посмотрел на Айвара. — Ладно, идем...

«Наверно, что-нибудь про Анну, — подумал он, шагая рядом с Айваром по направлению к краю болота. — Видно, получил письмо».

8

Жан ошибся: то, о чем хотел рассказать ему Айвар, не имело отношения к Анне.

— Организуется несколько новых МТС. Одна здесь же — на севере нашего уезда.

— Вот как? — отозвался Жан. — Старые, наверно, не справляются. Как организовались колхозы, не успевают обработать всю землю.

— Пока еще справляются, но когда волна коллективизации прокатится по всей Латвии, тогда будет поздно что-нибудь организовать. Мы должны быть готовы уже сегодня. Проснулась крестьянская масса, распаталась праведовские устои. Еще немного, и она потребует новой жизни.

— К тому, кажется, идет, Айвар...

— Несомненно. Слышать, директором одной из новых МТС будет кто-то из работников нашей машинно-тракторной станции.

— Наверно, Финюгенов? — довольно равнодушно заметил Жан.

— Нет, Жан. Финюгенов пока останется здесь, — ответил Айвар. — Директором уходит старший агроном Римша.

— Римша? — От неожиданности Жан даже остановился. Его равнодушие как рукой сняло. — Не может быть!

— Почему не может быть?

— Тогда я что-нибудь узнал бы от... — Он осекся и продолжал, глядя в сторону: — от рабочих МТС. Никто из них ничего еще не знает.

— Об этом узнали только вчера. Римшу вызвали в Ригу — в министерство и в Центральный Комитет партии. Если его кандидатуру найдут подходящей, ему сразу придется перебраться на новое место.

— Вместе с семьей? — вырвалось у Жана. Он готов был откусить себе язык за неуместный вопрос, но помочь ничем уже было нельзя. Айвар невольно улыбнулся, он понял, какая забота гложет сердце его спутника.

— А как же иначе, — сказал Айвар. — Если уедет глава семьи, уедет и семья. Почему тебя это удивляет?

— Меня? Нет... я ничего... просто так... чего же тут удивляться.

Весь остальной путь до МТС Жан молчал. Нарочно отстав немного от Айвара, он с грустью думал: «Поедет Гайда с отцом или останется здесь? Наверяд ли. И Гайде оставаться здесь незачем. Она и на новом месте найдет подходящую работу и новых друзей. Но тогда развалится кружок танцев, некому будет руководить им... прощай мечта об участии в республиканском Празднике песни! Если Гайда уедет, все остановится. Кончатся тренировочные поездки на велосипеде, республиканские соревнования на первенство по велокроссу пройдут без Жана Пацелиса, и даже Пурвайская МТС не будет больше привлекать его. С одинаковым успехом можно будет рыть и другие болота или водить трактор в какой-нибудь дальней МТС».

Агроном Римша был хороший человек, простой и искренний в обращении с людьми, и Жан желал ему всяческих успехов, но в тот вечер он никак не мог совладать с одним эгоистичным желанием: как бы хорошо было, если бы министерство или Центральный Комитет нашли кандидатуру Римши неподходящей для должности директора. Все осталось бы по-старому, жизнь потекла бы по прежнему руслу, и рано или поздно произошло бы то, о чем уже давно мечтал Жан. Не будучи уверенным в чувстве Гайды, он был убежден, что потеряет ее навсегда, если она уедет отсюда. Забудет, подружится с другим и станет жить спокойно и счастливо, как будто Жана Пацелиса совсем не существует на свете.

— А далеко это? — вырвался у него другой необдуманный вопрос, когда до усадьбы Урги оставалось всего несколько сот шагов.

— Что? — спросил Айвар.

— Эта новая МТС...

Айвар назвал дальнюю волость. После этого Жан ничего уже не спрашивал. На дворе МТС они расстались.

Айвар вошел в дом, а Жан еще немного постоял посреди двора, смущенно глядя на освещенные окна второго этажа. За этими окнами была Гайда... и скоро ее здесь не будет.

В рабочем общежитии стукнула наружная дверь, кто-то шел по двору. Жан поспешил уйти, пока его не увидели.

В общежитии все уже знали об уходе Римши: под вечер он позвонил из Риги жене и велел собираться, так как на новом месте директору была уже приготовлена квартира.

Жан поужинал и лег спать, но через каждые полчаса вставал и выходил во двор. Немного побродив, поглядев на окна квартиры Римши, он опять возвращался обратно.

— Что с тобой, живот заболел, что ли? — спрашивали его товарищи. — Наверно, на болоте надорвался.

— Побудьте в моей шкуре, тогда узнаете, что это... — проворчал Жан, предоставляя им думать все, что угодно.

— Нелегко целый день провозиться на болоте, — сочувственно заметили товарищи.

Около полуночи со двора донесся шум мотора «газика». Не иначе, как приехал Римша. Не обращая внимания на замечания товарищей, Жан опять поднялся и вышел. Он не ошибся: агроном Римша стоял у машины и доставал из нее какие-то узлы. Когда Римша вошел в дом, Жан подошел к шоферу и равнодушно спросил:

— Что нового?

— Новости разные, — ответил шофер. — Наш агроном уезжает.

— Это я уже слышал. А скоро?

— Завтра. Вещи повезут на грузовике, а мне придется ехать с людьми.

— Тогда им для погрузки потребуются помощники.

— Все может быть... — ответил шофер и поспешил с «газиком» в гараж.

Жан вернулся в общежитие. «Весной, когда кончим работы на болоте, — думал он, — я с успехом могу поступить трактористом в новую МТС. Римша будет еще больше нуждаться в людях, чем Драва. Если нельзя устроиться бригадиром, пойду трактористом».

Эта мысль немного успокоила его, и он проспал несколько часов. Утром, поднявшись сразу же после ухода первой смены, Жан вышел во двор. Ну, конечно! Грузовик уже стоял у дверей дома, вся семья Римши и рабочие МТС грузили вещи.

Жан подошел к ним, поздоровался с Гайдой и стал помогать. Очевидно, вещи были упакованы заранее, поэтому погрузка шла быстро и закончилась раньше, чем Жан успел расспросить Гайду. Она тоже не спешила рассказывать и была так спокойна, будто в ее жизни ничего не изменилось. Ее уравновешенность и деловитость даже немного задела Жана.

«Странный человек... — подумал он. — Такое равнодушие, будто я вовсе не существую. Даже не собирается попрощаться как следует».

У Жана глаза расширились от удивления, когда вся семья Римши, одетая по-дорожному, вышла из дому. Гайда вела свой велосипед и грузить его на машину не собиралась. Когда в «газик» сели отец и мать, Гайда поцеловала их, помогла укутать ноги одеялами, но сама не села с ними.

Первым тронулся грузовик и не спеша выехал со двора, потом загудел мотор «газика», и легковая последовала за грузовой. Гайда помахала рукой, посылая прощальный привет отъезжающим, потом спокойно села на велосипед и уехала в сторону волисполкома. Жан понял — происходит что-то необыкновенное и ему надо немедленно действовать. Стрелой метнулся он в дом, быстро надел ватник и выкатил свой велосипед. Он только еще вскочил на седло, а велосипед Гайды уже скрылся в лесу у старой, наполовину разобранной усадьбы Сурумы, но Жан был бы плохим кандидатом в чемпионы, если бы он не догнал девушку на полпути к Народному дому, даже если бы она ехала тоже в гонимом темпе...

...Прошлой ночью, когда Жан, охваченный тревожными думами, ворочался на кровати, в квартире Римши происходил серьезный разговор. Узнав, что отец завтра же со всеми пожитками хочет переселиться на новое место, Гайда села у окна, долго смотрела в сторону темневшего в конце двора общежития и о чем-то думала. Когда мать напомнила, что неплохо бы и ей уложить свои вещи, Гайда спокойно сказала:

— Я нигде не поеду.

— Как не поедешь? — Мать всплеснула руками, а отец от удивления пожал плечами. — Куда же ты денешься?

— Останусь здесь. Может быть, переберусь ближе к Народному дому и поселюсь в комнате Анны Пачепле, знаете, там, у самого волисполкома. Она сейчас свободна.

— Что за вздор? — возмутилась мать. — С каких это пор тебе надбело жить с родителями?

— Во все не надоело, — возразила Гайда тем же спокойным тоном. — Меня еще никто не освободил от работы, и я не могу бросить на произвол судьбы все, что мне доверено. Пока не будет назначен новый заведующий Народным домом, мне придется остаться, ведь это естественно.

— Гайда права, — заметил отец. — Работа остается работой.

— Но ты ведь не останешься здесь надолго? — спросила мать. — Неужели в волости не найдется другого заведующего? Через неделю ты сможешь приехать к нам, а вещи, которые тебе пока не нужны, мы завтра захватим с собой.

— Я думаю, что останусь здесь больше, чем на неделю, — ответила Гайда. — Хороша я буду коммунистка, если брошу недоделанной начатую работу. Мы возлагаем большие надежды на предстоящий Праздник песни... кроме того, физкультурная работа, которая так хорошо сейчас наладилась, комсомольская организация, за которую я отвечаю не меньше, чем за Народный дом... Нет, нечего и думать об отъезде. Я должна остаться и продолжать работу.

— Но как же ты будешь жить одна? — не успокаивалась мать. — Что люди скажут?

— Скажут, что я поступаю правильно! Да и что тут особенного: рано или поздно мне все равно придется жить самостоятельно. Не маленькая. Как-нибудь, за плечами уже двадцать два года. Подумай, мама, на что будет похоже:

молодая коммунистка, имеющая интересную работу, приносит обществу пользу и вдруг все бросает, становится безработной барышней, иждивенкой родителей! Со стыда сгорюшь.

Она принялась помогать родителям унаковывать вещи. Когда мать пыталась снова вернуться к прерванному разговору, Гайда объявила, что ее решение окончательно и бесповоротно и по этому поводу не стоит столько разговаривать. Скоро мать вышла на кухню: агроном посмотрел на свою любимицу, лукаво улыбнулся и спросил:

— Ну, давай начистоту: правда ли, что тебя задерживает только Народный дом и комсомольская организация? Не замешано ли здесь сердечко?

Внезапный румянец на щеках Гайды и ее деланный смех подтвердили подозрения отца.

— Поступай, как найдешь нужным, — сказал отец. — Я не сомневаюсь, что ты сможешь прожить одна, но нас с матерью все-таки не забывай.

— Папа, как ты можешь так говорить! — воскликнула Гайда и, взяв голову отца в свои руки, тормошила до тех пор, пока он не признался, что последние слова сказал в шутку. Тогда Гайда поцеловала его в обе щеки и отпустила.

Так было прошлой ночью. А сейчас велосипед Гайды ловко лавировал между замерзших рытвин большака. Вдруг посреди леса рядом с одинокой велосипедисткой затрещал звонок другого велосипеда.

— Что все это означает? — Жан не нашел более разумного вопроса.

— Что? — удивилась Гайда.

— Ну, вот это, что ты... что твои родители уехали, а ты осталась...

Гайда пожала плечами и сошла с велосипеда.

— Разве я не имею права оставаться здесь? Или ты недоволен, что я не уехала с родителями? Жаль, не знала раньше, что я нежеланный человек в Пурвайской волости.

— Что за вздор, — горячо запротестовал Жан. — Хорошо, что ты осталась.

— Почему? — улыбнулась Гайда.

— Просто так. Мне приятно, что ты здесь, вот и все. Мы сможем вместе тренироваться к велокроссу... и тому подобное.

Гайда состроила ужасно серьезную, почти сердитую мину и пристально посмотрела в глаза Жану.

— Ты думаешь, я только потому осталась, чтоб кататься с тобой по лесу? Спасибо, вы, уважаемый товарищ, довольно высокого мнения о себе.

— Почему ты всегда понимаешь меня превратно и ловишь на слове! — огорчился Жан. — Ясно, что у тебя были серьезные причины. В конце концов мне все равно, почему ты осталась, важно только, что так случилось. Ты не хотела оставить начатую работу, пока она не доведена до конца, вот и все.

— Конечно. Разве ты на моем месте поступил бы иначе?

— Ни в коем случае! — подтвердил Жан.

Гайда внимательно посмотрела на Жана, как бы проверяя, так ли он думает, и снова села на велосипед. На

опушке леса, неподалеку от волостного исполкома, она еще раз остановилась и сказала:

— Я хочу снять ту комнатку, где прошлым летом жила твоя сестра. Но ты не ездил со мной. Так будет... лучше.

— Ладно, Гайда... у меня и времени-то нет. На следующей неделе я буду работать в первой смене. Тогда мы как-нибудь вечером опять проедемся по маршруту кросса, правда?

— Если ты будешь столь великодушным и разрешишь мне участвовать в поездке... — насмешливо отозвалась Гайда, нахмурилась брови, но не выдержала и весело рассмеялась.

Жан смотрел ей вслед, пока она не подъехала к тому дому, где когда-то жила Анна, затем сел на велосипед и с бешеной скоростью понесся обратно к машинно-тракторной станции.

«Великолепная девушка... ну такая... ну, прямо такая... словами не выразишь...» — думал он, с такой силой нажимая на педали, будто они были его злейшими врагами. Он с улыбкой глядел на зашпигованные деревья, мимо которых проносился, многозначительно кивнул головой старой ели и сказал:

— Так-то! А

И, казалось, старое дерево от неожиданности вздрогнуло, задрожали его пышные ветви, и на землю упало целое облако белых блестящих цветочков ивня.

4

За несколько дней до Нового года с экскаватором Дудума случилось несчастье: поздно ночью, когда на машине работал один из молодых мотористов, экскаватор, отступая на несколько метров от конца вырытой канавы, сполз правой гусеницей с настила, накренился и опрокинулся. Как будто только этого и ожидая, предательское болото раскрыло свою пасть и грозило поглотить нарушителя спокойствия. Когда Айвар, узнав об этом, поспешил на трассу, экскаватор уже наполовину погрузился в трясину.

Айвар поднял на ноги рабочих свободных смен, членов колхозной мелиоративной бригады и попросил в помощь людей из МТС. Наскоро изготовили несколько новых платформ, и на следующий день к месту аварии удалось подвести мощный трактор с лебедкой.

Поднять экскаватор на твердой земле не составляло бы никакого труда, но как это сделать на предательской трясине, которая только и ждала, как бы заманить в свои объятия еще одну жертву — трактор. Сантиметр за сантиметром с огромным терпением и настойчивостью воля людей вырывала у болота его жертву. Как только удавалось немного приподнять опрокинувшийся экскаватор, люди подсовывали под него доски, камни, крепежный лес. К следующей ночи борьба за машину подвинулась настолько, что и под вторую гусеницу подвели новую стлань.

Айвар ни на минуту не покидал места аварии, не спал двое суток. Голодный, забрызганный грязью, мокрый от пота, он работал за троих.

Когда экскаватор, наконец, был установлен на трассе,

Финогенов хотел было уговорить Айвара пойти домой и немного отдохнуть, но тот отказался.

— Пока машина не начнет работать, я останусь на месте. Иначе того и гляди опять провалится.

Над болотом дул леденящий ветер, на морозе стыли лица. У Айвара по спине забегали мурашки. Не обращая на это внимания, он пробыл на болоте до зари, пока удалось, наконец, вынуть первые ковши земли. Убедившись, что все наладилось, Айвар ушел в МТС. Всю дорогу его знобило. Дома он немедленно разделся и лег в постель.

Вечером пришлось пригласить врача. Зултер сказал, что у него воспаление легких.

— Придется недели две пролежать в постели. А если будет осложнение, эта шутка может обойтись вам гораздо дороже.

— Что за ерунда, — заволновался Айвар. — Вы знаете, что мне некогда валяться. Сделайте так, чтобы я смог вернуться в строй дня через два-три.

— Это от меня не зависит.

— Но я ведь не могу лежать дома, когда началась самая горячая работа. Понимаете, товарищ Зултер, не могу...

— Вам надо было подумать об этом раньше. Совершенное безумие — простоять потным всю ночь на морозе!

Поняв, что дело действительно слишком серьезно, Айвар сдался, но просил ничего не сообщать о его болезни отцу и Анне.

Две недели боролся он с болезнью... две недели ни разу не позвонил Анне, а если иногда поздно вечером раздавался звонок из Риги, Айвар просил Финогенова сказать Анне или отцу, что он уехал и неизвестно когда вернется.

В середине января, когда Айвар начал вставать с постели, в одно из воскресений приехали Ян Лидум и Анна. Айвар после болезни был довольно слаб, и Анна по одному его виду догадалась, что с ним что-то случилось. Он все рассказал и долго выслушивал упреки Анны и отца.

— Ведешь себя как мальчишка, — сердился Лидум. — А ну, как не поднялся бы с постели, вдруг пришлось бы отдать концы, — чудесно сберечь бы нас от неприятностей. Задай ему, Анныня, как следует — он тебя боится больше, чем родного отца.

Когда Лидум оставил их вдвоем, Анна действительно хорошенько «пробрала» Айвара.

— Я слышала, что партийная организация вашего министерства на ближайшем собрании будет рассматривать заявления о приеме в партию.

— Будут, наверно, рассматривать и мое заявление и рекомендации, — заметил Айвар.

— Вероятно... Но рекомендацию, которую я тебе дала, возьми обратно и буду возражать против того, чтоб тебя приняли в партию. Улыбаться нечего, я говорю вполне серьезно!

— Но почему же, Анна? — Айвар продолжал улыбаться.

— Потому что ты жесток — ни одного звонка, ни одного правдивого слова! Я думала все что угодно, а он...

— Он готов искупить свою вину! — воскликнул Айвар. — Если хочешь, я буду теперь каждое утро телеграфировать, какая у меня температура!

Айвар был прощен.

Вечером, навестив Жана и отца, Айна уехала с Лном Лидумом в Ригу. Айвар же взялся за книги, чтобы наверстать пропущенные занятия; через неделю он поедет в Ригу на партийное собрание, а заодно сдаст один зачет в Сельскохозяйственной академии.

5

В середине февраля экскаваторы кончили работу на болоте, и их направили в Айзупскую волость (летом будущего года там предполагалось развернуть большие мелиоративные работы). Жан Пацелис сдержал данное Драве слово и перешел обратно на работу в МТС бригадиром только что организованной новой бригады трактористов: в Пурвайской МТС сейчас стало три тракторных бригады.

Змеинное болото оседало медленно, как бы нехотя, но когда растаял снег и отшумели весенние воды, оно приняло такой вид, как, бывало, летом в самые засушливые годы.

Зимой Айвар не раз совещался с председателями окрестных колхозов, а те, в свою очередь, с обширной семьей колхозников, и все признали, что вместо открытых канав на Змеинном болоте надо устроить сеть закрытого дренажа. Технический проект был исправлен, и теперь на месте работ лежали большие горы керамических труб.

После небольшого перерыва, вполне достаточного для подготовки последнего решительного наступления на болото, смены некоторых машин и заготовки всех необходимых материалов с новой силой закипела работа на Змеинном болоте.

Айвар несколько раз побывал в Риге по служебным делам и каждый раз, пользуясь случаем, сдавал экзамены в Сельскохозяйственной академии. В конце мая он сдал последние зачеты за третий курс. В ту же весну Артур Лидум окончил заочное отделение высшей партийной школы и сдал кандидатский минимум. В связи с этим ему пришлось провести несколько недель в Москве и поработать под руководством известного ученого. Артур уже выбрал тему для защиты диссертации на звание кандидата экономических наук и энергично собирал материалы, решив закончить эту работу года за два. Тема была весьма актуальная и интересная — о проблемах коллективизации сельского хозяйства в Советской Латвии. Первого секретаря укома партии часто можно было видеть в колхозах. Артур интересовался всем, охватывал наблюдательным глазом практика и ученого все новое, характерное. Нередко он совещался с Айваром и уточнял то или иное обстоятельство, которое для него было еще недостаточно ясно. Несомненно, что после завершения сплошной коллективизации, которое могло произойти в ближайшие два-три года, одной из самых актуальных проблем в Советской Латвии станет ликвидация хуторской системы, и в этом случае невозможно будет никакое упрощенчество и непригодны никакие шаблоны, — нужно глубоко продуманное практическое решение с учетом всевозможных мелочей. Вот об этом и думал Артур Лидум, это было главной темой его бесед с Айваром, с председателями колхозов и с различными работниками сельского хозяйства.

Вместе с руководителями колхозов и ответственными уездными работниками сельского хозяйства Айвар много думал об использовании Змеинного болота после его полной осушки. На земельном массиве в восемьсот гектаров хотелось создать что-нибудь такое, чего нельзя сделать на пересеченной местности. Здесь имелась полная возможность развить крупное образцовое молочное хозяйство с большими лугами, клеверными полями и пастбищами, зерновое хозяйство с широкой механизацией всех полевых работ, поля кок-сагыза, первые опытные участки которого, заложенные комсомольцами и пионерами Пурвайской волости под руководством Римши, оправдали самые смелые надежды и сулили этой технической культуре прекрасное будущее в местных условиях. Взвесив все «за» и «против», обсудив и приняв во внимание многосторонность развития сельского хозяйства, избрали комбинированный вариант: две трети территории бывшего болота использовать под молочное хозяйство, треть под технические культуры. В этом направлении и повели подготовительные работы: создавали запас семян многолетних трав и кок-сагыза, готовили специалистов для выращивания этой культуры, проектировали большую коровник на двести коров, телятник, дома для обслуживающего персонала, строения, которые будут возведены там, где сегодня доживает последние дни болото.

«Хорошо, когда человек умеет красиво и смело мечтать, — думал Айвар, мысленно обзоревая свою работу и работу других, — но какое огромное счастье, когда людям дана возможность воплотить свои мечты в действительность». Такая возможность была дана ему и всем советским людям, которые сегодня под водительством своей великой партии строили коммунизм в стране победившего социализма. Самая простая работа, казавшаяся самой заунывной, становилась творческой, самый маленький работник в этой огромной семье — творцом. И тогда самое трудное становилось легким, вдохновенным, захватывающим, ибо в эту работу было заложено семя бессмертия.

6

В Народном доме Пурвайской волости всю зиму и весну шла напряженная работа. Драматический кружок под руководством участкового врача Зултера разучил несколько пьес и выезжал с некоторыми постановками в народные дома соседних волостей. Директор школы Жагар безустали готовил хор к большому Празднику песни, а Гайда тщательно шлифовала мастерство хореографического коллектива, шаг за шагом добиваясь того, чтобы в исполнении каждого танца чувствовалось артистическое изящество, легкость и слаженность. Удивляться мастерству не приходилось — большинство членов коллектива уже почти три года участвовало в открытых выступлениях. Пршлым летом на смотре художественной самодеятельности хореографический коллектив Пурвайской волости выдвинулся на одно из первых мест по уезду и теперь почти наверняка рассчитывал на поездку в Ригу.

Подготовка к республиканскому Празднику песни и выступление на уездном Празднике песни совпадали с началом спортивного сезона, и кое-кому из молодежи нередко

приходилось разрешать трудную задачу: чему больше уделять внимания — художественной самостоятельности или физкультурным занятиям? Гайда и Жан иногда не знали, как распределить свое время, — тренировку к велокроссу нельзя было совместить с репетициями хореографического кружка. Гайда уже хотела отказаться от поездок по лесу в пользу кружка: ведь в первом случае дело касалось только ее самой, тогда как второе было делом целого коллектива.

Республиканские состязания по велокроссу и шоссейным гонкам происходили в середине мая; в них от Пурвайской волости участвовали трое: Гайда Римша, Жан Пацеллис и Эвальд Индриксон. В этих состязаниях участвовало много представителей сельской молодежи, и старым мастерам всех видов спорта приходилось считаться с этими весьма серьезными конкурентами. В женском велокроссе Гайда получила один из призов. В мужском кроссе Жан Пацеллис вышел на второе место, а Эвальд Индриксон, тренировавшийся специально к шоссейным гонкам, занял третье место. Благодаря достижениям пурвайчан к концу состязаний команда их уезда выдвинулась на второе место по республике и увезла домой диплом и приз.

Узнав по радио о результатах состязаний, Драва прислал Гайде и Жану поздравительную телеграмму. Эвальда Индриксона он не поздравил, считая, что это дело Регута. Регут все же оказался человеком более широкого размаха: в своей телеграмме Эвальду он не забыл поздравить Гайду и Жана, хотя они не были членами его колхоза.

...Уездный Праздник песни был проведен во второй половине июня, когда у деревенского люда было больше свободного времени: весенние полевые работы закончены, а сенокос еще не начался. Пурвайчане участвовали в этом празднике в составе объединенного хора четырех колхозов волости — это была новая черта в культурной жизни республики. И хор и хореографический кружок завоевали право на участие в республиканском Празднике песни и за несколько дней до большого фестиваля народного искусства уехали в Ригу, где начались репетиции объединенного грандиозного хора и хореографических коллективов.

Словно огромный цветник, зашестрела столица республики тысячами красочных национальных костюмов. Как гигантский сказочный орган, зазвучала песнями обширная эстрада на площади Коммунаров.

Большой праздник начался парадным шествием участников по центру города, мимо здания ЦК КП(б) Латвии к стадиону «Динамо»; вечером там должны были состояться выступления танцоров. Город за городом, уезд за уездом, с секретарями партийных комитетов и председателями исполкомов во главе прошли перед рижанами колонны участников. Если бы собрать вместе все цветы, что несли участники шествия, выросла бы огромная гора цветов. Но кто в состоянии охватить и измерить всю радость, счастье и гордость, воплощенные в улыбках этих людей, в восторженных возгласах, в биении сердец освобожденного народа!

На второй день праздника на площади Коммунаров пел объединенный хор. Звучали старинные латышские народ-

ные песни, песни братских советских народов. Над рижскими башнями плыли волны звуков, лило свое золотое солнце, казалось, что реки, ручьи и само синее море стремятся соединить свои голоса в величественный гимн отчизне.

И вот окончился светлый праздник, отзвучали и замолкли все песни... до следующего раза. В заключительном концерте в театре оперы и балета, где выступали только премированные коллективы, участвовал и объединенный хореографический коллектив пурвайских колхозников. Гайда получила премию — прекрасный деревянный ларец с янтарной инкрустацией, выполненной в национальном стиле, и почетную грамоту. Почетную грамоту получил и пурвайский хор.

Большинство пурвайчан после концерта сразу же уехало домой. Только те, у кого в городе были родственники и друзья или неотложные дела, остались в Риге. Среди них были Гайда Римша и Жан Пацеллис. Ян Лидум пригласил их погостить несколько дней на даче, где сейчас жила и Анна.

Жан и Гайда впервые увидели море. Спокойное и ласковое, озаренное июльским солнцем, лежало оно в своих необозримых берегах.

Точно хмельные, бродили Жан и Гайда по переполненному людьми пляжу и прислушивались к лепету волн, не прекращавшемуся ни днем, ни ночью, как бы тиха ни была погода. Крики чаек, сверкающие в открытом море паруса яхт, черные силуэты пароходов на горизонте и шуршание нагретого песка под босыми ногами вызывали в них чудесное, чуть мечтательное, чуть тревожное настроение. Хотелось петь, смеяться, слиться с великой природой, так отдельные капли воды сливаются с океаном.

Они купались несколько раз в день, а по вечерам, когда к ним присоединялась Анна, втроем сидели на высокой дюне и смотрели, как солнце, подобно красноватому раскаленному углю, медленно погружалось в море. Казалось, оно вот-вот зашипит, коснувшись воды, а море зашипит, и над ним поднимется синеватый пар.

Ян Лидум редко приезжал с работы раньше полуночи, но без него никто не садился ужинать и не ложился спать.

— Почему вы не взяли с собой Айвара? — шутиливо упрекал он гостей. — Совсем неплохо было бы и ему несколько дней подышать морским воздухом и проветрить мозги.

— Мы его приглашали, но он отказался, — оправдывался Жан. — Сейчас у него самая страдная пора. До осени он хочет закончить культивацию болота, чтобы колхозники могли в нынешнем году засеять всю площадь.

Анну, успешно окончившую первый курс партийной школы, Ян Лидум уговорил провести каникулы у него на даче; таким образом, впервые за свою жизнь она получила возможность отдохнуть. Раз в неделю она посещала музеи и выставки, недавно побывала на гастрольных спектаклях Московского Художественного театра, два спектакля ей удалось посмотреть вместе с Айваром, приезжавшим на несколько дней сюда по служебным делам.

Жан и Гайда побывали на нескольких фабриках и заводах, построенных и реконструированных после войны, в

музее народного быта, прошлись по маршруту велокросса в Межапарке, где несколько недель тому назад состязались с лучшими велогонщиками республики. В последний день пребывания в гостях съездили в Сигулду.

Великолепно отдохнув и, как Гайда выразилась, чуть не лапаясь от полученных впечатлений, они вернулись через неделю домой и с новой энергией взялись за работу. Яну со своей бригадой пришлось несколько месяцев работать на колхозных полях соседней волости, поэтому до наступления зимы он редко встречался с Гайдой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Прошел еще год...

По всей Латвии прокатилась волна коллективизации; теперь в колхозах республики было объединено около девяноста процентов всех крестьянских хозяйств.

Летом 1949 года Анна Пацелпис окончила партийную школу. Отпуск она думала провести вместе с Айваром на одном из южных курортов Советского Союза, а после этого должна была приступить к работе в Пурвайской МТС — быть преемницей Финогонова на посту заместителя директора по политработе. Финогонов уходил директором в одну из новых МТС. Комиссия, распределявшая выпускников партийной школы, наметила было Анну для работы вторым секретарем укома партии, но, принимая во внимание семейные обстоятельства Анны (месяца два назад Айвар с Анной поженились), — изменила свое решение. Айвар недавно закончил четвертый курс Сельскохозяйственной академии, опять вернулся в министерство и руководил одним из отделов управления. Ему приходилось много времени проводить в уездах и новых колхозах, — это как нельзя лучше отвечало его склонностям: Айвара увлекала практическая работа по сельскому хозяйству, непосредственное общение с новой, формирующейся на его глазах жизнью, с людьми. Вия, что молодой агроном всеми силами стремится не попасть на работу в центральный аппарат, руководство обещало назначить его после окончания академии руководителем селекционной станции или опытного хозяйства, но Айвар мечтал о совершенно другом, и однажды, в минуту откровенности, он поделился своими планами с отцом, и тот счел нужным помочь сыну. Вскоре после того, как Анна закончила партийную школу и получила назначение на работу в Пурвайскую МТС, Ян Лидум отправился в очередную поездку по своему избирательному округу, предложив Анне сопровождать его.

Ян Лидум с Анной выехали из Риги рано утром. По дороге Лидум завернул в один уездный центр, где находилось периферийное предприятие его министерства, а затем встретился с избирателями в двух других местах. На следующий день он выступил с докладом о международном положении в Народном доме, где собралось около четырехсот человек. По заданным после доклада вопросам можно было судить, что люди внимательно следят за всеми событиями международной жизни и правильно ориентируются в них. Великая борьба за мир во всем мире, в которую включилось под водительством Советского Союза все прогрес-

сивное человечество, была каждому понятна, каждый чувствовал, что это его близкое и кровное дело.

Когда машина выехала со двора Народного дома и поехала по недавно отремонтированному шоссе, Ян Лидум и Анна заговорили о выступлениях избирателей.

— Неплохой ответ дают они поджигателям войны и мракобесия! — воскликнул Лидум. — О чем только не говорилось сегодня! Вот еще одно болото осточертело окрестному населению, и оно жаждет его осушить. А вот восемь колхозов решили сообща построить сельскую электростанцию на многоводной реке. Приходилось ли тебе раньше слышать такие речи? И кто мог так говорить? Понимаешь ли, что все это означает? Ну, отвечай, ученый марксист...

Анна улыбнулась:

— Закон диалектики доказал свою несокрушимую силу и в условиях Советской Латвии. Новое победило старое и, вступив в свои права, продолжает победное шествие.

— Правильно, Аннина, но это еще не все. Жизнь нашей республики и народа, наконец, достигла той ступени, когда она начинает смыкаться с жизнью всего великого советского народа, и мы вместе продолжаем работу, как единое целое, — строим коммунизм. До сих пор нам надо было во многом наверстывать упущенное, для этого требовалось время. И нам на это была дана известная историческая скидка, как новичкам. Теперь ясно, нам больше не надо никаких скидок. В одном темпе, плечом к плечу — вперед!

Он от всего сердца радовался каждой новой черте, которую ему удавалось рассмотреть в своих избирателях. Вчерашний одиночник, поработав некоторое время в колхозе, внимательным хозяйским глазом следил за всем, что происходило в общественном хозяйстве; заметив, что у председателя слишком щедрая рука и коллективное добро начинает ушлывать, — он не молчит и не глядит по сторонам, а бьет тревогу, призывает на помощь своего депутата, если ему кажется, что другие работники слишком медлят и долго раскачиваются. Его не запугают никакие административные окрики и угрозы задетых критикой обывателей; уверенный в правильности своих действий, он знает, что в Советской стране всегда побеждает правда.

— Быстро растут люди, — сказал Лидум. Хотя он говорил это уже много раз, но каждая встреча с народными массами вновь приводила его к этому выводу, и каждый раз вывод имел новое обоснование.

Они долго молчали. Наконец замелькали вдали городские огни. Машина покатила по улицам и остановилась у дома, где жили Илья и Артур, — здесь решили переночевать.

2

Спать в ту ночь пришлось мало. Пока отпрыск Артура и Валентины — маленький Янит — не закончил свои дневные дела, он находился в центре внимания родителей. Отметив недавно свой первый юбилей, он сделал в день своего рождения первые шаги и мог теперь самостоятельно, без помощи посторонних добраться до любого угла маленького мира, который состоял из трех комнат, передней и кухни. Новые открывшиеся перед ним возможности стали

причиной новых забот всей семьи: от Янита, как от огня, приходилось беречь газеты, книги, бумаги — все, что падало в его руки, он безжалостно рвал на клочки, находя в этом занятии особую радость, которую не суждено познать взрослому человеку. После того как в руки малыша попала копия диссертации Артура и две первых страницы превратились в мелкие клочки, даже Илза, которой все, что вытворял внучек, казалось хорошим и умным, признала, что нового гражданина надо кое в чем ограничить: лексикон его обогатился одним веским словом — «нелзя».

Весной Артур опять провел несколько недель в Москве и успешно защитил свою кандидатскую диссертацию; вскоре она должна была выйти отдельной книгой.

— А что ты думаешь делать дальше? — поинтересовался Ян Лидум.

— На следующую пятилетку запланировал докторскую диссертацию, — ответил Артур. — Тема окончательно еще не выбрана, но думаю, она будет связана с нашей аграрной политикой. Пока дело дойдет до защиты диссертации, сама действительность предоставит столько конкретного материала, что хоть отбавляй.

— А как с Академией наук? — спросил Лидум.

Сразу после присвоения Артуру кандидатской степени один из институтов Латвийской Академии наук пригласил его научным сотрудником.

— Пусть еще подождут, — ответил Артур. — Научным трудом можно заниматься не только в стенах института. Вся наша жизнь — наука. Когда у меня накопится достаточно познаний и впечатлений от самой жизни, тогда можно будет подумать о каком-нибудь академическом кабинете.

— А если партия признает, что сегодня ты более нужен в академическом кабинете, чем в уездном комитете?

— Тогда, конечно, я подчинюсь требованию партии. Но надеюсь, что несколько лет мне еще дадут поработать здесь.

— Сомневаюсь.

— Ты, дядя, что-нибудь знаешь? — Артур озабоченно посмотрел на Яна Лидума.

— Краем уха слышал, что тебя хотят перевести в Ригу и поставить во главе одного нового Главного управления, об организации которого имеется правительственное постановление, — ответил Лидум. Множество мелких морщинок вокруг глаз и еле сдерживаемая улыбка показывали, что ему известно что-то совершенно определенное. Поняв это, Артур задумался.

— Тогда с докторской диссертацией навряд ли что выйдет, — тихо проговорил он.

— Почему? — Лидум удивленно сдвинул брови. — Деятельность Главного управления будет тесно связана с предполагаемой темой твоей докторской диссертации. Как говорится, приятное с полезным. В конце концов для чего тебя партия шествовала, закаляла и учила, если ты хочешь поджизни коштеть на одном месте? Так не пойдет, дорогой, с каждым днем нам надо отдавать партии все больше и больше.

— Я так и предполагал делать.

На следующее утро они втроем отправились в Пурвайскую волость, — к Анне и Яну Лидуму присоединился Артур. Валентина не могла оставить ребенка, у Илзы в тот день был семинар для председателей сельских советов.

День выдался жаркий, солнечный, так что шофер опустил тент. Почти на каждом километре машина останавливалась, так как Ян Лидум не мог равнодушно миновать ни одной новостройки, ни одного большого поля или стада. Хорошо зная свой уезд, Артур давал пояснения:

— Этот Народный дом закончили строить только весной. На обратном пути заедем посмотреть его. Знаюки утверждают, что зрительный зал обладает лучшей акустикой в Латвии. А вот в этом стаде есть корова Магоне, которая дала за прошлый год пять тысяч восьмьсот килограммов молока. В этом году надеются увеличить удой еще на пятьсот килограммов. Доярка награждена орденом Трудового Красного Знамени. Посмотри туда, на новый коровник. Он принадлежит колхозу «Память Ильича». Там все механизировано, даже дойка. У них свое электричество от ветряного двигателя. Даже дрова больше не пилят вручную.

— Гм, да... — проговорил довольный Ян Лидум. — Как видно, над твоей докторской диссертацией работает много помощников. А ты еще сомневался — вряд ли что выйдет?!

На одном перекрестке они сошли с машины и прочли на столбе многочисленные названия колхозов:

— «Циня»¹, «Коммунар», «Накотне», «Путь Ильича», «Золотая нива», «Дзирнуе», «Первое мая», «Сельскохозяйственная артель имени Сталина»... — Куда девались теперь все эти Канла-Бренчи, Дундури и Путрынькалны?

— Туда же, куда и серые бароны, — они остались лишь в горькой памяти народа, — сказала Анна.

После двух почти лет отсутствия они на каждом шагу замечали что-нибудь новое, и чем ближе подъезжали они к Пурвайской волости, тем больше было причин для удивления.

В одном месте пришлось свернуть с большака и по обездному пути добраться до временного моста. Ниже по течению, где раньше находился железобетонный мост, оба берега реки были изрыты, на них штабелями лежали стройматериалы, поблескивали части новых машин.

— На это стоит поглядеть, — сказал Артур.

Машину остановили и пешком направились к месту, которое походило на воплощение хаоса. Но стоило внимательно взглянуть в это столпотворение — и постепенно становился понятным смысл нагромождения металла, дерева, бетона и земли. Во всем виделась целеустремленная деятельность рук и мозга человека.

— Будущая гидроэлектростанция, верно? — спросил Ян Лидум.

— Да, здесь будет электростанция, — ответил Артур, и глаза его засверкали. — Хотим будущей весной к Первому мая сдать в эксплуатацию. Двенадцать колхозов получают свет и электроэнергию для всех своих нужд. Конеч

¹ Борьба (латыш.).

керосиновым лампам и прочим коптилкам, похоронная песня старым утюгам и чайникам!

— А пурвайчанам что-нибудь достанется от этого? — спросила Анна.

— В том-то и штука, что почти половину энергии они заберут себе, — ответил Артур. — Но это будет честно заработано: до сих пор большую часть рабочих и возчиков для строительства давали колхозы Пурвайской волости.

— Неспokoйные люди у нас, — шутливо заметил Ян Лидум.

Проехав несколько километров, они вновь вынуждены были остановиться на широкой колосащейся ниве колхоза «Сталинский путь». Они увидели мощный комбайн. Как корабль в море, плыла по золотистым волнам нивы могучая машина. Сверкали на солнце ее быстрые лопасти, хлопотливо гудел молотильный барабан, обмолоченное зерно непрерывным потоком текло в зерноприемник.

— Вот это я понимаю! — сказал Лидум. — Комбайн на полях Латвии! Понимаете ли вы, друзья милые, — комбайн!

Могучая машина оставляла за собой через ровные промежутки кучки обмолоченной соломы и широкую полосу коротко остриженной стерни. Когда комбайн приблизился к большаку, Анна узнала в комбайнере своего брата Жана. Достигнув края поля, он повернул машину вдоль большака, сошел с комбайна и подошел к «победе». Лицо его изменилось — маленькие темные усики делали его старше и мужественнее.

— Что ты делаешь, голубчик, что делаешь? — Лидум покачал головой. — Пока другие в церкви молятся, ты хочешь один скосять и обмолотить все озимое. Оставь что-нибудь и другим.

Жан широко улыбнулся.

— А где они, эти богомольцы-то, товарищ Лидум! Кроме матушки Гандриене, Рейнхарт никого из наших не видит на своих проповедях. Человек в лучшие годы становится безработным.

— Надо будет ему придумать новое занятие, — пошутил Лидум.

— Давно ты плаваешь на этом корабле? — спросила Анна.

— Позавчера впервые выехал в поле. Еще два-три дня, и озимые «Сталинского пути» будут скошены и обмолочены.

— А зерно не слишком влажное? — поинтересовался Артур.

— Как раз что надо. Прямо с комбайна можно везти на заготовительный пункт и сдавать государству. Вам стоило бы увидеть, что здесь было позавчера...

— А что? — спросил Лидум; сорвав колос, он растер его на ладони и, когда высypшались зерна, попробовал на зуб. — Да, ждть нельзя, надо скорее убирать, иначе начнет осыпаться.

А Жан, улыбаясь, рассказал:

— Когда комбайны впервые выехали в поле, в домах, наверно, не осталось ни одного человека. Большие и малые, старые и молодые — все высypшали поглядеть. А когда комбайн тронулся, тысяча людей шагала следом, мерила

длину стерни и щупала обмолоченные колосы, стараясь найти в них зерна. Но хотя бы единое зернышко попалося им за все их труды!

Лидум от души рассмеялся.

— Ты сегодня долго будешь работать? — осведомилась Анна.

— Если не будет дождя, то еще несколько часов.

— Значит, вечером встретимся, — сказала Анна.

Жан вернулся к комбайну, сел за штурвал, и корабль полей снова уверенно отправился в плавание.

У правления колхоза «Сталинский путь» прибывших встретили Регут, Бригис и Айвар.

— Батюшки, вот дорогие гости! — крикнул им издали Регут. — Милости просим, товарищи, вылезайте. Как раз во-время приехали. Успеете только поесть после долгого пути, осмотреть, что у нас есть нового, а потом придется идти на собрание.

— У вас сегодня собрание? — удивилась Анна.

— И еще какое, милая, если б ты знала! — отозвался Регут. — Такого еще не было с тех пор, как мы здесь живем. Как хорошо, что ты опять дома. Люди обрадуются, когда увидят тебя на собрании. Не могут дождаться, когда вернешься.

Анна взяла под руку Айвара, и они, отстав от других, пошли в большой фруктовый сад. Здесь два года назад колхозники в первый раз сообща отпраздновали купальскую ночь и боролись с бандитами; здесь с губ Айвара впервые слетело робкое признание, — все, что было связано с этим признанием, казалось им обоим бесконечно дорогим.

3

В правлении колхоза гости долго не задержались. Ознакомившись с некоторыми главнейшими данными: о величине посевной площади, о поголовье скота, с отдельными статьями бюджета и заинтересовавшись таблицей, висевшей на стене в комнате счетовода, где отмечались выработанные каждым колхозником трудодни, — они вместе с Регутом и Бригисом обошли и объездили самые примечательные места колхозного хозяйства. Айвару все было хорошо известно. Он как свой человек ходил по фермам, теплицам, опытным площадкам мичуринской лаборатории, показывая их приезжим.

Регут недавно приобрел «москвич» темносинего цвета и сам правил им — хотя и не так ловко, как профессиональный шофер, но достаточно смело и уверенно; тяжелее было с обратным ходом, но с этим приходилось встречаться только тогда, когда машину приходилось повернуть на ограниченной площадке, а Регут избегал попадать в такие условия.

— Для чего нам учиться отступать? — обычно подшучивал он над своими затруднениями. — Мы ведь всегда будем двигаться вперед.

Он очень гордился колхозным клубом, устроенным в доме бежавшего кулака. Чтобы сделать зал для собраний, в нижнем этаже снесли несколько перегородок. Библиотека насчитывала тысячи полторы книг, там имелось почти

все, что было издано в Латвии после войны по вопросам социалистического земледелия. Во втором этаже находилась лаборатория мичуринцев, читальня, красный уголок, комната отдыха с разными играми и мощным радио-приемником.

— Каковы ваши успехи в освоении новых культур? — поинтересовалась Анна, когда Айвар познакомил посетителей с разными достопримечательностями лаборатории мичуринцев.

— У них большие успехи, — ответил за Регуту Айвар. — Кок-сагыз — уже вполне освоенная культура и с опытных площадок переселился на поля. Осенью они уберут первый гектар ветвистой пшеницы и вместе с тем полностью разрешат вопрос о семенах для этого чрезвычайно урожайного сорта — и себе хватит и можно будет поделиться с соседями. Они уже начали опыты с соей, чумизой и идрой, а Регут, как большой сластена, мечтает о винограде и арбузах. Про апельсины и мандарины еще не слышно, но я не ручаюсь, что у нас не начнут ломать головы и над ними.

— Он так рассказывает, будто кто другой выдумал все это, — усмехнулся Регут. — А сам главный зачинщик. Как придет к нам, так обязательно начинаются разные новшества. Прямо с ума посводил наших ребят да девушек всеми этими диковинками. Ходят они за ним табунчиками и каждому слову верят больше, чем старушки пасторской проповеди.

— Совсем не так обстоит дело, но молодежь эти вещи интересуют, — заметил Айвар.

На конеферме они встретились с Антоном Пацеплисом и Петером Гандриене. На груди Петера красовался орден Трудового Красного Знамени, а когда он водил гостей по конюшне, Регут шепнул Анне и Яну Лидуму, что Петер Гандрис кандидат на звание Героя Социалистического Труда; от двадцати кобыл вырастил двадцать жеребят.

— Ага, что вы на это скажете — свой собственный Герой! — улыбался он. — К будущему году будет обязательно.

— Если человек заработал, пусть получает, что причитается, — сказал Лидум.

— Ведь он днюет и ночует на конюшне, домой ходит раз в неделю — попариться в бане. Что же тут удивительного.

Анна подошла к отцу.

— Как тебе живется, отец? — спросила она.

— Чего мне нехватает... — усмехнулся Пацеплис. — Лошадки хорошие, сыт по горло, труднейшей хватает. Каким я был хозяином, когда всю жизнь не знал, как свести концы с концами? А как ты?

— Теперь опять буду работать здесь, на машинно-тракторной станции — вместо Финогенова.

— А как же вы с Айваром думаете жить? Врозь, что ли? Странная жизнь будет у вас.

— Может, и не придется жить порознь. Иначе я не приехала бы сюда на работу.

— Значит, и он будет жить здесь?

— Возможно. Ты на собрании будешь?

— Придется пойти послушать. — Пацеплис неожиданно засмеялся. — Ну и обделали вы свое дельце так

тихо, что и воды не замутили, а я-то надеялся на твою свадьбу водочки отведать. Не взыщи, дочка, если я когда-нибудь отплачу тебе тем же. Невесту я уже приглядел, а о дне свадьбы не скажу ни слова. Как вы со мной, так и я с вами.

— Ты думаешь... еще раз жениться? — Анна растерянно посмотрела на отца.

— А позволь узнать, почему бы мне не жениться? Я еще не такой старый. Мне еще жить да жить.

— Да, конечно... — ответила задумчиво Анна.

Но когда она присоединилась к остальным, Пацеплис лукаво усмехнулся и покачал головой:

— Эх, напугал. Наверно, поверила. Все-таки не хочет получить вторую мачеху. Ну, обойдемся, обойдемся без женитьбы. На семейном кладбище для четвертой жены места нехватит. Хорошо, если найдется, куда самого положить.

На молочно-товарной ферме царил тишина, как обычно в летнее время, когда скот находится на пастбище, поэтому Регут после осмотра конефермы повел гостей прямо на Змеиное болото. Маленький «москвич», управляемый новичком, не спеша проехал мимо МТС и того места, где когда-то виднелись покосившиеся постройки усадьбы Сурумы. Только несколько кустов сирени и две старые яблони показывали, что когда-то здесь жили люди: все постройки были разобраны, старый колодец засыпан, и до самого бывшего двора расстилалось картофельное поле колхоза. Анна посмотрела в ту сторону, но ни одна грустная мысль не шевельнулась в ее мозгу и сердце не забилося в тревоге. Она обернулась к большому болоту, к которому сейчас подъезжала машина. Неподалеку от бывших Сурумов, слева от большака проходил новый проселок. Регут, сбавив газ, медленно повернул машину влево и спокойно, будто это было обычным делом, въехал на болото — туда, где несколько лет назад не могла ступить нога человека. Анну охватила теплая волна радости и счастья. Она невольно схватила руку Айвара и посмотрела ему в глаза.

Айвар понял ее без слов и, не желая нарушить чудесное настроение, улыбнулся и молча кивнул головой.

«Да, глаза не обманывают тебя, болото было, но теперь его нет».

А было вот что: огромное, зеленое, чистое от кустарников, кочек и пней поле, конец которого сливался с темнеющим бором. На длинных стожарах сушится скошенный клевер, в разных местах виднеются большие стога сена; проехав еще километр, они увидели большое стадо бурых коров, мирно щипавших траву на новых пастбищах.

Посреди болота высился длинный, еще не законченный корпус, и возле него полукругом стояли не законченные еще постройки. Регут, не останавливая машины, поехал наискосок через болото. Все молчали, — все были взволнованы до глубины души. Перед ними, как чудо, развернулась величественная картина возродившегося плодородия земли.

На другом конце болота раскинулся большой возделанный участок — гектаров тридцать, покрытый причудливыми, невиданными растениями. Правильные ряды, отстоящие на полметра друг от друга, поросли через каждые

двадцать пять сантиметров темнозелеными розетками листьев: в центре розетки возвышались полые трубочки цветов.

— Что это такое? — не удержался Ян Лидум.

— Кок-сагыз... — ответил Айвар. — Будущая резина, автопокрышки, калоши, резиновые сапоги и многое другое. В этом году нехватило пороку засеять больше, а в будущем году кок-сагызное поле будет увеличено вдвое. В перспективном плане ему отводится треть всей площади болота.

Машина достигла края болота, прилегающего к территории Айзупской волости; дальше по обе стороны стоковой канавы, идущей к озеру Илестому, опять раскинулись дуга, пастбища и большие посевы хлебов.

На обратном пути Регут остановил в одном месте машину. Все прошли по скошенному полю многолетних трав. И было так странно, что недавняя трясина, где и зайцу трудно было петлять от одного островка к другому, сейчас покорно лежала под ногами и всюду виднелись щедрые плоды земли.

— А знаете, сколько мы собрали в этом году клевера и сена на этом болоте? — заговорил Регут. — В среднем девяносто шесть центнеров с гектара! И какой корм — чистый концентрат! Прямо жаль, что нет больше скота, еще голов на сто хватило бы.

— Как со змеями? — спросила Анна. — Много коров покусали этим летом?

— Таких случаев не было.

— Тогда придется изменить название болота, — засмеялся Артур. — Какое же это Змеиное болото, если нет больше змей.

— Болото? — Айвар с удивлением посмотрел на двоюродного брата. — Может, ты будешь так любезен и покажешь нам, где здесь болото?

— Прости, Айвар, вырвалось по старой привычке, — оправдывался Артур. — Я еще не могу привыкнуть к этому чуду.

— Это не чудо, Артур, а творческая работа советских людей, — заметил Ян Лидум.

Здесь они встретились с Финогеновым, который только полчаса тому назад узнал о приезде гостей. Поздоровавшись со всеми, он спросил у Анны:

— Ну как, Анна Антоновна, сдержали мы слово, которое дали вам в тот дождливый день при прощании?

— Все обещанное выполнено, товарищ Финогенов, — ответила Анна, крепко пожимая ему руку. — Кое в чем даже перестарались.

— Например? — Финогенов добродушно улыбнулся.

— Все время дожидалась, что запищит какой-нибудь комар, но так и не дождалась, — сказала Анна. — Скоро ученым придется ехать в далекую северную тундру, чтобы разыскать экземпляр для своих коллекций.

Все рассмеялись.

— С комарами я давно веду борьбу, — заговорил Регут. — У меня, как видите, крови достаточно, и невелика беда, если какая-нибудь мошка и покормилась бы, но ужасно не хочется откармливать паразитов. Пусть ученые не печалются: кой-где по лесам, где много папоротника, еще найдут стайки комаров, только им следует поторо-

питься со своими коллекциями, слышно, что и леса скоро избавят от лишних вод. Куда тогда скроется бедному комарику.

— Когда я могу сдать дела? — спросил Финогенов у Анны. Он уже знал, что Анна будет его преемницей. — В отпуске, наверное, еще не были?

— Я и не знаю, как быть с этим отпуском, — ответила Анна. — Самая страда... и на что будет похоже, если заместитель директора станет разъезжать в такую пору по югу?

— Не хочу хвастаться, но свое хозяйство я оставляю в довольно хорошем состоянии, — продолжал Финогенов. — Ничего страшного не случится, если вы месяц будете отсутствовать.

Они уговорились встретиться утром в МТС и оформить прием и сдачу.

...Под вечер к центру Змеиного болота по всем дорогам стали стекаться потоки людей. Они собрались на обширном дворе новой молочной фермы. Многие стояли, другие сидели на простых деревянных скамьях, на штабелях бревен и грудах строительного материала или прямо на зеленой траве. На одном конце площадки поставили длинный стол, покрытый красной скатертью, несколько скамей и стульев.

Когда собрался народ, за стол уселись председатель волостного исполкома Бригис, Артур Лидум, парторг волости Клуга, председатели колхозов «Сталинский путь», «Раудупе», «Победа» и «Комсомолец» с Регутом в центре и несколько знатных людей колхозов, среди которых была и заведующая молочной фермой Ольга Липстынь. На груди у нее блестел в вечерних лучах солнца орден Ленина. С прошлой осени Ольга стала членом партии. Бригис попросил министра Лидума, Анну и Финогенова тоже занять места за столом президиума. И когда те, немного помешкав, уселись во втором ряду, собрание объявили открытым.

— Товарищи... — обратился Бригис к колхозникам. — Несколько дней тому назад в четырех колхозах нашей волости состоялись общие собрания. Взвесив все условия и перспективы дальнейшего развития своих колхозов, члены сельскохозяйственных артелей «Сталинский путь», «Раудупе», «Победа» и «Комсомолец» единодушно признали, что для более успешного ведения коллективного хозяйства необходимо объединиться и в дальнейшем продолжать деятельность как объединенному колхозу «Сталинский путь»...

Продолжительные аплодисменты прервали Бригиса. Получив, наконец, возможность говорить, он продолжал:

— Волисполком ознакомился с решениями и протоколами всех четырех колхозных собраний. Вот они тут на столе президиума. Мы связались с уездным исполкомом и партийным комитетом и пришли к общему выводу: это объединение надо приветствовать и поддерживать. Такого же мнения придерживается и правительство республики и Центральный Комитет партии. Итак, объединение этих четырех колхозов утверждено, и вам, дорогие товарищи, сегодня надо выбрать председателя объединенного колхоза, а также — правление и ревизионную комиссию. Я думаю,

будет правильное, если мы сначала выберем председателя. Имеются какие возражения? Я вижу, что нет. В таком случае прошу выдвигать кандидатов.

— Регута! — слышался чей-то голос.

— Прощу слова! — крикнул Регут. — У меня другое предложение.

— Слово товарищу Регуту, — объявил Бригис.

Став у стола, чтобы все могли его видеть, Регут спокойно оглядел собравшихся и заговорил просто и свободно:

— Как вам известно, я уже два года проработал председателем колхоза. Этого вполне достаточно, чтоб человек выяснил, что он может и чего не может. За это время я научился кое-чему такому, чего два года тому назад не знал. Но я еще сильнее, чем тогда, чувствую, чего у меня нехватает. У меня достаточно практической сноровки и опыта, но они пригодны лишь в том случае, если мы будем жить, работать и хозяйничать по старинке — сегодня так же, как вчера. А чтобы уметь заглянуть в будущее, чтоб во-время организовать все так, как будет нужно потом, через пять, десять и двадцать лет, чтобы взять от природы то, чего наши отцы и мы сами не сумели взять, — недостаточно одних практических знаний — нужно специальное образование, нужно знание сельскохозяйственной науки. Вот ее-то мне и нехватает. Если я до сих пор кое-как справлялся с нашим колхозным хозяйством, то только потому, что оно было мало и что мне очень много помогали советами люди, у которых этих знаний больше. Теперь, когда придется руководить объединенным колхозом, моих силенок недостаточно, и я с этим огромным хозяйством не справлюсь. Поэтому у меня есть предложение, о котором я уже беседовал с председателями остальных колхозов и со многими колхозниками. Уездные организации и министерство тоже знают и поддерживают его. Настоящего человека, кому мы со спокойной душой можем доверить руководство объединенным колхозом, искать далеко не придется, он находится среди нас, и вы все его хорошо знаете. Этот человек был среди нас, когда мы делали первые шаги по пути колхозной жизни, он много помогал нам, он провел землеустройство и разработал первый трехлетний план. Под его руководством мы превратили в плодородную землю огромное болото, посреди которого мы собрались сегодня, чтоб решить вопрос о дальнейшей жизни. Я предлагаю выбрать председателем нашего объединенного колхоза — товарища Айвара Лидума.

Уже с середины речи Регута много глаз разыскивали Айвара, и чем дальше, тем яснее становилось всем, что именно о нем говорит Регут. Когда Регут умолк, раздались такие аплодисменты, что последняя мошка, если она и пряталась в какой-нибудь щели, должна была удрасть с перепугу.

— Правильно! — раздавались один за другим громкие возгласы. — Айвара Лидума председателем! Он этого достоин! Голосуй, Бригис, чего ждешь!

Смущенный Айвар не знал, куда девать глаза. Регут сказал то, о чем он уже давно втайне мечтал, это было самым заветным желанием Айвара — работать в самой гуще народа, отдать свои силы и знания строительству новой жизни именно там, где еще сохранились в памяти

уродливые призраки вчерашнего дня и глубокое, теперь уже пережитое горе.

— Товарищ Лидум, — прервал его мысли Бригис, — собрание хочет слышать ваше мнение. Иначе мы не можем приступить к голосованию.

Айвар встал и пробрался к концу стола. Наверно, он никогда еще не казался таким высоким, мужественным и в то же время таким ребячески взволнованным, как в этот момент, — может быть, только тогда, когда получал в райкоме партийный билет.

— У меня нехватает слов, дорогие товарищи, чтобы выразить вам свою благодарность, — сказал он, — за огромное доверие, которое вы мне сегодня оказываете. Скажу откровенно, без всякого притворства: меня обрадовало ваше предложение, и для меня большое счастье работать вместе с вами здесь, на этой земле, которую мы общими силами отвоевали у природы. Поскольку это зависит от меня, я согласен остаться у вас и руководить колхозом, но есть два обстоятельства, которые нам надо сегодня высказать.

— Что за обстоятельства? — спросил Артур.

— Первое: я работаю в Министерстве сельского хозяйства и без согласия министра не могу перейти на другую работу.

— Уже согласовано! — крикнул Регут, не в силах сдержать улыбку. — Мы на прошлой неделе были у министра и обо всем договорились.

— Вот как? — улыбнулся Айвар. — Тогда остается второе обстоятельство... Мне еще надо окончить пятый курс Сельскохозяйственной академии. Я должен сдать государственные экзамены и защитить дипломную работу. Это значит, что до будущего лета я должен часть времени отдавать учебе.

— Успеешь и академию окончить! — кричали с мест. — Мы дадим тебе учиться, сколько потребуется! С колхозом справишься и экзамены сдашь! Как же осушал болото и учился? У нас труднее не будет!

Через полминуты Айвара Лидума единогласно выбрали председателем объединенного колхоза. Регут стал его заместителем.

А когда были избраны все органы управления, Айвар снова взял слово и рассказал колхозникам, какие планы он уже продумал, совсем не зная, что ему придется здесь работать.

Люди слушали и понимали, что это не фантазия мечтателя, а близкая, почти осязаемая действительность, прекрасный, счастливый завтрашний день. Из богатых недр завоеванного настоящего взойдет солнце коммунизма.

Так будет, так должно быть, так хочет выросший в бурях и грозах советский человек, которого учила мечтать и бороться за превращение своих мечтаний в действительность сама совесть человечества, сам солнечный гений человечества — Иосиф Сталин.

Окончилось большое собрание посреди бывшего болота, но люди не расходились. Зазвучала музыка, веселые песни. Во дворе новой фермы в лунном свете мелькают танцующие пары. Если хорошо всмотреться, там можно заметить многих наших старых знакомых и друзей. Только двух — Айвара и Анну — напрасно искали бы мы здесь. Чтобы

увидеть их, надо пройти дальше, вглубь бывшего болота, где магистральный канал соединяется со второй отводной канавой. Там, у маленького устья, стоят они на низком берегу и смотрят, как, переливаясь в лунном свете, вода течет к реке, к далекому морю. Она течет, ни на мгновение не останавливаясь, темная и густая, как дурная кровь старого болота.

— Наконец-то ты побеждено, ненасытное болото... — говорит Айвар, сжимая руку Анны. Он глядит на яркий свет, сияющий в центре бывшего болота. Оттуда доносятся музыка и жизнерадостные голоса. И рука Анны доверчиво,

с нежной силой отвечает на крепкое пожатие его руки.

— Ты больше никогда не воспрянешь, злая разрушительная сила, — говорит Анна. — Мы не позволим. Мы, советские люди, говорим тебе это.

Огненной чертой вспыхивает и гаснет в темном ночном небе путь падающего метеора. Легкий ветерок доносит пряный запах скошенной травы и тихое мычание оставленного на пастбище скота. Вся живая природа набирается сил для наступающего дня.

Перевод с латышского Я. Шумана.

Конец

Редактор *П. Киселев*

Подписано к печати 20/VI 1952 г. А-01068.

Тираж 500 000 экз.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{16}$ ==

3 бум. л.—9,84 печ. л. Учетно-авт. л. 14,52. Заказ 217.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

2 р. 90 к.

